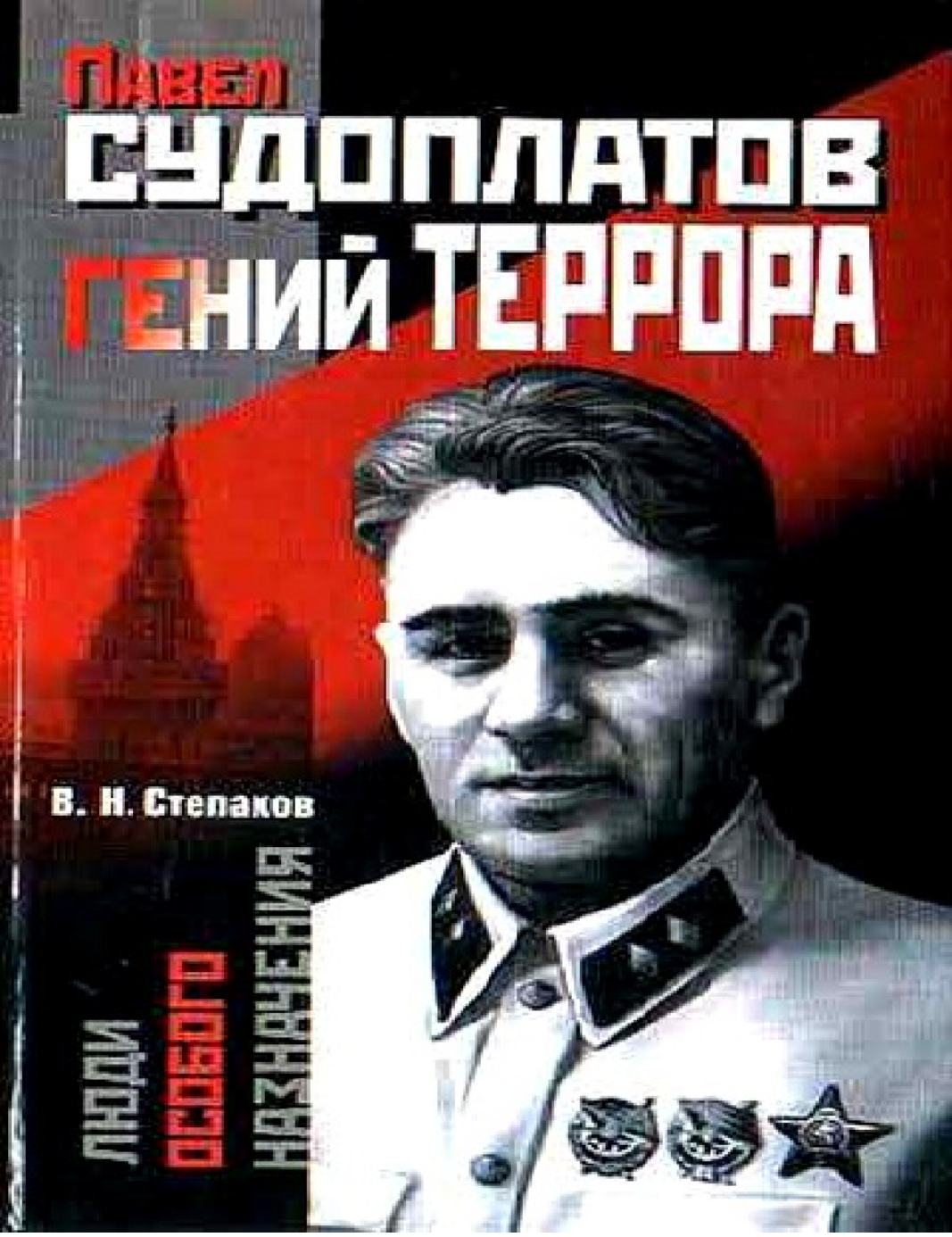
Павел Судоплатов

Гений террора



В. Н. Степаков

Люди особого назначения

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга Степакова В. Н. раскрывает неизвестные страницы из жизни Павла Анатольевича Судоплатова — одного из самых выдающихся представителей отечественных спецслужб. На основе многочисленных документов и материалов из архивов ФСБ РФ, СВР РФ, а также из личного архива П. А. Судоплатова автор пытается опровергнуть многочисленные легенды, связанные с именем этого незаурядного человека.

***

Книга скачана с «Google-books» и, к сожалению, отсутствуют некоторые страницы. Если кто-то найдёт их отпишитесь http://lib.rus.ec/user/wotti я с удовольствием и благодарностью вставлю их в книгу.

Все недостающие страницы помечены в тексте.

- В. Н. Степаков
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15

- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47

В. Н. Степаков
Павел Судоплатов — гений террора

Глава первая

В 1907 году в семье мешан Судоплатовых родился четвертый ребенок. При крещении его нарекли Павлом.

Детство мальчика было самым обычным. Да и что в нем могло быть необычного, если жили Судоплатовы небогато, с трудом сводя концы с концами. К тому же город, Мелитополь, где Павел появился на свет, представлял собой унылое зрелище. «Проездом посетил Мелитополь. Самая настоящая дыра. Изо всех достопримечательностей — пожарная каланча. Пренеприятнейшее местечко, хуже его на Украине разве что Жмеринка», — такой отзыв оставил о городе один из прогрессивных деятелей того времени. И вероятно, быть бы Павлу Судоплатову пекарем либо крючником, не случись в российской истории событий 1917 года. Правда, Февральская революция ничуть не изменила устоявшихся порядков. Известие об отречении от престола Николая II в Мелитополе встретили достаточно сдержанно, если не сказать равнодушно. Больше разговоров было вокруг Временного правительства. А в городской школе, где учился десятилетний Павел, о конце самодержавия напоминал лишь учитель естествознания по фамилии Нуйкин. Он ходил, нацепив на грудь красный бант размером с арбуз, напевал «Марсельезу» и дерзко поглядывал на директора школы, монархиста и старого дурня.

Ситуация стала меняться к осени 1917 года, когда в городе и окрестных селах стало появляться все больше и больше солдат, самовольно покидавших части на германо-российском фронте. Фронтовики были распропагандированы большевиками, многие имели оружие.

Николай Судоплатов, старший брат Павла, оказывавший на мальчика огромное влияние, крепко сдружился с двумя батарейцами — Федором Удовиченко и Миколой Брылем. Друзья часто встречались. Вместе с братом на этих встречах присутствовал и Павел, внимательно прислушиваясь к разговорам старших. Фронтовики о войне рассказывали скупо, больше толковали о политике.

— Хватит, навоевались. Пущай, кому мало, тот и дальше воюет. Мы ж як те большевики — долой войну и баста! — простуженно сипел Удовиченко. — А большевики, хлопцы, — сила, ого-го! Хваткие малые. У нас один на батарее агитировал. Штыки, говорит, в землю, и айда по домам. Фабрики, говорит, рабочим, а землю — крестьянам. Богатеев, говорит, к ногтю. Дюже они, большевики, богатеев не любят, кажы, Мыкола.

— Угу, не любят дюже, — поддакнул Брыль, дымя едким самосадом, сморкаясь и сплевывая.

— Дяденька, а к ногтю это как? — поинтересовался Павел.

— Да крой их, дьяволов, по башкам и вся недолга! — ответил батареец с белыми от злобы глазами.

— Это так, это правильно, — согласился с выводом фронтовика старший брат Николай.

В октябре 1917 года стало известно, что в Петрограде партия большевиков вооруженным путем свергла Временное правительство. На этот раз прежние устои рухнули в одночасье. Вихрь революции закружил над страной.

В Киеве власть захватила Центральная рада, объявив себя верховным органом Украинской народной республики (УНР) в составе Советской России, но вскоре провозгласила независимость. В конце декабря 1917 года собравшийся в Харькове 1 — й Всеукраинский съезд Советов объявил Центральную раду вне закона.

На Украине началась вооруженная борьба между воинскими формированиями националистической рады и революционными частями. В ходе боевых действий зимой 1918 года Советская власть была установлена в Полтаве, Одессе, Кременчуге, Николаеве и других городах. 26 января революционные части, при поддержке восставших рабочих завода «Арсенал», заняли Киев. В феврале власть большевиков утвердилась по всей территории Украины (за исключением части Волыни, куда бежала Центральная рада).

Сам Павел Анатольевич, вспоминая о том периоде, пишет:

«Мое восприятие событий того времени можно считать типичным для семей с низким достатком, которым нечего было терять. Вполне естественно, я всей душой поверил, прочтя написанную Бухариным «Азбуку революции», что общественная собственность будет означать построение справедливого общества, где все будут равны, а страной будут управлять представители крестьянства и рабочего класса в интересах простых людей, а не помещиков и капиталистов».[1]

В значительной мере на мировоззрение мальчика подействовал и поступок его старшего брата, который в 1918 году добровольно вступил в ряды Красной армии. Павел дважды убегал из дома, чтобы с оружием в руках отстаивать власть рабочих и крестьян. Правда, обе попытки оказались неудачными. В одном случае он сам вернулся обратно, а в другом его прогнал домой хмурый комиссар одной из красных частей, напутствовав словами: «Сначала, щегол, подрасти».

Между тем пламя Гражданской войны разгоралось с

удвоенной силой. В феврале-апреле 1918 года на Украине при поддержке германских и австро-венгерских интервентов была установлена власть Центральной рады. Но уже в конце апреля раду сменило правительство гетмана П. П. Скоропадского, на которого сделало ставку командование оккупационных войск. Красные войска под руководством В. А. Антонова-Овсеенко оказывали интервентам и воинским формированиям гетмана упорное сопротивление, но ввиду своей малочисленности были вынуждены отступать на всех боевых участках. В оккупированных губерниях активизировалось повстанческое движение. Большое значение в его широком размахе имели решения сессии ЦИК Советов Украины и совещания партийных и советских работников, состоявшиеся 18–20 апреля в городе Таганроге. В соответствии с указаниями ЦК РКП(б) решением сессии было создано Бюро по руководству повстанческим движением под председательством Н. А. Скрыпника и принят манифест «К рабочим и крестьянам Украины» с призывом развернуть всенародную борьбу против оккупантов и гайдамаков.

Летом 1918 года повстанческое движение охватило Киевскую, Черниговскую, Херсонскую, Полтавскую, Екатеринославскую и другие губернии. В июне и августе большевистским подпольем было организовано и проведено два крупных восстания — Звенигородско-Таращанское и Нежинское. В общей сложности в период оккупации в повстанческих отрядах насчитывалось до 300 тысяч человек. Недаром 1 июля 1918 года в беседе с корреспондентом «Свенска бладет» В. И. Ленин указывал:

> «Положение немцев на Украине очень тяжелое. Они совсем не получают хлеба от крестьян. Крестьяне вооружаются и большими группами нападают на немецких солдат, где бы они ни встретились. Это движение разрастается. Благодаря немецкой оккупации большевизм на Украине стал своего рода национальным движением. Он объединяет вокруг себя людей, которые прежде о большевизме и слышать не желали. Если бы немцы оккупировали Россию, результат был бы тот же самый».[2]

Позже шведский корреспондент отметит, что во время этого интервью вождь большевиков находился в приподнятом настроении, если не сказать больше, возбужденном. Он несколько раз вскакивал со своего кресла, бегал по кабинету и отвечал на вопросы, склонив на бок лобастую голову, хитро прищурив глаза. Корреспондент пришел к выводу, что Ленин был очень доволен тяжелым положением немцев на Украине. Швед не ошибся. В

самом деле, Владимир Ильич всегда считал архиважным положение на Украине и поэтому много внимания уделял действиям украинских повстанцев и партизан. Бывший начальник Оперативного отдела Наркомвоена С. И. Аралов вспоминал, что Ленин часто расспрашивал его о работе Центрального штаба партизанских отрядов (ЦШПО), созданного при отделе в январе 1918 года и курировавшего всю работу с партизанскими отрядами. Когда Аралов докладывал об очередной успешной операции или диверсии, проведенной против оккупантов либо белогвардейцев, Владимир Ильич задорно смеялся, восклицал: «Вот это хорошо! Так их, батенька, так!» и настоятельно советовал применять в тылу противника не только взрывчатые вещества, но и сильнодействующие яды для отравления питьевых источников.

В сентябре 1918 года все повстанческо-партизанские отряды, оперирующие в районе демаркационной линии,[3] были сведены в две повстанческие дивизии четырехполкового состава. Через пару месяцев на основании декрета Временного рабоче-крестьянского правительства Украины началось формирование Украинской советской армии. В ее состав вошли 1-я и 2-я повстанческие дивизии, отдельные повстанческие отряды и части погранохраны Брянского, Льговского, Курского и Острогожского районов. Армия насчитывала 14 тысяч штыков, 1350 сабель, 139 пулеметов, 20 орудий и 6220 обученных, но невооруженных бойцов резерва.

В декабре 1918 года, после революционных событий в Германии и Австро-Венгрии, капитуляции Германии перед державами Антанты и аннулирования правительством РСФСР Брестского договора, войска Украинской советской армии перешли в наступление на черниговском, киевском, сумском и харьковском направлениях. До конца года части армии, взаимодействуя с отрядами повстанцев, заняли Новгород-Северский, Шостку, Белгород, Волчанск, Купянск, Новозыбков, Городню, а в начале января — Харьков.

1919 год принес на Украину огонь новых сражений. 4 января по постановлению Реввоенсовета Республики (РВСР) на базе войск Украинской советской армии был образован Украинский фронт под командованием В. А. Антонова-Овсеенко. Войскам фронта противостояли воинские формирования правительства Украинской Директории, сменившей в ноябре 1918 года режим гетмана С короп аде ко го, войска генерала А. И. Деникина и Антанты, захватившие Крым и ряд южных губерний Украины. Части германо-австрийских интервентов покидали украинскую территорию, избегая боевых столкновений с соединениями обеих противоборствующих сторон.

Кровавая круговерть Гражданской войны не обошла стороной

провинциальный Мелитополь. Все события 1918 — начала 1919 годов с калейдоскопической быстротой промелькнули перед глазами Павла Судоплатова.

Он видел, как в город входили колонны кайзеровских солдат в тяжелых стальных шлемах, с плоскими штыками, примкнутыми к винтовкам. Населению было объявлено, что германская военная администрация не потерпит каких то бы ни было беспорядков и саботажа, но будет приветствовать дисциплину и хорошую работу. На перекрестках появились солдатские патрули, тупорылые 6-дюймовые гаубицы, станковые пулеметы. По улицам, пугая обывателей своим чудовищным видом, разъезжали тяжелые броневики «Бюссинг», а по ночам близ города стучали винтовочные выстрелы. Это в Волчьей балке интервенты расстреливали тех, кого подозревали в связях с большевиками либо в саботаже. И на какое-то время немецкое лязгающее слово «орднунг» (порядок) стало одним из самых расхожих слов в Мелитополе.

Следом за германскими войсками в городе появились гайдамаки гетмана Скоропадского: щирые дядьки и гарные парубки в высоких папахах, широких шароварах и синих жупанах, с головы до ног увешанные холодным и огнестрельным оружием. Они курили громадные люльки, пили горилку, закусывали салом, клялись в своей преданности и любви к неньке Украйне, ненавидели кацапов-москалей, коммунистов и жидов и вскоре после своего появления устроили в городе еврейский погром.

Жизнь в Мелитополе и ближайших окрестностях стала неспокойной и опасной. Ночами, а нередко и днем, на улице слышались звуки выстрелов и даже взрывы ручных гранат. Обыватели шептались о действующем большевистском подполье, отрядах красных партизан, оперирующих в районе Молочного лимана, и крупной банде какого-то батьки Шкворня, готовящей нападение на город.

Вскоре Мелитополь покинул германский гарнизон. Немцы дисциплинированно и четко, вместе с броневиками и пушками, выступили к железнодорожной станции Веселое, где погрузились в эшелон и убыли в западном направлении.

А затем, вначале неразборчиво и глухо, но скоро отчетливо и ясно, мелитопольцы услышали гул орудийной канонады. Это вела наступление Харьковская группа войск Украинского фронта. Через город потянулись отступающие части петлюровцев. В конце февраля 1919 года их отступление превратилось в паническое бегство. «Тикайте, хлопцы, красные рядом!» — орали петлюровцы, нахлестывая лошадей, запряженных в тачанки. В спины бегущим из подворотен и с чердаков стреляли подпольщики-большевики.

Подстреленные валились на мостовую под копыта коней и колеса тачанок.

И, наконец, в ясный мартовский день в город вошли бойцы Украинского фронта. Население, натерпевшееся страху от кайзеровской солдатни, громил Скоропадского и Петлюры, встречало их с ликованием. Среди встречающих находился и Павел Судоплатов. Он с восхищением смотрел на обветренных кавалеристов с красными ленточками на мохнатых папахах, усталых, покрытых пороховой гарью пехотинцев, лихих черноморских моряков, перекрещенных пулеметными лентами и увешанных ручными гранатами.

— Красные пришли! Ура, товарищи! — радостно кричали в толпе.

Восторгу Павла не было предела, но тут до его слуха внезапно донеслось злобное бормотание:

— Сволочь красножопая, ненавижу…

Оказалось, что злобствует какой-то интеллигент, стоявший поодаль. Мальчик, не в силах сдержаться, схватил кусок льда и с яростью запустил его в затылок шпака. От неожиданного удара тот присел, но уже через секунду, согнувшись, побежал в ближайший проулок.

— Ты зачем, хлопчик, людей калечишь?! — послышался строгий окрик, и на плечо Павла опустилась тяжелая рука.

Седоусый рабочий с револьвером на поясе, видимо, подпольщик, сурово глядел на Судоплатова.

— Он ругался на наших, красных! — ответил мальчик.

— Ах, вон оно что, — сказал седоусый и, кликнув двух молодых пролетариев, двинулся с ними в проулок, куда бежал шпак. Павел увязался следом.

В конце проулка резво трусил ушибленный интеллигент.

— А ну, стой! — грозно крикнул седоусый.

Но тот только прибавил ходу и скрылся за углом дома. «Хамы чумазые, ненавижу!» — донесся оттуда истошный вопль. Молодые пролетарии бегом припустили за интеллигентом.

Рабочий безнадежно махнул рукой:

— Нет, не догонят, уйдет вражина, — затем обернулся к Павлу. — А ты, я вижу, хлопец ничего, наш, пролетарский. Чем занимаешься? Школу заканчиваешь. Не время сейчас, хлопец, за партой штаны протирать, не время. Механические мастерские Гольца знаешь? Приходи, найдем для тебя настоящее дело. Спросишь Игната Булыгу, меня там всякий знает.

Новое знакомство окончательно определило судьбу Павла Судоплатова. Игнат Васильевич Булыга оказался старым большевиком, активным борцом за Советскую власть. Он являлся

одним из организаторов большевистского подполья в Мелитополе и лично разработал две дерзкие операции: поджог германского склада с военным снаряжением и нападение на здание гетманской контрразведки. С приходом красных под руководством Булыги из рабочих механических мастерских был сформирован боевой отряд для поддержания революционного порядка и охраны важных городских объектов.

В рабочем отряде Павла приняли хорошо и назначили порученцем при командире. Целыми днями он бегал по городу, передавая бойцам устные распоряжения или записки от Игната Булыги. Дома Павел почти не бывал, ночевал в штабе, чтобы всегда быть под рукой у командира.

В короткие часы отдыха старый большевик Игнат Васильевич по-отечески наставлял юного порученца:

— Ты, Павлуша, по городу не просто бегай, а с двойной пользой для нашего рабоче-крестьянского дела. Присматривайся к людям, прислушивайся, о чем говорят. Чуть что подозрительное увидел или услышал, так сразу же обращайся к первому встречному матросу либо красноармейцу, чтобы контру не упустить.

— Вот здорово! — загорелся идеей Павел.

Отныне он чувствовал себя не столько связным-порученцем, сколько разведчиком-следопытом, наподобие легендарного Зверобоя из романа Фенимора Купера. Его заветной мечтой стало желание повстречать на улице давешнего интеллигента. «Теперь, гнида, не убежит», — с недетской ожесточенностью думал мальчик, внимательно всматриваясь в лица прохожих, но шпак никак не попадался ему на глаза. Это обстоятельство огорчало Павла чуть ли не до слез.

Между тем войска Украинского фронта продолжали развивать успех по двум расходящимся направлениям: основные силы Киевской группы — на запад, Харьковской группы — на юг.

14 марта 1919 года Киевская группа войск (командующий С. К. Мацилецкий). общей численностью 35 тыс. штыков и сабель, 67 орудий, 670 пулеметов, нанесла удар по группировке петлюровцев в целях выхода к Днестру и овладения переправами на участке Могилев-Подольский — Рыбница. Главный удар был нанесен силами 1-й и 2-й Украинских советских дивизий по Запорожскому корпусу генерала В. П. Зеленского и отдельным соединениям Корпуса сичевых стрельцов атамана Е. Коновальца, имевших около 40 тыс. штыков и сабель, а также 13 бронепоездов. Однако незадолго до наступления советских войск Петлюре, главному атаману войск Директории, удалось скрытно перебросить две дивизии стрельцов Коновальца в район

Новоград-Волынского и Сарн. С началом действий Киевской группы эти дивизии нанесли внезапный удар в направлении Коростеня. 18 марта они захватили Коростенский железнодорожный узел и стали развивать наступление на Киев. Одновременно из района Лунинец значительные силы белополяков ударили в стык между Киевской группой войск Украинского фронта и Белорусско-Литовской советской армией Западного фронта. Положение на правом крыле Украинского фронта приняло угрожающий характер, возникла опасность расчленения войск Украинского и Западного фронтов, прорыва противника к Киеву и Гомелю.

Спасая положение, командование Украинского фронта сосредоточило для нанесения контрудара во фланг петлюровцам в районе Бородянки (50 км северо-западнее Киева) 1-ю Украинскую советскую дивизию Н. А. Щорса, сняло ряд боеспособных частей из Харьковской группы войск и направило их под Житомир, Фастов и Киев.

Мощный контрудар советских войск застал петлюровцев врасплох. Сичевые стрельцы обратились в паническое бегство. Сам атаман Евген Коновалец едва не попал в плен. «Тикайте, батьку, бо Щорс на подходе!» — с диким воплем ворвется в штаб атамана сичевой сотник Задериус. «Ты пьян, скотина!» — заявит Коновалец и надает сотнику по мордасам. В ту же секунду на улице со страшным грохотом разорвется тяжелый снаряд, а на окраине Коростеня зачастит ружейно-пулеметная стрельба. Это в город на плечах отступающих петлюровцев ворвались передовые части 1 — й Украинской советской дивизии. Коновалец вскочит в какую-то таратайку и, неистово настегивая лошадей, спасется бегством.

К 10 апреля положение в районе Коростеня было восстановлено. К концу месяца Киевская группа войск, преобразованная в 1-ю Украинскую советскую армию, преследуя отступающего противника, вышла на рубеж Олевск, Шепетовка, Проскуров, Могилев-Подольский и далее по среднему течению Днестра до Дубоссар. Передовые части армии на отдельных участках выдвинулись в пределы Восточной Галиции.

Не менее успешно развивалось наступление Харьковской группы войск Украинского фронта (командующий А. Е. Скачко) в составе 1-й Заднепровской советской дивизии, 2-й отдельной бригады и двух отдельных полков, насчитывавших 26,7 тыс. штыков и сабель, 36 орудий, 280 пулеметов и 2 бронепоезда.

23 марта из Харьковской группы войск были выделены две самостоятельные оперативные группы, получившие боевые задачи с рубежа Березовка — Очаков — Мелитополь — Мариуполь

начать наступление на одесском и крымском направлениях.

27 марта оперативная группа войск одесского направления повела концентрическое наступление на Одессу по двум направлениям — со стороны Очакова и Березовки. Части белогвардейцев и интервентов с боями отступали к городу. В том же месяце Верховный совет Антанты, вынужденный признать бесперспективность дальнейшего пребывания французских экспедиционных сил под командованием генерала д'Ансельма на Украине, принял решение об их эвакуации морем.

В начале апреля в Одесском порту началась эвакуация, сопровождавшаяся безобразными сценами и вооруженными стычками между белогвардейцами и интервентами, которые, в конце концов, привели к резкому осложнению отношений Деникина с французским военным руководством. Вскоре войска Антанты ушли из Одессы, прихватив с собой 122 транспортных судна с награбленным имуществом. 6 апреля в город вошли советские части.

В свою очередь войска Крымской ударной группы, после неудачного штурма перекопских позиций, перешли вброд Сиваш и утром 7 апреля неожиданно ударили в тыл белогвардейцев. В ходе стремительного наступления были захвачены Джанкой, Симферополь, Евпатория. Части Крымско-Азовской добровольческой армии начали поспешно отходить к Керчи и Феодосии, открыв дороги к городам южного Крыма.

Передовые части Крымской ударной группы устремились к Севастополю, где дислоцировались остатки французских экспедиционных сил. Видя безвыходность положения, командующий 2-й французской эскадрой на Черном море вице-адмирал Амет вступил в переговоры с советским командованием о порядке передачи города украинским советским властям. Начавшиеся переговоры позволили противнику беспрепятственно провести эвакуацию своих войск и изрядно навредить красным. Перед уходом интервенты взорвали орудия севастопольской крепости, разгромили военные склады, потопили 10 русских подводных лодок и увели вместе с белогвардейцами один линкор, один крейсер, 6 эсминцев, 2 миноносца, 3 подводные лодки и несколько десятков других кораблей и вспомогательных судов. 29 апреля французская эскадра навсегда покинула севастопольский рейд.

Приказом командующего Украинским фронтом Харьковская группа войск и оперативная группа войск одесского направления были преобразованы соответственно во 2-ю и 3-ю Украинские советские армии, а на базе Крымской ударной группы была развернута Крымская советская армия.

К маю 1919 года в ходе успешного наступления войск Украинского фронта от белогвардейцев и интервентов были освобождены большая часть Украины и Крым, за исключением Керченского полуострова, где белым удалось прочно закрепиться на Акмонайских позициях.

Одновременно советское правительство, соблюдая принципы интернационализма, еще в середине апреля, когда войска 1-й Украинской советской армии вошли в пределы Восточной Галиции, пыталось оказать военную помощь Венгерской советской республике, против которой Антанта бросила войска буржуазной Чехословакии и королевской Румынии.[4]

В этих целях командование сосредоточило основные силы Украинского фронта на западном и юго-западном направлениях, тем самым нарушив оперативно-стратегическое взаимодействие фронтовых соединений Красной Армии на южном направлении, что привело к осложнению боевой обстановки в Донбассе. Хотя еще 22 апреля В. И. Ленин указал командующему Украинским фронтом В. А. Антонову-Овсеенко: «Украина обязана признать Донбассфронт безусловно важнейшим украинским фронтом и во что бы то ни стало немедленно выполнить задание главкома дать солидное подкрепление на участок Донбассейн — Мариуполь (…) надо быстро и значительно увеличить силы против Деникина».[5] Однако Антонов-Овсеенко не принял своевременных мер по переброске украинских войск на Южный фронт. Более того, он продолжал игнорировать полученные распоряжения и в дальнейшем. В итоге 5 мая В. И. Ленин от имени ЦК РКП(б) за подписями своей, а также членов Политбюро И. В. Сталина и Н. Н. Крестинского, объявил «суровый выговор Антонову и Подвойскому за то, что, вопреки обещаниям и несмотря на многократные настояния, ровно ничего серьезного для освобождения Донбасса не сделано».[6] От имени ЦК РКП(б) Ленин потребовал от командующего фронтом и наркомвоенмора Украины напряжения всех сил и предупредил, что иначе предаст их партийному суду. Впрочем, «суровый выговор» и ультимативное требование вождя оказались явно запоздавшими. К этому времени положение и на Южном, и на Украинском фронтах резко осложнилось, а на ряде участков стало критическим.

В начале мая группировка генерала В. З. Май-Маевского внезапным ударом прорвала оборону 8-й советской армии Южного фронта. 4 мая белогвардейцы заняли Луганск, где учинили дикую расправу над рабочими и ранеными красноармейцами.

7 мая в тылу Украинского фронта поднял мятеж Н. А.

Григорьев — начальник формируемой 6-й Украинской стрелковой дивизии. Мятеж быстро охватил огромный район от Кременчуга до Херсона. Одновременно заметно активизировали свои действия многочисленные банды в Полтавской, Подольской, Черниговской и Киевской губерниях. Григорьевцы, силами 15 тыс. штыков, 40 орудий и 10 бронеплощадок, захватили Екагеринослав, Золотоношу и устремились к Полтаве.

10 мая Совет обороны Украины объявил предателя и авантюриста Григорьева вне закона и принял решительные меры по ликвидации мятежа. Против мятежников были брошены действующие части 1-й, 2-й и 3-й Украинских советских армий, Днепровская военная флотилия, 6 оперативных войсковых групп и тыловые гарнизоны Харьковского военного округа. Общее командование этими силами осуществлял нарком внутренних дел Украины К.Е. Ворошилов. К 17 мая советские войска повсеместно блокировали район мятежа. После недели упорных, кровопролитных боев григорьевцы были разгромлены, решительно и беспощадно.

Однако борьба с Григорьевым негативно отразилась на военных действиях в Донбассе.

Значительная часть сил 2-й Украинской советской армии, на основании директивы Главного командования Красной Армии от 27 апреля 1919 года переподчиненной командованию Южного фронта, отвлеченная на ликвидацию мятежа, не смогла своевременно оказать действенную помощь войскам фронта против белогвардейцев. Связь с армией командование Южного фронта установило только 20 мая. К этому моменту противник сумел сосредоточить против правого крыла и центра фронта до 70 тыс. штыков и сабель. А на левом крыле Южного фронта в сражение была введена свежая Кавказская армия генерала П. Н. Врангеля численностью 25–30 тыс. штыков и сабель. Имея почти двойное превосходство в силах, белогвардейцы за хватили инициативу и перешли в решительное наступление по всему фронту.

К первым числам июня все войска Южного фронта оказались в крайне тяжелом положении. Противник продолжал прочно удерживать инициативу. Шесть армий Южного фронта, действуя разрозненно, с упорными боями отходили на новые рубежи в расходящихся направлениях: 2-я Украинская советская армия — на запад, на екатеринославском направлении; 13-я — на северо-запад, к Купянску; 8-я — на север, на воронежском направлении; 9-я — на северо-восток, на балашовском направлении; 10-я — на северо-восток, на царицынском направлении; 11-я Отдельная армия отходила к Астрахани.[7]

В эти тревожные дни в Мелитополе был объявлен набор добровольцев в Красную Армию. На улицах города появились воззвания и плакаты. На плакатах, изготовленных местной художественной артелью, был изображен изможденный персонаж в красноармейской форме, которого душил свирепый мордоворот в золотых погонах. «Товариш, помоги братьям по классу!» — гласила подпись. Однако пункт записи добровольцев, расположенный в здании ревкома, оставался пустым. Городские обыватели к воззваниям и красочным плакатам отнеслись равнодушно. Оказать помощь братьям по классу изъявило желание с десяток человек, среди них парочка лохматых студентов-недоучек, несколько темных личностей, похожих на уголовников, и двое-трое хитрых мужичков из пригородных сел.

Все эти дни Игнат Булыга, председатель комиссии по приему добровольцев, был мрачнее тучи.

— Сволочи, думают, что на печках отсидятся, — цедил в адрес обывателей хмурый председатель и зло добавлял: — Ничего, кадеты придут, они вам дадут прочухаться!

В свою очередь предревкома Лев Шлейман был настроен более оптимистично.

— Энергичней, энергичней действуйте, товарищ Булыга. Сильнее налегайте на агитацию среди масс. Верьте в силу революционного слова, — всякий раз, заглядывая в комиссию, требовал кучерявый Шлейман, а завидя в помещении Павла Судоплатова, тут же указывал: — Вон у вас мальчик без дела околачивается. Иди, мальчик, расклей в городе пачку воззваний.

— Не пролетарская личность этот Шлейман, — после ухода предревкома неприязненно замечал Булыга. — Я ему толкую, мол, добровольцев надо среди рабочих набирать. А он ставку на обывателей и гнилых интеллигентов делает, дескать, их тоже следует в вооруженную борьбу вовлекать. Не мешало бы об этом товарищам из ЧК сигнал дать.

— Не помешает, это никогда не помешает, — соглашались с ним члены комиссии, старые пролетарии.

В середине июня под Мелитополем упруго загремела артиллерийская канонада. Через город потянулись отступающие части 2-й Украинской советской армии. Бойцы шли без строя, смертельно уставшие, многие в кровавых бинтах и грязной, изодранной форме. Некоторые из них срывали свою злость на мелитопольцах интеллигентного вида. Нервные бойцы, под одобрительные реплики из рядов отступающих, кулаками и прикладами избивали подвернувшихся под горячую руку горожан.

На подводах везли раненых красноармейцев. Одни лежали с

закрытыми глазами, безучастные ко всему. Другие стонали, плакали и материли остановившихся возниц:

— Трогай, шкура, чего встал! Золотопогонным нас оставить хочешь?!

Рысью шла конница. С грохотом проносились тачанки и артиллерийские упряжки. Пара медлительных волов тащила заглохший броневик.

— Цоб, цоб-цобе, — подгонял животных водитель бронемашины, одетый, несмотря на жару, в кожаные краги, тужурку и галифе.

Днем 26 июня из города вместе с отступающими красными войсками уходил рабочий отряд под командованием Игната Булыги. Рабочие в ожидании команды толпились во дворе механических мастерских. Тут же сгрудились члены их семей. Слышался негромкий говор, слова прощания, плач.

В прокуренном кабинете бывшего владельца мастерских командир отряда кричал в телефонную трубку:

— Что?! Говори, товарищ, громче, не слышу! Разоблачили, говоришь. К стенке, шкуру! Что, уже поставили? Это хорошо. Хорошо, говорю!

Закончив разговор, Игнат Васильевич обвел присутствующих в кабинете суровым взглядом и сообщил:

— ВЧК проверили наш сигнал. Шлейман, товарищи, оказался матерой контрой, замаскировавшимся эсдеком. Чекисты вывели врага на чистую воду, — затем он обратился к Павлу Судоплатову: — Ну, Павлуша, давай прощаться. Мы сейчас выступаем. Встретимся, когда разобьем белокопытых.

— Игнат Васильевич, я с вами! — твердо сказал мальчик.

Рабочие, находившиеся в кабинете, обменялись репликами.

— Мал еще воевать, — произнес Федор Друзь, молодой парень, жестянщик.

— Ничего не мал. В разведку ходить в самый раз. Кто на ребенка внимание обратит, — отметил Андрей Николаев, старейший рабочий мастерских.

— Патроны подносить тоже сгодится, — поддакнул ему кузнец Быкодоров.

Слово взял Игнат Булыга. Он поднялся из-за стола с увлажнившимися глазами и торжественно произнес, указывая на Павла Судоплатова:

— Вот пример нам, товарищи пролетарии, как нужно любить советскую власть. Ему бы в бабки играть, а он жизнь свою за нашу любушку отдать готов. Молодец, товарищ Судоплатов! Зачисляю тебя полноправным бойцом Мелитопольского рабочего отряда.

— Вот это по-нашенски, по-пролетарски, — одобрили

решение командира присутствующие, а старик Николаев расчувствовался настолько, что даже не смог сдержать бурных рыданий.

Позже Павел Анатольевич напишет в своей автобиографии:

«Я, до этого дважды удиравший из дома с целью поступления в Красную армию (…) решил еще раз попытать счастья и снова удрал из дома. На этот раз я ушел из города вместе с уходящими мелитопольскими рабочими. Километрах в 30 от города, в с. Веселое, комиссар сделал было попытку вернуть меня домой, но из этого ничего не получилось. Я удрал и от него в роту, и бойцы оставили меня у себя. Так дошел вместе с рабочими до города Никополя Запорожской области».

В этом городе началось формирование 1 — го Мелитопольского рабоче-крестьянского полка, основу которого составили рабочие-мелитопольцы. Вскоре полк вошел в состав 5-й Заднепровской дивизии и был переименован в 1-й ударный полк. В одной из стрелковых рот полка, где командиром был Игнат Булыга, служил и Павел Судоплатов.

В районе карнауховских хуторов 1-й ударный полк столкнулся с частями 3-го кубанского казачьего корпуса противника и потерпел сокрушительное поражение. Казачья сотня зашла в тыл полка и, развернувшись в лаву, обрушилась на плохо обученных красноармейцев. Не выдержав стремительного удара, красные обратились в паническое бегство.

Вместе со всеми бежал и Павел Судоплатов. Сзади их неотвратимо настигал конский топот, гиканье и свист казаков. На глазах Павла лихой кубанец шашкой снес голову жестянщику Друзю. От неминуемой смерти Судоплатова спасло то, что он с группой красноармейцев успел ссыпаться в глубокую вымоину, поросшую густым ивняком. Казаки, увлеченные преследованием основной массы бегущих, не останавливаясь, проскакали мимо их убежища. До слуха притаившихся бойцов донеслась беспорядочная стрельба и дикие вопли — в степи пошла безжалостная рубка отступающих.

— Товарищ, ляг и замри, — деревянным голосом сказал старик Николаев. — Авось, пронесет.

Но вскоре вокруг вымоины послышался конский топот и бряцанье оружия.

— Вот здесь, в этой ямине, они сховались, — прозвучало наверху. Кто-то крикнул:

— Эй, совдепия, сдавайся, иначе всех перебьем!

Следом на дно упала ручная граната и оглушительно взорвалась.

— Все, хана нам, надо сдаваться, — прохрипел Николаев.

— Ах, ты, контра замшелая! — сказал кузнец Быкодоров и взвел курок нагана. На кузнеца навалилось несколько дюжих бойцов, обезоружили и надавали ему крепких тумаков.

— Правильно братцы, так его, так, — одобрил их действия Николаев и закричал: — Не стреляйте, сдаемся!

Красноармейцы, цепляясь за ивовые кусты, неуклюже полезли из вымоины. Наверху они бросали винтовки и сбивались в плотную группу, с опаской посматривая на казаков. Последним вылез избитый в кровь Быкодоров.

— Ходи веселей, голодранец! — прикрикнул конный хорунжий и, привстав в стременах, вытянул его нагайкой.

Казаки, опьяненные легкой победой, были настроены неагрессивно. Вместо жестокой расправы над красноармейцами, они погнали пленных в карнауховские хутора, где заперли в каком-то сарае.

— Что делать, товарищи? — спросил Николаев, оглядывая крепкие стены строения.

— Шволочи вы, а не товарищи, вше шубы мне вышибли, — прошамкал из дальнего угла Быкодоров.

— А ты дурак, — спокойно ответил ему старый пролетарий. — Умереть — дело нехитрое. Ты выжить сумей, чтобы дальше бороться, победить и вбить осиновый кол в могилу классового врага.

После короткого совета красноармейцы решили бежать из плена при первом удобном случае. Ночью того же дня им представилась такая возможность.

Сотня кубанских пластунов, занимавшая карнауховские хутора, устроила грандиозную попойку. Несколько казаков, охранявших сарай с пленными, слушая пьяный смех и песни своих односумов, долго вздыхали, кряхтели и зло матерились. В конце концов они не вытерпели и, бросив пост, поспешили к ближайшей хате, где шла бурная гулянка.

Воспользовавшись отсутствием охраны, красноармейцы прорыли подкоп, через который выбрались на свободу и скрылись в степи. В ночной темноте Павел Судоплатов отбился от своих и остался один (в дальнейшем он больше никогда не встретится с ними).

Рассвет застал Павла у подножия кургана. Поднявшись на его вершину, он огляделся: вокруг простиралась бескрайняя степь. Мальчик решил идти в Никополь, рассчитывая там присоединиться к остаткам своего полка. Приблизительно прикинув нужное направление, юный боец смело отправился в путь.

Ближе к вечеру он вышел на широкий тракт. Покосившиеся

телеграфные столбы с оборванными проводами точно указывали, в какой стороне находится город.

Павел не знал, что переходит линию фронта, которая во времена гражданской войны являлась условным понятием. Из-за гряды невысоких холмов глухо доносились артиллерийские раскаты, пулеметные очереди, но тракт, до самого горизонта, был пустынен. Однако брошенные повозки, опрокинутая тачанка, трупы лошадей, стреляные гильзы и лужи запекшейся крови говорили о том, что ночью, или ранним утром, на дороге шел горячий бой.

Ориентируясь по столбам, Павел пошел в Никополь. Темнело, когда из придорожных кустов навстречу ему шагнуло несколько темных фигур в солдатских шинелях.

— Шпиён? — спросил один из солдат и, не дожидаясь ответа, двинул мальчику в ухо.

Второй вгляделся в упавшего Павла, сморкнулся далеко в степь и уверенно произнес:

— Не, я его знаю. Это наш хлопец, из второй роты.

Так Павел столкнулся с группой красноармейцев из разбитых частей, пробиравшихся в Никополь. Один из бойцов оказался его однополчанином.

— Да — а, наваляли нам юнкера по мордасам, любо-дорого… За один бой целый полк раскатали, не шутка. А командир твой, Игнат Булыга, погиб, сам видел. Ему какой-то черт в черкеске саблей по кумполу дал, он и ноги в раскаряку. Вот, брат, дела какие… — угрюмо говорил однополчанин, шагая рядом с Судоплатовым.

В Никополе бойцов из разгромленных частей влили во 2-й ударный полк 5-й Заднепровской дивизии. Здесь произошла встреча Павла со своим старшим братом Николаем, который служил в этом полку. Красноармейцы, наблюдавшие встречу братьев, были растроганы до слез.

— Вот, ходя,[8] — объясняли они пулеметчику из интернационального взвода Ли Чен-туну, — полюбуйся, как братья на фронте встретились, редкое зрелище.

Простодушный китаец пожимал братьям руки и радовался, словно ребенок:

— Блатя, ай, холесо… Кыласыная Алмия, холесо… Китайса лябочий, холесо… Пролеталя, холесо… Буржуя ни… тьфу буржуя!

Вскоре к городу подошли белые. 2-й ударный полк был переброшен в Кременчуг, затем в Николаев, а оттуда в Одессу, где вошел в состав городского гарнизона.

10 августа противник произвел высадку двух спешенных эскадронов драгун в районе Сухого лимана, без выстрела

захватив орудийную батарею. Сразу после этого успеха последовала высадка еще пяти спешенных эскадронов, и части начали движение на Одессу.[9]

В городе узнали о десантной операции, когда противник подошел к «Среднему фонтану» и деревне Чубаевке. Командование одесского гарнизона бросило на ликвидацию белого десанта интернациональные части. В составе одного из отрядов ушел Николай Судоплатов. Расставание Павла с братом было поспешным и, как впоследствии оказалось, навсегда (в 1922 году Николай, служивший в погранвойсках, погибнет на польской границе).

Ликвидировать белый десант не удалось. Противник, при поддержке корабельной артиллерии крейсера «Генерал Корнилов», опрокинул красные части и повел наступление непосредственно на город. «Вся Одесская операция была проведена быстро и решительно. Несмотря на очень большой гарнизон, город был взят с минимальными потерями и с большой военной добычей», — отметит в своих воспоминаниях подпоручик конной артиллерии Василий Матасов.[10]

Из-за крупозного воспаления легких Павел Судоплатов не смог покинуть Одессу вместе с отступающими красными войсками. Он лежал с высокой температурой в переполненной палате городской больницы, куда незадолго до своего ухода его сумел устроить старший брат.

Белые, искавшие в больнице раненых или больных красноармейцев, не обратили на мальчика никакого внимания. Только один офицер глянул на бредившего Павла тусклыми, оловянными глазами и коротко бросил врачу:

— Тиф?

— Что вы, господа, высокая температура. В этой палате тифозных нет, — испуганно ответил врач.

В первых числах сентября Павла выписали из больницы. Молодой организм сумел победить опасное заболевание. Несколько месяцев он беспризорничал, подрабатывая в порту и на базаре. Все это время Павел мечтал связаться с большевистским подпольем, о котором в Одессе ходило много разговоров. Однако одесские рыбаки и биндюжники на все намеки о подпольщиках отвечали ему холодным недоверием. Они ругали мальчика отборнейшим матом и прогоняли прочь.

В начале 1920 года группа советских армий Юго-Западного фронта перешла в решительное наступление с целью освобождения южной части Правобережной Украины от белогвардейских войск.

Перед 14-й армией (командующий И. П.Уборевич) общей

численностью 16,5 тыс. штыков и сабель, 117 орудий, 474 пулемета, 5 бронепоездов и 10 самолетов, была поставлена задача: нанести главный удар в направлении на Одессу. 11 января войска армии атаковали противника и начали быстро продвигаться вперед. 17 января Латышская и 45-я стрелковые дивизии переправились через Днепр в районе Екатеринослава и захватили Апостолово. 29 января красные заняли Херсон, а на следующий день — Вознесенск и Николаев. В результате успешного наступления соединения 14-й армии начали выход в глубокий тыл белогвардейской группы войск генерала Шиллинга, отрезая ее от путей сообщения и баз, и угрожая Одессе, которую оборонял отряд генерала Стесселя.

41-я стрелковая дивизия, усиленная 1-й бригадой 45-й дивизии и кавалерийской бригадой Г. И. Котовского, получила задачу командования 14-й армии овладеть городом. Ночью с 6 на 7 февраля внезапной атакой конница Котовского захватила железнодорожную станцию Застава. На рассвете в наступление перешли стрелковые части 41-й дивизии. Одновременно в городе началось вооруженное выступление рабочих, подготовленное подпольным ревкомом. К утру 8 февраля красные заняли Одессу. В плен попало до 3,2 тысяч белогвардейских солдат и офицеров. Кроме того, было захвачено более 100 орудий, 4 бронепоезда, 4 бронеавтомобиля, несколько сот тысяч снарядов и патронов.[11]

Вместе с восставшими рабочими участие в уличных боях принимал и Павел Судоплатов. Он подносил патроны, перевязывал раненых, а после подавления сопротивления отряда генерала Стесселя помогал красноармейцам вылавливать спрятавшихся по подвалам и чердакам белогвардейцев.

— Хороший мальчик, — говорили о нем красные бойцы, за шкирку выволакивая из укромного места очередного золотопогонника, выслеженного Павлом.

— Товарищи, хочу служить вместе с вами, — обращался к ним Судоплатов.

— Это можно. Нам такие хлопцы дюже нужны, — отвечали ему бойцы, награждая пойманного белогвардейца тычками и затрещинами.

Так, зимой 1920 года, Павел Судоплатов вновь вступил в ряды Красной Армии, на этот раз — в роту связи 123-й стрелковой бригады 41 — й дивизии 14-й советской армии. В составе этого соединения он прошел героический и славный путь: «41-я дивизия участвовала в разгроме войск Деникина в нижнем течении реки Днестр, затем в обороне Черноморского побережья и Днестра. Затем дивизия была переброшена на Польский фронт, в апреле-июне 1920 года участвовала в боях с белополяками в

районе среднего течения реки Днестр, а также в боях против отрядов украинских националистов во главе с Тютюнником; в июне-июле — в наступлении в районе Волочисск — Кременец — Каменец-Подольский; в июле — августе — в форсировании рек Збруч, Серет, Золотая и Гнилая Липа, освобождении городов Теребовль, Чертков, Галич, Рогатин. Однако, после поражения советских войск под Варшавой, дивизия отошла в район Каменец-Подольского. В ноябре 1920 года 41-я дивизия участвовала в ликвидации петлюровских отрядов и освобождении городов Могилев-Подольский и Каменец-Подольский. 21 декабря того же года дивизия была сведена в бригаду и влита в 44-ю дивизию 12-й армии, а с января 1921 года вошла в состав Киевского военного округа».[12]

Глава вторая

1921 год стал переломным в жизни Павла Судоплатова.

В политотделе 44-й стрелковой дивизии обратили внимание на молодого бойца с оконченным начальным образованием, и предложили ему поступить на ускоренные курсы политработников в Киеве.

— Путишь инструктором политоттела, — говорил комиссар Упит. — Путишь рапотать с пойцами, вести культурно-массовую рапоту.

Павел согласился, но непредвиденные обстоятельства спутали эти планы. Бойцы Особого отдела дивизии попали в засаду, устроенную украинскими националистами, и понесли значительные потери. В Особом отделе срочно требовалось заменить погибших телефониста и шифровальщика. Было принято решение направить на их место Павла Судоплатова, как наиболее подготовленного для этой должности.

«Так я был послан на работу в органы безопасности. Это и было началом моей службы в ВЧК-КГБ», — позже напишет Павел Анатольевич.[13]

В Особом отделе его встретили немногословные, суровые люди. Окинули оценивающим взглядом, поинтересовались:

— Товарищ, почему к нам, может, пойдешь на трудовой фронт, бороться с разрухой?

— Разруху создают недобитые гады, значит, мое место в ЧК, — ответил Павел.

— Это ты верно, товарищ, про гадов заметил, а то разные умники, понимаешь, полагают, что разруха в башках, — похвалили его и зачислили в штат.

Поначалу четырнадцатилетний Павел занимался в Особом отделе, а затем в губотделе ГПУ на Волыни, различной технической работой. Был письмоводителем, регистратором, машинистом-систематизатором, но постепенно его стали привлекать к боевой чекистской работе.

В это время на Украине велась ожесточенная борьба против уголовного и политического бандитизма, основными кадрами которого были «кулаки, прошедшие школу гетманских «хлеборобских союзов» и петлюровских «управ», анархиствующие элементы из мелкой буржуазии местечек и городов и политически неустойчивая часть интеллигенции».[14] Сложность борьбы заключалась в том, что банды оперировали в приграничных районах с Польшей и Румынией и в случае необходимости уходили через границу в эти страны, где

находили приют, заново вооружались и вновь проникали на Украину для продолжения разбоя и бесчинств. В одном из донесений штаба советских войск Украины и Крыма читаем, что «…тщательное рассмотрение состава и окраски банд Правобережья заставляет обратить внимание на тесную связь их с петлюровскими организациями за границей и продолжающееся проникновение на нашу сторону банд из-за кордона. Если бы не эти закордонные шайки, украинский разложившийся и переживший уже период своего наибольшего развития бандитизм был бы обречен на окончательное вымирание. Только заграничная поддержка агентами, руководителями и белогвардейским золотом питает бандитские шайки Правобережья».[15]

Местами наибольшего скопления бандитов являлся Матренинский монастырь и Холодный Яр — значительный лесной массив в Кременчугской губернии. В Холодном Яру находился так называемый Повстанком, который по директиве из Полыни готовил всеобщее восстание на Украине. В состав Повстанкома входили бывшие члены Центральной рады: Панченко, Дзигарь и Шапошник.

В одном из чекистских донесений того времени отмечалось: «За период с первого по пятнадцатое апреля с. г. (1921) в Кременчугской губернии наиболее активными уездами в отношении бандитизма являются Чигиринский, Черкасский, Александрийский, в которых в настоящий момент оперируют банды: Загородного — основное ядро 50 человек при 4 пулеметах, бандиты хорошо вооружены винтовками и обрезами — район действия Чигиринский уезд; Хмары и Черного, численностью 65–100 человек — район действия Золотоношский и Черкасский уезды; Голого — оперирует исключительно в районе Холодного Яра в количестве 47–50 человек, мелкие банды Кириченко, Иванова, Квочка Гаврила, Царенко, Добровольского, Савченко и Логенко, Ветки, Бондаренко, Клепача, Степового, Захарова, Шгыля, Дергача, бывшего полковника Терещенко и др. Общее количество мелких банд 1500 человек».

Не менее сложной обстановка была и в других украинских губерниях. На Екатеринославщине оперировали банды Бровы и Каменюка общей численностью до 500 сабель. На Киевщине действовали банды Грызла, Цветковского, Мордалевича, Дороша, Яременко, Богатыренко, Цербалюка, Сгрука; на Полтавщине — банды Гонты, Христового, Матвиенко, Вояки, Штапы; на Подолыдине — банды Шепеля, Складного, Заболотного, Моргуля, Гранового, Салтиса. В Донбассе орудовало 18 банд общей численностью свыше 1000 сабель.

Весной 1920 года для борьбы с бандитизмом был создан Цупчрезком (Центральное управление чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности). Начальником управления стал В. Н. Манцев, опытный чекист, одновременно являвшийся членом коллегии ВЧК и начальником Особого отдела Южного и Юго-Западного фронтов. Однако некоторое время деятельностью Цупчрезкома фактически руководил председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский. С 1921 года руководство по борьбе с бандитизмом было возложено на командующего вооруженными силами Украины и Крыма М. В. Фрунзе.

В отличие от прежней Всеукраинской ЧК, являвшейся только отделом Наркомата внутренних дел Украины, Цупчрезком учреждался непосредственно при Совнаркоме УССР и подчинялся только ему. Позднее постановлением Совнаркома республики разъяснялось, что Цупчрезком должен работать в тесном контакте с наркоматами юстиции и внутренних дел. Местные органы Цупчрезкома являлись отделами исполкомов Советов, а заведующие губотделами юстиции и внутренних дел входили в состав коллегии губЧК, которая, в свою очередь, делегировала своего представителя в коллегию губернского ревтрибунала. Уездные чрезвычайные комиссии не создавались. Вместо них в составе милиции были образованы уездные политбюро, ведавшие борьбой с контрреволюцией и бандитизмом.

Ударной силой Цупчрезкома был Особый отдел. Его задачи заключались в охране границ, ведении контрразведки, борьбе со шпионажем и вышеупомянутым бандитизмом. Для борьбы с крупными бандитскими соединениями использовались войска внутренней охраны (ВОХР), Донецкая дивизия Ч К Украины, сформированная в феврале 1921 года, и части особого назначения (ЧОН). По инициативе М. В. Фрунзе создавались специальные летучие отряды, которые преследовали мелкие банды и уничтожали их, не давая им рассеяться. Особенно внимательно Фрунзе относился к личному составу этих отрядов. В своем приказе он требовал:

«Широко использовать для состава таких отрядов добровольцев, вполне отвечающих требованиям честного, отважного, предприимчивого бойца, привычного к партизанской работе. На подбор всего состава отряда и добровольцев и по назначению обратить особое внимание. Безусловно, необходимо самое широкое комплектование отрядов коммунистами, могущими внести идейный характер в ответственную работу летучих отрядов».

В июне 1921 года Кременчугскому губвоенсовещанию и

Киевскому военному округу Фрунзе была послана следующая телеграмма: «Ввиду создания в Холодном Яре повстанческого штаба, предлагаю усилить в этом районе борьбу с бандитизмом с целью скорейшей его ликвидации, закрепляя ликвидацию соответствующей политработой. Реввоенсовету, командованию, КВО использовать для этого все имеющиеся в их распоряжении средства и установить теснейший контакт с Кремгубсовешанием».

К этому времени в Кременчугской губернии оперировали такие банды: объединенная банда Холодного Яра — атаманы Петренко, Деркач, Чучунак и Пономаренко; банда Нагорного действовала в районе островов на Днепре северо-восточнее пристани Бужин; в лесном районе к западу от м. Жаботина оперировала банда Овчаренко; в Цветнянском лесу — банда Железняка; в болотистых островах реки Тясьмин, в 8 км от Чигирина, находилась банда Бойко; в Черном лесу севернее Знаменки — банда Хвиля, а в Матусовском лесу — банда Черного Ворона.

В августе советские войска разгромили важнейшую опорную базу бандитов в Холодном Яру и Матренинском монастыре, уничтожили отряды Овчаренко, Нагорного, Железняка, Назара Стодоли. Преследуемый 24-м кавалерийским полком, отряд атамана Лихо переправился через Днестр и ушел в Румынию. Атаманы Мордалевич, Орлик, Цветковский, Лисица и Грозный добровольно сдались властям.

В Донецкой губернии, по данным штаба Донецкой дивизии: «… в июле (1921 г.). на территории Донбасса оперировало 18 банд общей численностью в 1042 сабли с 19 пулеметами. В августе количество банд возросло до 21, численность же их уменьшилась до 953 сабель с 30 пулеметами. С разгромом основного ядра банды Махно, бандитизм махновской окраски в Донбассе сразу же пошел на убыль и в сентябре в губернии осталось 16 банд с 548 саблями и 15 пулеметами. В дальнейшем численность бандитов стала быстро уменьшаться, в октябре в Донбассе осталось 11 банд с 383 саблями и 20 пулеметами, в ноябре 8 банд с 261 саблями и 13 пулеметами и в декабре организованных банд нет вовсе».

Помимо банд значительную опасность на Украине представляло петлюровское подполье. В мае 1921 года в Варшаве состоялось совещание петлюровских атаманов, на котором присутствовали Ю. Тютюнник, Удовиченко, Зеленский, Павленко, Безручко и др. От петлюровского правительства, реорганизованного в Тарновскую Раду, принимали участие Никовский, Прокопович, Пилипчук, Михайлов и др. На совещании обсуждался вопрос о том, какими средствами усилить

повстанческие отряды на Украине и сохранить петлюровскую армию в Польше. 13 июня состоялось еще одно совещание, на котором, кроме петлюровцев, присутствовали Б. Савинков, Гнилорыбов, Философов, представители польского командования, французской и английской миссий. Вновь обсуждался вопрос об усилении повстанческого движения на Украине и в Белоруссии, о новом походе против страны Советов. Представители польского командования «обещали всяческое содействие петлюровцам. Незадолго до этого совещания Пилсудский, приехав в Станислав, в разговоре с Петлюрой заявил, что польское правительство окажет содействие петлюровцам оружием, амуницией, снаряжением и т. д. Он говорил о том, что сейчас, после 1920 г., польское правительство не может рисковать вторично своей армией для нового похода на Украину, но поддержка петлюровцам будет обеспечена. При участии польского командования был создан центральный повстанческий штаб во главе с петлюровским атаманом Ю. Тютюнником. Став начальником штаба, Тютюнник приехал в Варшаву к польскому командованию за инструкциями. Там же он получил указания и от представителей французской миссии, связался с представителями гетманских хлеборобов. На свидании с Савинковым Тютюнник договорился о том, чтобы действовать единым фронтом. Усиленными темпами шла подготовка новых петлюровских формирований».

Центральный повстанческий штаб (ЦПШ) разработал детальный план всеобщего восстания на Украине. Начало выступления было запланировано на лето 1921 года, однако в результате успешных действий советских войск и органов ВЧК против бандформирований и подпольных петлюровских организаций его срок был перенесен на осень.

Из Львова, где находился штаб Тютюнника, поддерживалась связь с бандами Бровы, Железной Ноги, Черной Хмары, Заболотного, Левченко и других атаманов, действующих на территории Украины. Им направлялись приказы за подписью «генерала-хорунжего Юрко Тютюнника» следующего содержания: «Совершенно секретно. В собственные руки. Командующему 4-ой группой — атаману Брове.

1. Господин главный атаман приказал: До 1 сентября 1921 года закончить все подготовления к всенародному восстанию. На вашу группу возлагаются задачи:

1) Основательно уничтожить железные дороги, которые соединяют Украину с Доном.

2) Занять г. Екатеринослав.

3) Уничтожить железнодорожные мосты и все переправы

через Днепр».

«Командующему III группой атаману Левченко (…). На вашу группу возложены задачи:

1) Основательно уничтожить железные дороги на линиях: а) Гомель — Бахмач, б) Ямполь — Конотоп, в) Ворожба — Льгов.

2) Занять Полтаву, в случае невозможности локализовать ее главным образом со стороны Харькова, произвести налеты на Харьков с целью уничтожения советского центра на Украине.

3) Пустить на воздух железнодорожный мост около Кременчуга, при невозможности локализовать Кременчугский железнодорожный узел.

4) Прервать всякую связь красноармейских частей, как между собой, так и со штабами Киевского и Харьковского военного округа (…)».

Правда, эти приказы не были выполнены. Слабость петлюровских групп была очевидна, хотя они и продолжали дестабилизировать обстановку на территории республики.

В начале октября на Украину в разведывательных целях прорвался отряд атамана Нельговского, который имел задачу поднять восстания в Коростенском и Олевском районах. Столкнувшись в открытом бою с частями Красной Армии, банда Нельговского была вынуждена бежать назад в Польшу.

В ночь на 27 октября через границу в районе Голенищев — Иванковицы (10–15 км севернее Гусятина) вступила банда Палия численностью 500 сабель и двинулась в восточном направлении. Уничтожая мелкие группы красноармейцев и советских активистов, банда продвинулась до станции Ярмолинцы. 2 ноября в бою под деревней Рогозна она была разгромлена регулярными частями советских войск. Палиевцы потеряли половину личного состава, 4 пулемета, но сумели выполнить главную задачу: своим отвлекающим маневром обеспечили прорыв через границу основных сил петлюровцев.

Ночью 5 ноября в районе Майдан Голышевский (20 км юго-западнее Олевска) на территорию Украины проникла банда Ю. Тютюнника общей численностью до 1,5 тыс. сабель. Генерал-хорунжего сопровождали три бывших министра Петлюры — гражданского управления, путей сообщения и промышленности, которые, надо полагать, уже определили себе места в будущем украинском правительстве. Банда Тютюнника стремительно двинулась на Коростень и на рассвете 7 ноября атаковала город, рассчитывая с ходу захватить этот стратегически важный пункт, открывающий дорогу на Киев. Однако гарнизон Коростеня отразил нападение петлюровцев.

Потерпев неудачу, Тютюнник объединился в районе

Дедковичей с остатками банды Палия и попытался продвинуться в глубь украинской территории, обходя с юга город Радомысль. 8 ноября путь его отряду около станции Чеповицы преградила 3-я кавалерийская бригада Г. И. Котовского. Красные конники начали преследовать банду, отступающую по шоссе Житомир — Киев. Избегая боя, Тютюнник неоднократно менял маршрут, стремясь скрыться в лесах в районе станций Тетерев и Трубецкая.

Позже Котовский вспоминал об этом преследовании:

«3-я кав. бригада, проделав маршрут от Тетерева до Трубецкой и Качановки, вернулась 15 ноября ночью снова в район Тетерев, так как были получены сведения, что банда в ночь с 14 на 15 глухими лесными дорогами прорывается обратно на запад вдоль железной дороги. При весьма трудных условиях дальнейшего преследования банд 3-я кав. бригада 16 ноября двинулась со ст. Тетерев прямо на север, освещая все время левый фланг своего движения, где переправилась через реку Брод в районе селения Халиев. Был весьма тяжелый переход, дорога скверная, пришлось идти по колено в снегу; пулеметы и мешки с фуражом были переправлены на седлах. Но ни лесистые места, ни тяжелая дорога, ни усталость не помешали героям кавалеристам дойти до конечной цели».

17 ноября, в момент выхода банды из села Большие Минки, она была атакована бригадой Котовского. Не выдержав сабельного удара, петлюровцы, потеряв многих бойцов убитыми и ранеными, бросив 6 пулеметов, обратились в паническое бегство. Котовцы продолжали преследование и у села Звиздаль снова настигли бандитов. К 5 часам вечера банду Тютюнника удалось окружить и наголову разгромить. В плен было взято более 500 петлюровцев, в том числе и три бывших министра, захвачено 22 пулемета. Свыше 200 бандитов было убито. Сам Тютюнник вместе с несколькими десятками всадников сумел уйти в Польшу. По официальным данным, во время боя в районе Большие Минки и Звиздаль красные кавалеристы потеряли 3 бойцов убитыми и 17 ранеными.

Утром 19 ноября из Румынии на территорию Украины проник отряд атамана Пшенника в количестве 150 человек. Переправившись на лодках через Днестр, бандиты захватили западное предместье Тирасполя и село Парканы. Стремительной контратакой красноармейцы 451-го стрелкового полка 51-й стрелковой дивизии сбросили петлюровцев в реку, захватив в плен свыше сотни человек. Остатки отряда Пшенника бежали обратно за кордон.

Разгром петлюровских банд сопровождался ликвидацией подпольных организаций, которые были связаны с зарубежными

контрразведывательными и контрреволюционными центрами. В Одессе органами ЧК была раскрыта гетманская организация, в Киеве — «Областной центр действия» и «Казачья рада», связанные с Петлюрой и 6-й польской армией. На Уманьщине была ликвидирована одна из польских разведывательных организаций. Обвинительное заключение трибунала так свидетельствует о ее деятельности:

«В декабре 1920 г. в связи с мирными переговорами в Умань прибыла польская миссия, при которой в качестве представителя дефензивы (контрразведки) находился поручик Жайковский. Бухгалтершей комиссии по ликвидации военных имуществ в Умани состояла некая Ягодинская, которую Жайковский уговорил собирать сведения о частях 14-й армии, расположенной в окрестностях Умани, и доставлять ему эти сведения. Кроме того, уезжая в Польшу, Жайковский уполномочил Ягодинскую вербовать шпионов и назначил ее при этом «комендантом» уманской пятерки. Ягодинская приняла предложение Жайковского, и к ней стали неоднократно являться из Польши служащие дефензивы, которых она узнавала по паролю «честь челом». Сведения о состоянии войск и транспорта собирались специальной группой лиц, организованных Ягодинской, и отправлялись ею во Львов со специальным курьером. 2 сентября 1921 г. сотрудники Киевской уездной Чрезвычайной комиссии арестовали на дороге из Умани к границе некоего Сосновского, который вез донесения Ягодинской в польскую контрразведку».

К концу 1921 года основные силы петлюровцев на Правобережной Украине были разгромлены. В отчете о борьбе с бандитизмом говорилось следующее:

«Здесь прежде всего надлежит отметить гибель знаменитого бандита Лихо, убитого 4 октября в окрестностях Гайсина при перестрелке с нашими частями; захват тяжело раненого бандита Музыки, действовавшего в Каневском и Богуславском районах; добровольную явку в Подольскую ГубЧК бандита Шевчука, являющегося адъютантом полковника Карочного; ряд поражений, нанесенных банде Кочубея в первых числах октября, приведших к бегству банды в южную часть Конградского уезда и разделению ее на жалкие отряды; сдачу банды Матвиенко (Мойсеенко). в Конградском уезде с группой до 50 бандитов; разгром шаек Безпацкого в Ново-Ущицком, Загородного в Ново-Миргородском и Иванова в Криворожском районах; раскрытие тайной петлюровской организации в Зенькове и массовый арест дезертиров и изъятие оружия, особенно на Правобережье».

Не менее успешно шла ликвидация банд и на Левобережье Украины. Еще летом 1921 года М. В. Фрунзе в беседе с

зарубежным корреспондентом сообщил:

«Что касается Левобережья, то здесь приходится отметить особенно крупный успех в деле искоренения бандитизма, почти полного искоренения самого сильного бандитского соединения, т. н. «повстанческой армии Махно». Махно, имевший в декабре 1920 г. значительные вооруженные силы (примерно, от 10 до 15 тысяч бойцов), как известно, уже к весне текущего года под влиянием ряда понесенных поражений был вынужден распустить свою армию, что было сделано в конце марта.

Начиная с этого времени, бывшие части махновской армии действовали самостоятельно, занимаясь, согласно приказу Махно, разрушением железных дорог, взрыванием мостов, уничтожением поездов, ограблением сахарных заводов и вообще уничтожением всяких хозяйственных предприятий республики.

25 мая, очевидно, в надежде на широкое развитие повстанческого движения, а также в связи с наступившим теплым временем, отдельные шайки Махно вновь соединяются вместе на территории Кобелянского уезда Полтавской губернии. Махно объявляет приказом о восстановлении повстанческой армии и выступаете ней как с организованной силой. Объединенные силы насчитывали примерно 1500–2000 бойцов, главным образом кавалеристов».

Однако уже в июле командованием Красной Армии против Махно была применена совершенно новая тактика. Преследование махновцев начали ударные бронеотряды, что окончательно деморализовало бандитов и обратило их в паническое бегство. Так, 15 июля отряд Махно был окружен в балке реки Ольховая в районе деревни Голодаевки, затем в атаку устремилось 8 броневиков, которые пулеметным огнем уничтожили около сотни бандитов. Спасаясь бегством, махновцы бросили на месте боя 53 тачанки и 33 пулемета.

19 августа 1921 года Постоянное совещание по борьбе с бандитизмом при СНК УССР заслушало доклад «О борьбе с батькой Махно». Участники совещания были единодушны в том, что махновщине нанесено сокрушительное поражение. Тем не менее председатель Совнаркома и нарком иностранных дел Украины Х. Г. Раковский был настроен не столь оптимистично. Выступая с докладом, он сделал следующий вывод:

«Несмотря на то, что у Махно осталось всего 70 всадников с одним ручным пулеметом, он продолжает бродить по губерниям, разрушая советский аппарат. Губсовещания должны сделать последние усилия для его окончательного уничтожения, помня, что без уничтожения основного ядра и самого Махно всегда имеется возможность восстановления банды».

28 августа отряд махновцев во главе с батькой с боем прорвался на территорию Румынии. «Факт перехода в Бесарабию махновской банды установлен мною лично при посещении пограничной полосы», — через несколько дней заявит М. В. Фрунзе представителям прессы.

По неполным данным, с июня по декабрь 1921 года в ходе ликвидации бандитизма на Украине был уничтожен 1281 бандит, захвачены в плен 1084 и сдались добровольно 903 человека. Кроме того, с 1 по 15 декабря в районе Корсунь, Городище, Смела было ликвидировано 265 бандитов и задержано 1537 дезертиров. За тот же срок в Каменско-Чигиринском районе было убито 345 бандитов, захвачено в плен 20 и добровольно сдалось или было поймано 2607 дезертиров.

Однако борьба с остатками бандформирований на Украине затянулась вплоть до октября 1922 года. В апреле-июне этого года были разгромлены две банды, а их атаманы взяты в плен. Летом части 2-й дивизии Червонного казачества и 24-й стрелковой дивизии активно преследовали отряды Гальчевского и Левченко. В сентябре-октябре 1922 года было обезврежено около 300 бандитов.

Участие Павла Судоплатова в вышеозначенных событиях зимы 1921 — осени 1922 годов было достаточно неприметным. Его боевая работа, как младшего сотрудника органов безопасности, сводилась к следующему: оказывать всевозможную помощь чекистам в проникновении в петлюровское подполье. В частности, когда летом 1921 года руководителям Особого отдела Потажевичу и Савину удалось установить диалог с атаманами банд, оперирующих в районе Житомира, Павел Судоплатов был одним из тех сотрудников, кто обеспечивал проведение переговорного процесса. В его обязанности входило постоянное нахождение в доме, где на явочной квартире проходили переговоры? и пресечение возможных провокаций со стороны бандитов.

Однажды, направляясь на очередное дежурство, Судоплатов столкнулся на лестнице дома с двумя дядьками из охраны атаманов. Дядьки были матерыми — огромного роста, рукастые, с красными носами и пропитыми лицами, а четырнадцатилетний Судоплатов — строен и хрупок.

Один из мордоворотов, явно провоцируя Павла, загородил ему дорогу.

— Ну, — сказал он, обдав Судоплатова сивушным перегаром.

— Баранки гну, — ответил тот, опуская руку в карман тужурки, где находился револьвер.

Смелый ответ и решительность в глазах Павла оказались для

бандита неожиданными. Он растерялся, буркнул: «От, бисов сын» и отошел в сторону. Юный сотрудник беспрепятственно прошел в нужную квартиру.

За выдержку и хладнокровие начальство объявило Судоплатову благодарность.

Много позже сам Павел Анатольевич отметит в своих мемуарах, что опыт общения с оголтелыми врагами Советской власти, полученный им в тот период, сильно пригодился ему в дальнейшем. «На своей собственной шкуре испытал я, каково иметь дело с заговорами в подполье», — напишет он.

Глава третья

Поздней осенью 1922 года Павла Судоплатова перевели служить в пограничные войска. Некоторое время он служил в уездном погранотделении города Изяславля, а затем на Славутинском погранпосту.

Время было тревожное. На границе продолжались стычки с остатками разгромленных банд, шла охота за контрабандистами и польскими лазутчиками. Кроме этого пограничники Волыни имели непосредственное отношение к развернувшейся на территории соседней Польши партизанской борьбе коммунистических повстанцев против польских властей. Напомним, что после окончания советско-польской войны 1920 года и подписания 18 марта 1921 года Рижского мирного договора в состав Польши вошли западные районы Украины и Белоруссии. На этих территориях начался процесс насильственной полонизации, закрывались украинские и белорусские школы, православные храмы, всячески третировались язык и культура украинцев и белорусов.

Помимо этого польские правящие круги продолжали строить дальнейшие планы по созданию «великой Польши от можадо можа», путем насильственного присоединения соседних земель, прежде всего, из состава страны Советов.

В данной ситуации Советская Россия, жестоко ослабленная в ходе многолетней гражданской войны, могла противопоставить потенциальному агрессору только одно средство — дестабилизацию обстановки в самой Польше.

«В марте 1921 г. Разведупр начал создание и переброску на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии отрядов боевиков для организации массового вооруженного сопротивления польским властям. Предполагалось, что эти вооруженные отряды станут ядром всенародного партизанского движения на оккупированных белорусских и украинских землях, которое в перспективе приведет к их освобождению и воссоединению с СССР. Подобная деятельность получила название «активная разведка», — пишут в своей книге «Империя ГРУ» А. И. Колпакиди и Д. П. Прохоров.

Славутинскому погранпосту в этой тайной войне отводилась заметная роль. Пограничники обеспечивали заброску и возвращение с территории Западной Украины диверсионных групп и отдельных агентов. Несколько раз к подобным мероприятиям привлекался и Павел Судоплатов. В суть дела его не вводили, но, наблюдая уходящих ночами на сопредельную

территорию суровых людей, нагруженных тяжелыми вещмешками, он понимал, что принимает участие в ответственном и сверхсекретном деле.

Тем не менее в начале сентября 1923 года Судоплатов подал рапорт о переводе со службы на погранпосту в Мелитополь. Рапорт был удовлетворен. В конце месяца молодой пограничник Павел Судоплатов вернулся домой. Причиной этого была не только усталость от участия в боевых действиях, но и то, что в Украинском ГПУ, как и по всей стране, началось сокращение чекистского аппарата и резкое уменьшение его финансирования.

В родном городе Павел Судоплатов попал на работу в аппарат Мелитопольского окружкома Л КСМУ (в комсомол он вступил во время службы на границе). Вначале был заведующим информационного отдела окружкома и членом правления, затем — комендантом клуба рабочей молодежи. В 1924 году его направили секретарем сельской комсомольской ячейки в село Ново-Григорьевка Генического района Запорожской губернии, а в январе 1925 года — секретарем ячейки ЛКСМУ завода имени Воровского (бывшие механические мастерские Гольца) в Мелитополе.

В феврале того же года окружком комсомола направил Павла Судоплатова на работу в органы ОГПУ.

— Доверяем тебе, товарищ Судоплатов, беречь Советскую власть. Будь бдителен, зорок и беспощаден к врагам пролетариата, дави их своей мозолистой рукой без всякого снисхождения и жалости, — такими словами напутствовал его секретарь Мелитопольского окружкома ЛКСМУ.

Так Павел Судоплатов восстановил свой стаж чекистской работы, прерванный на полтора года. В 1925–1927 годах он — сводчик информационного отделения Мелитопольского Окружного отдела ГПУ, в 1928 году — помощник уполномоченного учетно-статистического отделения Мелитопольского окротдела, затем — младший оперативный работник в окружном отделе ОГПУ, отвечающий за работу с осведомителями, действовавшими в греческом, болгарском и немецких поселениях. Работа с осведомителями, в просторечии — стукачами, требовала от сотрудника большой выдержки и хладнокровия. Общение с подобным человеческим материалом было тяжелым и неприятным. Многие оперативники не выдерживали и подавали рапорт о переводе в другой отдел.

Павел Судоплатов был хладнокровен и выдержан. Оперативный материал, собранный им в ходе встречи с осведомителями, всегда представлял определенный интерес для органов госбезопасности. Что иногда вызывало раздражение

непосредственного начальства Судоплатова, так это клички агентов — осведомителей.

— Товарищ Судоплатов, почему у ваших осведомителей такие дикие клички — Хряк, Дубина, Страхуил, Побелка Потолков какой-то… Что это такое? Неужели нельзя придумать что-нибудь более благозвучное, — сердилось начальство.

— Псевдонимы осведомители выбирают себе сами. Вмешиваться в этот процесс считаю невозможным и вредным для дела, — отвечал Судоплатов.

— Ну, хорошо, пускай будут дубинами, если им так хочется, — в конце-концов соглашалось начальство.

В 1928 году Павел Судоплатов получил повышение и был переведен в Харьков, тогдашнюю столицу Украины, где стал работать уполномоченным Информационного отдела ГПУ УССР.

Именно здесь, в Харькове, двадцатилетний Судоплатов встретил свою будущую жену — Эмму Карловну Каганову (Суламифь Соломоновну Кримкер), так же? как и он, служившую в органах госбезопасности.

В своих мемуарах Павел Анатольевич тепло вспоминал о подруге жизни:

«Она приехала на Украину из белорусского города Гомеля. Эмма была способной, и ей удалось поступить в гимназию, где для евреев существовала ограничительная норма. Она окончила несколько классов гимназии и позднее стала работать секретарем-машинисткой у Хатаевича, секретаря гомельской губернской организации большевиков. Когда ее начальника перевели в Одессу, где он возглавил партийную организацию, она последовала за ним. Именно в Одессе Эмма перешла в местное ГПУ. Ей поручили вести работу среди проживавших в городе немецких колонистов. Голубоглазая блондинка, она говорила на близком к немецкому идише и вполне могла сойти за немку.

В Харьков ее перевели за год до того, как я туда перебрался. Эмма занимала в ГПУ УССР более весомое положение, чем такой новичок, каким я тогда был. Как образованной и привлекательной женщине, к тому же начитанной и чувствовавшей себя вполне свободно в обществе писателей и поэтов, ей доверили руководить деятельностью осведомителей в среде украинской творческой интеллигенции — писателей и театральных деятелей. Мы встретились с ней на службе, и меня поразили ее красота и ум. Отец Эммы, сплавщик леса, умер, когда ей было всего десять лет. Она начала работать и одна содержала всю семью, где было восемь детей. Так что у нас с Эммой было много общего: и я, и она являлись опорой для семьи и должны были в силу обстоятельств рано повзрослеть (…). Для меня Эмма была

идеалом настоящей женщины, и в 1928 году мы поженились, хотя официально зарегистрировали наш брак лишь в 1951 году».

Между тем в 1930 году Павел Судоплатов попал в резерв назначений ГПУ (безденежного довольствия), но вскоре получил новую должность и весьма ответственное задание, которое контролировалось как руководителями ОГПУ, так и партийными органами. Его назначили заведующим культурно-воспитательной частью, а затем комиссаром трудовой коммуны (спецколонии) ГПУ УССР для малолетних правонарушителей и беспризорных детей, расположенной недалеко от города Прилуки.

После Гражданской войны подобные трудовые коммуны ставили своей целью покончить с беспризорностью детей-сирот, которые из-за невыносимых условий жизни становились на путь преступности. При спецколониях создавались мастерские и группы профессиональной подготовки, где бывшие беспризорники получали азы рабочих профессий. Кроме того, здесь малолетних преступников воспитывали в духе абсолютной преданности делу коммунизма.

Несколько раз Павел Судоплатов, благодаря положению своей жены в украинских партийных кругах, встречался с генеральным секретарем КП(б)У С. В. Косиором. Встречи проходили в неформальной обстановке, на частных квартирах, за роскошно накрытым столом.

— Ну как вам. Павел Анатольевич, на новой должности? — живо интересовался Косиор.

— Тяжело, Станислав Викентьевич, — честно признавался Судоплатов (на первых порах столкнувшись с непростым контингентом, состоящим из малолетних карманников, майданщиков, домушников и налетчиков, он растерялся, не зная? с чего начать, как вести себя с этой публикой)..

— А-ха-ха, а-ха-ха, — задорно смеялся Косиор, потом залпом выпивал стопку перцовки, крякал, ухал, закусывал маринованным масленком и продолжал: — А ведь революцию тоже было сделать нелегко, но ведь сделали и победили. В общем, справитесь, товарищ Судоплатов, справитесь, я в этом уверен.

— Постараюсь оправдать ваше доверие, — отвечал польщенный комиссар трудовой коммуны.

— Надеюсь, надеюсь, — отзывался Станислав Викентьевич, вновь опрокидывал стопку, крякал, ухал и наставительно говорил: — А с вашими подопечными особенно не миндальничайте, где надо, действуйте убеждением, но больше налегайте вот на это, — и показывал здоровенный, жилистый кулак. — Для шпаны эта штука самый убедительный аргумент.

Вскоре Прилукская трудовая коммуна стала одной из лучших

на Украине. Несколько сот колонистов, взятых из мест заключения и с улицы, учились там и работали в мастерских. Комиссар коммуны Павел Судоплатов пользовался у них огромным авторитетом, который сумел завоевать личным примером и убеждением (косиоровский «аргумент» остался невостребованным).. Заместитель председателя ГПУ Украины К. Карлсон, инспектировавший спецколонию, увиденным остался доволен. Докладывая о результатах своей поездки С. В. Косиору, он подчеркнул, что процесс перековки бывших уголовников и беспризорников в советских людей развивается хорошо.

Тем не менее карьера Павла Судоплатова как педагога-наставника, не состоялась. В 1931 году глава Украинского ГПУ В. А. Балицкий был назначен заместителем председателя общесоюзного ОГПУ. Отбывая в Москву на новую работу, он взял с собой большое количество сотрудников, в том числе и Павла Судоплатова, который получил должность старшего инспектора в отделе кадров, курировавшего перемещения по службе и новые назначения в Иностранном отделе — закордонной разведке ОГПУ.

Стоит напомнить, что уже с первых месяцев существования Советской власти органами ВЧК предпринимались попытки вести разведывательную работу за рубежом. В начале 1918 года лично Ф. Э. Дзержинский завербовал бывшего издателя буржуазной газеты «Деньги» А. Ф. Филиппова, который был направлен им на работу в Финляндию. Еще один нелегал под именем Р. К. Султанов (подлинное его имя до сих пор неизвестно) обосновался в Турции. В декабре 1918 года были созданы Особые отделы ВЧК в армии и на флоте, выполнявшие контрразведывательные функции. С августа 1919 года их возглавил лично Дзержинский, а несколько позднее — В. Р. Менжинский.

В апреле 1920 года внутри Особого отдела ВЧК появилось специальное подразделение — иностранное отделение. Осенью того же года, в связи с крупными просчетами советской разведки во время войны с Польшей, появилось постановление Политбюро ЦК РКП(б) о кардинальной реорганизации отделения. Была создана специальная комиссия, в которую вошли И. В. Сталин, Ф. Э. Дзержинский и другие видные деятели партии. В соответствии с рекомендациями комиссии 20 декабря 1920 года Дзержинский подписал приказ № 169 о создании уже самостоятельного Иностранного отдела Всероссийской чрезвычайной комиссии (ИНО ВЧК).

С этого момента дело внешней разведки было сконцентрировано в одном центре. Для работы стали подбирать специальные кадры. Первым руководителем ИНО был назначен

дипломат Я. Х. Давтян (Давыдов). С 1921 по 1922 год разведку возглавлял С. Г. Могилевский. Отныне от эпизодических посылок малоподготовленных агентов перешли к организации зарубежных резидентур. Разведкой стали заниматься профессионально.

В феврале 1922 года ВЧК была упразднена и вместо нее создано ГПУ при НКВД. После создания Союза Советских Социалистических Республик ГПУ было преобразовано в ОГПУ при СНК СССР. Иностранный отдел вошел в состав созданного ОГПУ Секретно-оперативного управления. С 1922 года ИНО возглавил М. А. Трилиссер. Вместе с ним в разведку пришла большая группа большевиков с опытом подпольной борьбы в царское время и в период гражданской войны. С. Г. Вележев и А.В. Логинов (Бустрем) стали заместителями Трилиссера. Остальные — Я. Минскер, А. Нейман, Я. Бодеско, А. Мюллер и другие — стали ответственными работниками отдела. ИНО был значительно расширен и укреплен опытными кадрами. К 1930 году центральный аппарат отдела достигал 70 человек, общий штат насчитывал 122 человека, из них 62 — сотрудники резидентур за рубежом.

В январе 1923 года по предложению заместителя председателя ГПУ И. С. Уншлихта для ведения активной разведки было создано специальное Бюро по дезинформации. В Дезинформбюро вошли представители от ЦК РКП(б), НКИД, РВСР, а также от Разведупра штаба РККА.

Осенью 1925 года Ф.Э. Дзержинский предложил создать при И НО ОГПУ отдел научно-технической разведки, как особый орган по добыванию информации о технических достижениях за границей. Вскоре такое подразделение было создано, ас 1930 года его работой в Центре стало заниматься 8-е отделение И НО.

В 20–30-е годы разведка добывала информацию о планах и намерениях противников СССР, способствовала прорыву политической изоляции и экономической блокады, предпринимавшейся западными странами, добывала научно-техническую и экономическую информацию, нейтрализовала подрывную деятельность белоэмигрантских организаций и иностранных спецслужб.

Между тем работа Павла Судоплатова в отделе кадров ОГПУ продолжалась недолго. Случилось так, что сотрудник Кулинич, отвечавшая за наблюдение и борьбу с украинской эмиграцией, подала рапорт об отставке по состоянию здоровья. Начальник Иностранного отдела А. Х. Артузов, узнав, что Судоплатов родом с Украины и имеет опыт работы в местных условиях, предложил ему занять вакантную должность.

— Вы встречались с этой публикой не только на фронте, но и

в условиях подполья. Знаете их повадки, поэтому, как говорится, вам и карты в руки, — сказал ему Артур Христианович.

Павел Судоплатов ответил согласием.

Новое назначение оказалось крайне ответственным. Организация украинских националистов (ОУН) — противник, с которым отныне поручалось иметь дело Судоплатову, был стоглаз, столап, коварен и жесток.

Советские чекисты, в первую очередь сотрудники И НО, вели против оуновцев бескомпромиссную борьбу. Они старательно отслеживали и многократно срывали активные попытки главарей ОУН найти себе союзников в различных националистических движениях в разных странах, в том числе в Германии. Пресекали террористические акты украинских националистов против советских политических деятелей. Так, например, осенью 1933 года была сорвана попытка покушения оуновцев на наркома иностранных дел СССР М. Литвинова, которое должно было состояться во время его прибытия в США. Благодаря действиям советского разведчика И. Каминского этот план был своевременно раскрыт. В итоге, переговоры Литвинова с Ф. Рузвельтом прошли успешно. 18 ноября 1933 года между СССР и Америкой были установлены дипломатические отношения. Позже в И НО была передана информация, что Е. Коновалец, один из руководителей ОУН, взбешенный провалом операции, собственноручно избил всю пятерку боевиков, на которых возлагалось убийство советского дипломата. «Сволочи, сволочи, сволочи!» — неистово орал член Центрального провода (руководства) ОУН, пиная подчиненных лаковыми штиблетами. «Ой, батьку, просрали москаля, ой, бей нас сильнее…» — каялись неудавшиеся террористы.

Однако действовать на опережение советской разведке удавалось не всегда. В 1934 году во Львове террорист-оуновец Н. Лемек совершил убийство сотрудника ИНО ГПУ А. Майлова, работавшего под дипломатическим прикрытием. На одном из приемов убийца сумел беспрепятственно приблизиться к дипломату и в упор выстрелить в него из браунинга. Майлов был убит наповал, террорист схвачен на месте преступления.

Председатель ОГПУ В. Р. Менжинский издал приказ о разработке плана действий по нейтрализации террористических акций украинских националистов. Тем более, что Украинскому ГПУ удалось внедрить в подпольную военную организацию ОУН своего проверенного агента — В. В. Лебедя, который к тому же был лично знаком с самим Е. Коновальцем. Это было крупным достижением, способным нанести противнику смертельный удар.

— Ну прошляпили Майлова, прошляпили… Виноваты,

конечно… Зато украинские товарищи внедрили нашего агента в самое осиное гнездо, теперь мы будем в курсе всех их злодейских замыслов, — оправдывался Менжинский перед представителями ЦК ВКП(б). Последнее обстоятельство, кстати, способствовало тому, что за убийством дипломата не последовало строгих оргвыводов.

После трагических событий во Львове А. Слуцкий, к тому времени начальник Иностранного отдела, предложил оперуполномоченному Павлу Судоплатову стать сотрудником-нелегалом, работающим за рубежом. Предложение было неожиданным и на первый взгляд нереальным, поскольку опыта работы за границей у Судоплатова не было, а его знания иностранных языков равнялись нулю.

Сомнения развеяла супруга Эмма Карловна, которая, следом за мужем, также перевелась в Москву и с 1934 года занималась кураторством сети осведомителей в только что созданном Союзе писателей и в среде творческой интеллигенции.

— Павел, мне не понятны твои колебания, — сказала жена. — Ведь ты же член ВКП(б), а для большевиков не существует слова «нет» и «не могу».

— Да, я большевик, — ответил Павел Судоплатов (в партию он вступил в феврале 1928 года).

Впоследствии Павел Анатольевич напишет о крутом повороте в своей судьбе так: «Чем больше я думал об этом предложении, тем более заманчивым оно мне представлялось. И я согласился. После чего сразу приступил к интенсивному изучению немецкого языка — занятия проходили на явочной квартире пять раз в неделю. Опытные инструкторы обучали меня также приемам рукопашного боя и владению оружием. Исключительно полезными для меня были встречи с заместителем начальника Иностранного отдела ОГПУ-НКВД Шпигельглазом. У него был большой опыт работы за границей в качестве нелегала — в Китае и Западной Европе(…). После восьми месяцев обучения я был готов отправиться в свою первую зарубежную командировку в сопровождении Лебедя, «главного представителя» ОУН на Украине, а в действительности нашего тайного агента на протяжении многих лет».

Так началась новая жизнь Павла Судоплатова — советского разведчика-нелегала. Его первая зарубежная поездка состоялась в Финляндию, куда он под именем Павла Анатольевича Яценко прибыл вместе с Лебедем, в качестве «племянника» последнего. В Хельсинки Лебедь оставил своего «родственника, гарного парубка» на попечение главного представителя ОУН в Финляндии Кондрата Полуведько и тут же отбыл обратно в СССР. Следом

случилось то, что едва не привело к трагедии. Дело в том, что финский представитель украинских националистов Полуведько работал на советскую разведку, но ничего не знал об истинной цели приезда Павла Судоплатова. Он сразу же проникся к «гарному парубку» яростной антипатией и недоверием. Встречаясь с Б. Рыбкиным, советским резидентом в Финляндии, Полуведько высказал мнение о том, что Яценко сомнительный тип, которого следует немедленно ликвидировать.

— Заведу его в темное место да и тяпну по башке кирпичом, — предложил мнительный Кондрат.

Полуведько было запрещено предпринимать какие-либо несанкционированные действия, но от этого его отношение к Яценко-Судоплатову не изменилось. Он подчеркивал свою неприязнь к Павлу тем, что ежедневно выделял ему на карманные расходы всего 10 финских марок.

— Учитесь, молодой человек, жить экономно. В условиях подполья это не повредит, — поучал он «племянника» Лебедя.

В итоге, Судоплатов, ожидая связных от Коновальца, влачил в Хельсинки жалкое, полуголодное существование. Дошло до того, что разведчики Борис Рыбкин и Зоя Рыбкина на тайных встречах с Павлом, расписание которых было определено еще перед отъездом из Москвы, были вынуждены приносить для него бутерброды и шоколад. Наблюдая, с какой жадностью молодой разведчик поглощает еду, Рыбкин вслух размышлял:

— Расшифровывать вас перед Полуведько не следует, так будет лучше для дела, поэтому придется потерпеть.

— Я готов, — отвечал с набитым ртом Судоплатов.

— Ну, вот и отлично, — соглашался Рыбкин, переглядываясь со своей женой.

А перед уходом Павла Судоплатова они всегда проверяли содержимое его карманов, чтобы убедиться, что тот не взял с собой никакой еды: ведь эта мелочь могла провалить всю «игру».

Наконец, после нескольких месяцев ожидания, в Хельсинки прибыли связные от Коновальца — О. Грибивский из Праги и Д. Андриевский из Брюсселя. Судоплатову, вместе с ними и Полуведько, предстояла поездка в Стокгольм.

При посадке на пароход Судоплатову вручили фальшивый паспорт на имя Сциборского, выданный литовскими спецслужбами по просьбе руководства ОУН. Когда пароход ошвартовался в порту шведской столицы, всех пассажиров собрали в столовой и официант начал раздавать паспорта, прошедшие пограничный контроль. В документе Сциборского фото не соответствовало оригиналу, на основании чего официант отказался вернуть ему паспорт. К счастью, в дело вмешался

нервный Полуведько, рявкнувший на бдительного официанта таким страшным голосом, что тот счел за благо с извинениями вернуть сомнительный паспорт владельцу.

Пребывание в Стокгольме затянулось на неделю. Все это время Андриевский старательно прощупывал Павла Судоплатова, расспрашивая его о «дяде» и жизни на Украине. Тогда как Грибивский и Полуведько ударились в беспробудное пьянство. Разливая по стаканам французский коньяк, Грибивский плакал пьяными слезами:

— Вот, пан Полуведько, дожили, всякое дерьмо потребляем, а то ли дело наша украинская горилка… Вот клятые москали до чего довели…

— И не говорите, пан Грибивский, дожили… довели… — поддакивал тому рыдающий Полуведько.

Между тем Андриевский, убедившись, что Павел Судоплатов в самом деле является тем, за кого себя выдает — Павлом Яценко, «племянником» Лебедя, проникся к нему необычайным доверием.

— Видите, с кем приходится работать, — доверительно сообщал он Павлу, кивая на своих соратников. — Пьянь, байстрюки.

— Ничего, не перевелись еще рыцари на Украине, — отвечал Судоплатов.

Андриевский смотрел на него влюбленными глазами.

Проверка в Стокгольме прошла успешно. Свой первый экзамен советский разведчик Павел Судоплатов выдержал на «отлично». Впереди его ждала Германия и встреча с лидером ОУН.

Напомним, что Евген Коновалец родился 14 июня 1891 года в селе Зашкив на Львовщине, в то время территории Австро-Венгерской империи. С малых лет он отличался какой-то неистовой любовью ко всему украинскому и Украине. Наизусть знал почти все стихи Тараса Шевченко, имена народных героев и гетманов, играл на домре и лучше всех в селе отплясывал гопак.

«Вырасту большим, стану гетьманом», — заявлял маленький Евген своим сверстникам, остолопам и бузотерам.

Повзрослев, перебрался из села во Львов, где в компании таких же украинофилов, проникся еще большей нежностью к родной земле и набряк лютой ненавистью против «панування москалив» на Украине.

Начало первой мировой войны Коновалец встретил с восторгом. Победа в войне германского и австро-венгерского оружия, полагал он, принесет Украине долгожданную свободу и независимость. Евген Коновалец добровольно вступил в ряды воинского соединения, укомплектованного выходцами из

Галиции. 1917год он встретил в должности командира Галицийско-Буковинского куреня (полка), входящего в состав австро-венгерской армии.

В годы гражданской войны на Украине Коновалец командовал Корпусом сичевых стрельцов, петлюровским вооруженным формированием. В ходе военных действий в 1918–1919 годах соединение Коновальца вместе с Запорожским корпусом В. П. Зеленского были неоднократно биты как Красной Армией, так и войсками Деникина. В 1920 году в боях с советскими частями петлюровцы потерпели окончательное поражение, их остатки бежали за границу.

3 августа 1920 года в Праге была создана «Украинская военная организация» (УВО), костяк которой составили ветераны Корпуса сичевых стрельцов. Руководил УВО Евген Коновалец. Ближайшими его помощниками являлись — А. Мельник, Ю. Головинский, Р. Сушко, Р. Ярый.

«Украинская военная организация» развернула террористическую деятельность против польских властей на территории Западной Украины. Многие из боевиков организации погибли во время этих акций или были казнены по приговору суда. Среди части населения Западной Украины, особенно студенчества, действия боевиков находили одобрение и встречали поддержку.

Помимо УВО, в 20-е годы возникли еще две связанные с ней политические организации — «Союз украинской национальной молодежи» и «Легия украинских националистов» (эта организация возникла в результате слияния нескольких мелких групп, одной из которых был «Союз украинских фашистов»).

Зимой 1929 года на съезде в Вене УВО объединилась с «Союзом» и «Легией» в единую организацию украинских националистов — ОУН, вождем которой был избран Евген Коновалец.

В это же время начались «усиленные попытки оуновских лидеров найти союзников по антисоветской деятельности в националистических движениях в разных странах, в том числе и в Германии. Но в первую очередь лидеры ОУН старались наладить связи со своими соседями и «коллегами» — литовскими националистами и национал-шовинистами».

Встреча с лидером ОУН состоялась в начале лета 1936 года в Берлине на конспиративной квартире, расположенной в здании Музея этнографии.

Павел внутренне готовил себя к ней, проигрывал различные варианты, но Коновалец спутал все карты. Он встретил Судоплатова с распростертыми объятиями и напыщенными

словами.

— Рад, рад приветствовать надружественной германской земле пана Яценко, племянника моего боевого соратника, ведущего борьбу за свободу неньки Украйны!

— Хай живе вильна Украйна! — с ходу подыграл «племянник».

Коновалец был в восторге.

«Железная легенда» Судоплатова, подкрепленная авторитетом «вуйко» (дяди), позволила ему завоевать полное доверие лидера ОУН. Павел Анатольевич писал в своих воспоминаниях:

«Мои беседы с Коновальцем становились между тем все серьезнее. В его планы входила подготовка административных органов для ряда областей Украины, которые предполагалось освободить в ближайшем будущем, причем украинские националисты должны были выступать в союзе с немцами. Я узнал, что в их распоряжении уже имеются две бригады, в общей сложности около двух тысяч человек, которые предполагалось использовать в качестве полицейских сил в Галиции (части Западной Украины, входившей тогда в Польшу) и в Германии».

В ходе доверительных бесед Судоплатовым были выявлены и другие не менее интересные факты. Была установлена тесная связь оуновцев с хорватскими националистами, участие ОУН в убийстве югославского короля Александра и министра иностранных дел Франции Луи Барту, а также финансирование террористов абвером — разведывательной и контрразведывательной службой вермахта. Кроме того, выяснилось, что внутри Организации украинских националистов идет жестокая борьба за власть, которую ведутдве группировки — «старики» и «молодежь». Первых представляли Коновалец и его заместитель А. Мельник, а «молодежь» возглавляли С. Бандера и Костарев. Причем междуусобица зашла достаточно далеко, о чем свидетельствовал тот факт, что убийство польского министра генерала Перацкого в 1934 году украинским террористом Мацейко было проведено вопреки приказу Коновальца, и стоял за этим Бандера.

Во время встреч с руководством ОУН Судоплатов, пользуясь своим положением представителя головной части подпольной украинской организации, старался убедить их в том, что террористическая деятельность на Украине не имеет никаких шансов на успех, поскольку власти немедленно разгромят небольшие очаги сопротивления. Он настаивал на том, что «надо держать наши силы и подпольную сеть в резерве, пока не начнется война между Германией и Советским Союзом, а в этом

случае немедленно их использовать».

Кроме того, он не упускал подходящего момента, чтобы внести еще больший разлад в отношения между группировками «стариков» и «молодежи». Так, когда представился случай, Судоплатов передал Коновальцу слова Костарева о том, что Коновалец слишком стар, чтобы руководить организацией, и его следует использовать лишь в качестве декоративной фигуры.

— А не захочет служить вывеской, тогда геть старого дурня! — с костаревской интонацией завершил Павел.

После подобного суждения о своей персоне Коновалец побледнел и затрясся от негодования. Коварством «соратников» был возмущен и Судоплатов. (Позже стало известно, что Костарев погиб при странных обстоятельствах. По мнению Павла Судоплатова, его смерть была далеко не случайной).

Между тем отношение Коновальца к «племяннику» своего боевого товарища становилось по-отечески заботливым и добрым. Павел Анатольевич вспоминал:

«Коновалец взял меня под свою опеку и частенько навещал: мы вдвоем бродили по городу. Однажды он даже повел меня на спектакль в Берлинскую оперу, но в целом развлечений в моей жизни там было не так уж много(…) Коновалец привязался ко мне и даже предложил, чтобы я сопровождал его в инспекционной поездке в Париж и Вену с целью проверки положения дел в украинских эмигрантских кругах, поддерживающих его. У него были деньги, полученные от немцев, и это позволяло ему играть роль лидера могущественной организации. В Париже мы остановились в разных отелях. Во время нашего пребывания в городе проходила всеобщая забастовка, и все рестораны оказались закрытыми, так что Коновалец повез меня обедать в… Версаль. Не работало метро, и нам пришлось взять такси, кстати, весьма дорогое(…). Во время нашего пребывания в Париже Коновалец пригласил меня посетить вместе с ним могилу Петлюры, после разгрома частями Красной Армии бежавшего в столицу Франции, где в 1926 году он и был убит. Коновалец боготворил этого человека, называя его «нашим знаменем и самым любимым вождем». Он говорил, что память о Петлюре должна быть сохранена. Мне было приятно, что Коновалец берет меня с собой, но одна мысль не давала покоя: на могилу во время посещения положено класть цветы. Между тем мой кошелек был пуст, а напомнить о таких мелочах Коновальцу я не считал для себя возможным. Это было бы просто бестактно по отношению к человеку, занимавшему столь высокое положение, хотя, по существу, заботиться о цветах в данном случае надлежало ему, а не мне. Что делать? Всю дорогу до

кладбища меня продолжала терзать эта мысль. Мы прошли через все кладбище и остановились перед скромным надгробием на могиле Петлюры. Коновалец перекрестился — я последовал его примеру. Некоторое время мы стояли молча, затем я вытащил из кармана носовой платок и завернул в него горсть земли с могилы.

— Что ты делаешь?! — воскликнул Коновалец.

— Эту землю с могилы Петлюры отвезу на Украину, — ответил я, — мы в его память посадим дерево и будем за ним ухаживать.

Коновалец был в восторге. Он обнял меня, поцеловал и горячо похвалил за прекрасную идею. В результате наша дружба и его доверие ко мне еще больше укрепились».

В Париже, а позднее в Вене, Павлу Судоплатову были организованы встречи с курьерами из Центра. В первом случае связной оказалась его собственная жена Эмма Карловна, по «легенде» студентка из Женевы. Во втором на связь вышел сотрудник госбезопасности П. Я. Зубов. Судоплатов подробно информировал курьеров о деятельности Коновальца, положении дел в украинских эмигрантских кругах и о той значительной поддержке, которую они получали от Германии.

Тем временем «дядя» Лебедь, используя свои связи, прислал из Финляндии распоряжение о скорейшем возвращении Павла на Украину, поскольку появилась возможность оформить «племянника» радистом на советское судно, регулярно заходившее в иностранные порты. Последнее обстоятельство давало возможность поддерживать постоянную связь между оуновским подпольем на Украине и националистическими организациями за рубежом.

В Хельсинки Павел Судоплатов прибыл 6 июля 1936 года с литовским паспортом на имя Николая Боравскуса и остановился в пансионате на Александриикату. 23 июля вместе с приехавшим в столицу Финляндии заместителем Коновальца, полковником Сушко, он выехал в направлении города Суоярви. Здесь Сушко должен был указать ему безопасное место для перехода советско-финляндской границы.

Однако случилось непредвиденное. В том же году сам Павел Анатольевич писал об этом следующее:

«… не доезжая до нее (станции — В. С.), на разъезде мы сошли, здесь же, еще раз сверившись направление по компасу, разошлись. Я в направлении границы, он (Сушко — В.С.) в направлении станции Ляймолы, с тем чтобы возвратиться в Гельсинки. Около реки Ляймолы я встретил пастуха. Это меня вынудило свернуть круто от реки вправо, прошел несколько километров и вышел к озеру, где увидел двух людей, говоривших

по-фински и удивших рыбу. Стараясь избежать встречи с ними, видя невозможность переплыть озеро, не подвергая себя риску быть ими увиденными, я решил обойти озеро и вышел на дорогу с телефонным или телеграфным проводом. Там встретился с патрулем».

Финский пограничный патруль арестовал Павла Судоплатова. Арестованного доставили в Суоярви, а оттуда перевели в тюрьму города Хельсинки, по внешнему облику напоминающую знаменитые ленинградские «Кресты».

На допросе Судоплатов объяснял следователю, что пытался нелегально проникнуть на территорию Советского Союза, по заданию украинской националистической организации, чтобы вести борьбу с москальско-жидовским игом. Однако следователь Кууконен грозил ему длинным прокуренным пальцем и говорил на русском языке, чеканными фразами:

— Это есть ложь. Вы большевистский агент Иван Днепрогессов. Ваша задача устроить в Финляндии новую революцию. Отпираться бессмысленно. Называйте явки, пароли, связи.

Судоплатов тяжело вздыхал и безнадежно разводил руками.

История сохранила протоколы допросов Павла Анатольевича в финской тюрьме. Один из них следует привести полностью, тем более, что в нем содержится «легенда», благодаря которой советский разведчик Павел Судоплатов сумел успешно перевоплотиться, действовать и победить в смертельном поединке с ОУН. Вот этот документ:

«В ночь с 24 на 25 июля 1936 года я был задержан при том, когда собирался переходить финскую границу, имея целью через Россию пробраться на Украину и там продолжить борьбу с русскими, поработившими мою страну. Чтобы финские власти имели представление обо мне, постараюсь более или менее подробно подать о себе информацию.

Родился в 1907 году 24 июня, крещен 29 июня (все старый стиль) в Ивангородской церкви гор. Умани Киевской области на Украине. Отец Анатолий Осипович Яценко, мать Феодосия Терентьевна, брат Николай 1905 года рождения и я, Павел. Это наша семья. Мать не помню, она умерла, когда был ребенком.

Об остальных членах семьи скажу ниже, когда буду освещать интересующий Вас вопрос — как я стал украинским националистом. Это, собственно, началось с детства.

В 1914 году поступил в школу и проучился в этой начальной, теперь она приравнена до семилетней, до 1919 года. Дальше учиться не имел возможности, так как отец за участие в национально-освободительном движении большевиками был

расстрелян, хата сожжена, и я со старшим братом Николаем очутился на улице без родителей и куска хлеба. Начинается период беспризорности. Вместе с Николаем, детьми бродил и ездил по Украине, потом брата потерял на одной из железнодорожных станций, и, как потом узнал, он умер от голода, который был на Украине в 1921 году. Таким образом, благодаря большевикам вся моя семья была разрушена. И это Вам первый, вернее, один из первых ответов на Ваш вопрос, почему и как я стал националистом.

Беспризорным был до 1922 года, затем меня с улицы подобрали и поместили в детский дом гор. Умани. С 1922 по 1927 год был я в детском доме гор. Умани, вначале в качестве воспитанника, потом, с 1925 года, уже как служащий этого же детского дома — помощником воспитателя. В 1927 году, примерно в январе-феврале, был уволен по сокращению штатов и отправился в целях подыскания работы в Харьков. Там с помощью одного человека, тоже украинца, националиста (фамилию его сознательно не называю и прошу финские власти не требовать этого, т. к. он на Украине и ведет в подполье борьбу против русских), поступил на службу в детский дом имени Горького и там работал помощником, потом воспитателем до 1934 года.

Работая в детском доме, одновременно в 1929/30 году подготовился ив 1931 году осенью начал учиться в Институте народного образования в Харькове. В 1934 году институт закончил, получил звание учителя и поступил в 26-ю школу Харькова. Проработал там до 1935 года, затем выехал нелегально за кордон для прохождения соответствующего теоретического курса. Теперь, по окончании курса и выполнения возложенных на меня поручений, я по указанию закордонного центра нашей организации должен был возвратиться на родину и продолжать борьбу, но на границе был Вами задержан. Маршрут мне пометили следующий: Ляймола-Петрозаводск, через леса и болота, пешком, с ориентировкой на компас. Затем Петрозаводск — Петроград — Украина.

Это из области автобиографии. Возможно, не исчерпал всего того, что Вас интересует. Прошу спросить дополнительно.

Следующий Ваш вопрос, как и почему я стал националистом. Можно было бы ответить просто: я стал националистом, потому что я украинец, любящий свою родину и прекрасно понимающий, к чему привело вековое хозяйничанье русских на Украине. Но постараюсь дать более подробные сведения, перечислить, если хотите, отдельные детали, штрихи моей жизни, оказавшие влияние на формирование моего националистического мировоззрения.

Главнейшая роль здесь принадлежит отцу, заложившему в мою, еще тогда детскую голову любовь к родному краю, ненависть к поработителям — москалям. Его трагическая гибель сделала меня, тогда еще беспомощного мальчика, ярым ненавистником не только русских, но и всего того, что с русскими связано. Позднее голодная смерть Николая лишь дополнила уже сформировавшуюся, еще не политическую, националистическую сознательность, а ненависть.

Я, с детства перенявший от отца любовь к родине, своему языку, культуре, в годы беспризорности объездил всю Украину и видел, как русские издеваются над нашим языком, культурою, обычаям и, не говоря уже об открытом грабеже, хищнической эксплуатации наших природных богатств. (Последнее пришло в сознание позже, т. к. тогда в экономике не разбирался. И уже тогда в детской головке зарождаются мысли о протесте, потребности как-то выразить этот протест, дать выход накопившейся ненависти).

В 1923 году знакомлюсь с семьей одного офицера Украинской армии, активного участника национально-освободительной борьбы с русскими в 1917–1920 годах (фамилию его сознательно не называю, он на Украине, националист и сейчас им есть). С этого момента начинается мое формирование как националиста. Идет процесс роста политической зрелости, вылившейся в 1926 году в активное участие в националистической борьбе против панування москалив на Украине, за самостоятельное, соборное Украинское государство.

Таким образом, активное участие в национально-освободительной борьбе принимаю с 1926 года и с этого же времени являюсь националистом. Мне кажется, что исчерпал и этот Ваш вопрос. Само собой разумеется, что было еще много других моментов, оказывающих влияние на формирование моего националистического мировоззрения. Одни в большей, другие в меньшей степени. Но здесь я остановился лишь на основных моментах. Прошу власти учесть, что я, по соображениям существующих в организации правил конспирации, совершенно не могу касаться своей конкретной националистической деятельности на родных землях, так же как не могу называть фамилий националистов, живущих и действующих в подполье, во имя Украины. Прошу убедительно не настаивать на такого рода вопросах. Лгать не хочу, а отвечать не имею права ни формального, ни морального (…).

(…) В Гельсинках я прожил с 6 по 23 июля 1936 года. Задерживался с отъездом из-за несвоевременного получения денег на покупку для меня вещей и предметов в дорогу. Что

делал в Гельсинках. Основной задачей имел хорошо питаться, отдыхать и готовить себя к очень большой, трудной и опасной дороге. В хорошую погоду бывал на пляже (там, где крематорий, аркадиакату, кажется), в плохую погоду ходил в музеи, вечерами — в кино или просто бродил по городу и читал литературу, доставляемую Сушко или Полуведько. Вообще, последний имел указание от главы нашей организации оказывать мне всяческую помощь и поддержку. На его же имя приходили деньги на расходы, связанные с моей поездкой.

Карта и мой маршрут, обозначенные на небольшой полотняной бумаге, писана Сушко, переснята им с официального финского издания карты для туристов.

Продукты в дорогу и другие вещи покупал большею частью вместе с Сушко в Гельсинках. Небольшую часть покупал с Полуведько или сам. О большевистской и польской валюте заботились Полуведько и Сушко. Я не входил в эти подробности. За время пребывания в Финляндии я ничего не сделал такого, что могло бы принести вред Вашей стране, если не считать, конечно, что желанием перейти границу я тем самым уже нарушил финляндское законодательство. Повторяю еще раз, что в Финляндию приехал с единственной целью: перейти здесь границу и через Россию пробраться на Украину. Смягчающим мою вину обстоятельством, во всяком случае, для меня самого, нарушившего Ваши законы, является то, что я не имел другого выбора. Мы, националисты, — революционная организация. Я, революционер-националист, человек действия, дисциплины и не мог поступить иначе, как поступил. Готов, конечно, и нести наказание. Ни о какой деятельности против Финляндии и в мыслях ни я, ни вообще националисты в целом не имеем и не можем иметь, так как Финляндия в порабощении Украины не заинтересована.

Вы меня упрекнули, что я не хотел давать показания в Суоярве. Это не совсем точно. От показаний я не отказывался, а лишь просил не расспрашивать меня подробно здесь, обещал одновременно давать полные объяснения в Гельсинках или другом вышестоящем центре, где со мной могли бы объясниться, не прибегая к помощи переводчиков, не официальных лиц. Такую же директиву я имел от своего закордонного центра. Намерения отказываться от объяснений не имел, как видите, их даю. Единственное, что не могу с кем бы то ни было говорить о делах нашей организации, должен смотреть за тем, чтобы интересы ее были соблюдены.

Маленький крестик, который я сам вручил Вашим властям при задержании, боюсь, что он может затеряться, является

значком участников освободительной войны с большевиками в 1917–1920 годах. Ну, он, кроме того, имеет свое специальное значение во внутренней жизни организации.

Деньги, бывшие при мне, были рассчитаны на то, чтобы обеспечить материально на первое время мою нелегальную поездку через Россию на Украину. Польские злотые должен был вручить на Украине своему там руководителю. Большевистские и польские деньги куплены в Гельсинках на средства, присланные для моей поездки.

Запасной костюм, пара туфель и белья были рассчитаны на то, что по дороге до Петрозаводска одежда и обувь, бывшие на мне, изорвутся, а я, подходя к самому городу и станции железной дороги, должен был бы переодеться, побриться и не производить впечатление человека, только что вышедшего из леса.

Назначение пищи, бывшей при мне, Вам, конечно, ясно. Маленькая, складная плита была рассчитана на то, чтобы дать мне возможность в моем 6–7-суточном пути (так примерно мы рассчитывали) иметь горячую пищу, подогрев консервы. Аспирин, пирамидон, йод, вата, бинт имели назначение чисто медицинское.

Если дополнительно Вас что-либо будет интересовать о вещах, бывших при мне, прошу спросить.

Несколько слов об организации, посланцем которой я являюсь. В 1917–1920 годах украинцы, так же как и Вы, финны, вели вооруженную борьбу с большевиками, Деникиным и Врангелем (все они для нас одинаково враждебны) за создание самостоятельного Украинского государства. В этой борьбе мы, лишенные поддержки со стороны европейских государств, после трехлетней национально-освободительной войны, потерпели поражение. Наша армия, сдавленная с севера и востока большевиками, с юго-востока и юга Деникиным, Врангелем, с юго-запада Румынией и с запада Польшей, в открытой вооруженной борьбе сданная на собственные силы, была разбита. Этим закончился первый этап истории нашего национально-освободительного движения после мировой войны 1914–1918 годов.

Начинается, с 1920–1921 годов, второй период. Потерпевшее поражение в открытом вооруженном выступлении движение уходит в глубокое подполье и там, в других уже формах, условиях, продолжает борьбу. Наша борьба имеет различные виды и формы. Основным, главным и наиболее опасным нашим противником является Россия, причем даже независимо от того, большевистская ли она, монархическая или какая-либо другая, деникинская или врангелевская, она будет добиваться

порабощения не только Украины, но и всех других народов, близко граничащих с ней.

В нашей национально-освободительной борьбе мы имели успехи и поражения. Не исключаем, что отдельные поражения частичные будем еще иметь. Но никто из нас не сомневается в том, что окончательная победа нам обеспечена. Можно каждого из нас, националистов, в отдельности уничтожить, но идею украинского национализма никогда.

Украинские земли поделили между собой: Россия, Польша, Румыния и Чехословакия. Задачей украинского национализма является собрать воедино все земли, создать самостоятельное, независимое Украинское государство.

Над осуществлением этой святой задачи работает вся наша организация в целом. Над осуществлением ее имею счастье работать и я.

Я сообщил Вам, откуда происхожу, где жил, работал, учился. Все это такие детали, при неосторожном обращении с которыми могут страдать националисты на Украине, работающие сейчас в подполье. Следователь, являющийся для меня в данном случае представителем, олицетворением финских властей, обещал, что все поданные мною сведения о себе не станут достоянием гласности, не будут переданы русским. Верю, что Вы слово свое сдержите и не захотите наносить нам вреда. В данном случае речь идет не столько обо мне, сколько об интересах того движения, интересам которого посвящена моя жизнь и во имя которого я подвергаю себя опасности.

Независимо от того, какое наказание Вы для меня определите, я прошу дать мне возможность уведомить Полуведько, а через него организацию, что пока, в связи с моим задержанием, я не могу выполнить возложенных на меня поручений.

Что еще я должен сообщить о себе? Кажется, все. Во всяком случае, если я что-либо пропустил из того, о чем говорил Вам уже, прошу напомнить. Я охотно свою информацию дополню.

Павел Анатольевич Яценко (подпись)».

По истечении трех недель после ареста Судоплатова официальному украинскому представителю в Хельсинки Полуведько поступил запрос от финской полиции и офицеров абвера о некоем украинце, пытавшемся пробраться в Советский Союз (между финской и немецкой разведкой существовало соглашение о контроле над советской границей — любые перебежчики проверялись ими совместно).

К началу четвертой недели заключения Павла Судоплатова

следователь Кууконен прекратил молоть чепуху об Иване Днепрогессове и дружелюбно отчеканил:

— Финны уважают украинских националистов. Финны не уважают рюся и жидов. Украина будет принадлежать украинцам, а Финляндия будет великой.

Судоплатов с облегчением вздохнул и охотно с ним согласился.

Вскоре тюремные ворота распахнулись и Павла Судоплатова выпустили на свободу. Финские власти передали его Полуведько, который в тот же день, на пассажирском пароходе «Калева», отплыл вместе с ним в столицу Эстонии. Всю дорогу Полуведько злобно бубнил:

— Стыдно, стыдно быть арестованным чухонцами, этими никчемными существами. Только глухой и слепой мог влипнуть при переходе финской границы.

В Таллине Судоплатову был выдан еще один фальшивый литовский паспорт, а в советском консульстве оформлена краткосрочная туристическая виза для поездки в Ленинград. На этот раз с пересечением границы не было никаких проблем.

Глава четвертая

Успешная командировка Павла Судоплатова в Западную Европу изменила его положение в разведке. В кабинете А. Слуцкого, где он докладывал о деталях своей деятельности, присутствовали начальник Особой группы при наркоме НКВД Я. И. Серебрянский и сотрудник сталинского секретариата Васильев. О результатах его работы было доложено И. В. Сталину, С. В. Косиору и председателю ЦИК УССР Г. И. Петровскому. В 1937 году Павла Судоплатова наградят орденом Красного Знамени. Это была вторая награда молодого чекиста (в 1928 году Мелитопольский окрисполком наградил его серебряными часами), которой он очень гордился.

Между тем игра советской разведки с ОУН продолжалась. Павел Судоплатов неоднократно выезжал за рубеж в качестве курьера. «Крышей» для него служила должность радиста на грузовом судне.

В ходе одной из встреч с Е. Коновальцем он узнал о том, что ОУН передала немцам дезинформацию о контактах ряда военачальников Красной Армии из числа украинцев — командарма 2-го ранга И. Н. Дубового, командарма 1-го ранга И. Ф. Федько и других — с украинскими националистами. Коновалец также доверительно сообщил ему, что подобную дезу оуновцы подкинули, чтобы произвести на немцев впечатление и получить от них как можно больше денег.

— Согласитесь, ловкий прием, — заметил Коновалец и продемонстрировал Павлу огромное портмоне, под завязку набитое хрустящими банкнотамии.

Судоплатов согласно кивнул, с ужасом думая о том, какие последствия может иметь этот «ловкий прием» для обороноспособности СССР. Кстати, после возвращения из плавания, он сообщил о дезе С. Шпигельглазу. К его удивлению, старший товарищ не исключил возможности подобных контактов. «От них всего ожидать можно, мутный элемент», — произнес Шпигелылаз.

Тем временем в Кремле внимательно ознакомились с информацией Судоплатова, касающейся планов лидеров ОУН. Она не могла не вызвать серьезного беспокойства, особенно в связи с обострением международной ситуации и возможной войной между СССР и Германией.

В ноябре 1937 года Павел Судоплатов вместе с Абрамом Слуцким был вызван к наркому внутренних дел Н. И. Ежову. Нарком произвел на него гнетущее впечатление: маленький,

неказистый, имевший странную привычку, рассуждая о «длинных руках НКВД», вытягивать вперед свои короткие ручонки, словно демонстрируя эти «длинные руки». Вопросы, которые в ходе беседы задавал Ежов, касались самых элементарных для любого разведчика вещей и звучали наивно. Более того, у Судоплатова сложилось впечатление, что наркома вообще не интересуют разногласия внутри организации украинских эмигрантов.

Беседа в кабинете Ежова продолжалась более получаса. Затем Николай Иванович заметил, что «зарубежную шваль пора брать в ежовые рукавицы» и внезапно предложил, чтобы Павел Судоплатов сопровождал его в Кремль. Когда машина въехала в Кремль, допуск в который имел весьма ограниченный круг лиц, Ежов объявил, что сейчас их примет лично товарищ Сталин.

Встреча с Иосифом Виссарионовичем произвела на Павла Анатольевича неизгладимое впечатление. Позже он говорил, что это было самое светлое событие в его жизни (вторым светлым событием Судоплатов считал день 20 февраля 1928 года, когда ему был вручен партийный билет за № 1 872 162). В своих воспоминаниях Павел Судоплатов оставил описание встречи с вождем:

«Мне было тридцать, но я так и не научился сдерживать свои эмоции. Я был вне себя от радости и едва верил тому, что руководитель страны захотел встретиться с рядовым оперативным работником. После того как Сталин пожал мне руку, я никак не мог собраться, чтобы четко ответить на его вопросы. Улыбнувшись, Сталин заметил:

— Не волнуйтесь, молодой человек. Докладывайте основные факты. В нашем распоряжении только двадцать минут.

— Товарищ Сталин, — ответил я, — для рядового члена партии встреча с вами — величайшее событие в жизни. Я понимаю, что вызван сюда по делу. Через минуту я возьму себя в руки и смогу доложить основные факты вам и товарищу Ежову.

Сталин, кивнув, спросил меня об отношении между политическими фигурами в украинском эмигрантском движении. Я вкратце описал бесплодные дискуссии между украинскими националистическими политиками по вопросу о том, кому из них какую предстоит сыграть роль в будущем правительстве. Реальную угрозу, однако, представлял Коновалец, поскольку он активно готовился к участию в войне против нас вместе с немцами. Слабость его позиции заключалась в постоянном давлении на него и возглавляемую им организацию со стороны польских властей, которые хотели направить украинское национальное движение в Галиции против Советской Украины.

— Ваши предложения? — спросил Сталин.

Ежов хранил молчание. Я тоже. Потом, собравшись с духом, я сказал, что сейчас не готов ответить.

— Тогда через неделю, — заметил Сталин, — представьте свои предложения.

Аудиенция окончилась. Он пожал нам руки, и мы вышли из кабинета».

Вернувшись на Лубянку, Ежов приказал заместителю начальника И НО Сергею Шпигельглазу и Судоплатову приступить к работе над выполнением задания Сталина. На следующий день на основе их предложений начальник Иностранного отдела Абрам Слуцкий направил наркому НКВД докладную записку В ней предлагалось с целью интенсивного внедрения в ряды ОУН направить в Германию трех сотрудников украинских органов госбезопасности в качестве слушателей в нацистскую партийную школу. Вместе с ними предполагалось направить для большей убедительности и одного настоящего украинского националиста, тугодума и тупицу.

Ежов не стал вдаваться в суть докладной, однако предложил Павлу Судоплатову срочно выехать в Киев, чтобы посоветоваться по данному вопросу с руководителями УССР С. В. Косиором и Г. И. Петровским. В ходе состоявшейся беседы оба украинских руководителя проявили интерес к предложенной разведчиками двойной игре.

— Крепко придумано, одобряю, — заметил Косиор.

— Мне до чертиков надоели происки этих националистов, этих… э-э…, — задумался, подбирая нужное слово, Станислав Викентьевич.

— Подонков и убийц, — подсказал Григорий Иванович.

— Именно, подонков и убийц. Давно пора показать им, где раки зимуют, словом, действуйте, — заключил Косиор.

После возвращения Павла Судоплатова из столицы Украины Ежов вновь вызвал его и отправился вместе с ним в Кремль.

«Ровно через неделю после моего возвращения в Москву Ежов в одиннадцать вечера вновь привел меня в кабинет к Сталину. На этот раз там находился Петровский, что меня не удивило. Всего за пять минут я изложил план оперативных мероприятий против ОУН, подчеркнув, что главная цель — проникновение в абвер через украинские каналы, поскольку абвер является нашим главным противником в предстоящей войне.

Сталин попросил Петровского высказаться. Тот торжественно объявил, что на Украине Коновалец заочно приговорен к смертной казни за тягчайшие преступления против украинского пролетариата: он отдал приказ и лично руководил казнью революционных рабочих киевского «Арсенала» в январе 1918

года.

Сталин, перебив его, сказал:

— Это не акт мести, хотя Коновалец и является агентом германского фашизма. Наша цель — обезглавить движение украинского фашизма накануне войны и заставить этих бандитов уничтожать друг друга в борьбе за власть. — Тут же он обратился ко мне с вопросом: — А каковы вкусы, слабости и привязанности Коновальца? Постарайтесь их использовать.

— Коновалец очень любит шоколадные конфеты, — ответил я, добавив, что, куда бы мы с ним ни ездили, он везде первым делом покупал шикарную коробку конфет.

— Обдумайте это, — предложил Сталин.

За все время беседы Ежов не проронил ни слова. Прощаясь, Сталин спросил меня, правильно ли я понимаю политическое значение поручаемого мне боевого задания.

— Да, — ответил я и заверил его, что отдам жизнь, если потребуется, для выполнения задания партии.

— Желаю успеха, — сказал Сталин, пожимая мне руку.

Мне было приказано ликвидировать Коновальца»? — впоследствии вспоминал Павел Анатольевич.

После получения приказа А. Слуцкий, С. Шпигельглаз и П. Судоплатов приступили к разработке вариантов предполагавшейся операции. Вначаае было решено задавить Коновальца автомобилем. Однако этот вариант был забракован, поскольку нужно было угнать авто, подкараулить объект, совершить на него наезд и успеть скрыться с места происшествия до прибытия полиции.

— Неуклюжий вариант, товарищи, неуклюжий, — констатировал Слуцкий. — Помню, когда в Болгарии охотились за генералом Покровским, так вот тоже сначала было решено задавить его автомобилем. Один наш товарищ стал угонять машину, что-то там у него не заладилось, чтобы быстро мотор завести, на шум выскочил хозяин и таких бланшей ему наставил, страшно вспомнить…

Вариант с использованием огнестрельного оружия тоже не нашел единодушного одобрения. Коновальца часто сопровождал его приближенный Я. Барановский, дядька подозрительный, физически сильный, обладающий неимоверной реакцией, который мог предупредить покушение. И тогда кто-то из чекистов предложил:

— Товарищи, а может, взорвем гада?

Последнее предложение было одобрено всеми. Сотрудник отдела оперативной техники НКВД А. Э. Тимашков получил задание изготовить взрывное устройство, внешне выглядевшее

как коробка шоколадных конфет, расписанная в традиционном украинском стиле.

Вскоре взрывное устройство было готово. Коробка шоколадных конфет «Ридна Украйна» выглядела очень симпатично и по весу не вызывала никаких подозрений. В вертикальном положении она была абсолютно безопасна, ей можно было заколачивать гвозди. Однако в горизонтальном положении внутри коробки самопроизвольно приходил в действие часовой механизм, рассчитанный на полчаса, и после истечения времени происходил мощный взрыв. Судоплатову надлежало держать коробку в вертикальном положении в большом внутреннем кармане своего пиджака. Предполагалось, что он передаст этот «подарок» Коновальцу и покинет помещение до того, как сработает мина.

— Вот уж угостим пана, так угостим, от души. Зубов не соберет, — удовлетворенно сказал Слуцкий, любовно разглядывая картонный корпус бомбы, богато покрытый украинским орнаментом.

— Товарищи, а если мина взорвется в людном месте, ведь пострадают невинные люди, — задумчиво произнес Судоплатов (гуманизм являлся отличительной чертой Павла Анатольевича и был присущ ему всегда). — Что тогда?

— Одним буржуем больше, одним меньше, велика потеря, — меланхолично отозвался Шпигельглаз.

Перед началом операции Павла Судоплатова, вместе с заместителем начальника И НО, принял нарком Ежов. Беседа была короткой, не более десяти минут. Николай Иванович молча выслушал изложенный Шпигельглазом план предстоящих действий, сказал:

— Хорошо, возражений не имею, — тяжело глянув на Судоплатова, добавил: — Желаю удачи. Враг должен знать, что у нас длинные руки. — и распростер над необъятным столом свои короткие ручонки.

23 мая 1938 года советское грузовое судно «Шилка» бросило якорь в порту Роттердама. Был теплый, солнечный день. В 11 часов 45 минут Павел Судоплатов вошел в ресторан «Атланта», где у него была назначена встреча с Евгеном Коновальцем.

— Хай живе вильна Украйна! — тепло приветствовал его руководитель ОУН.

— Геть москальское иго! — откликнулся советский разведчик.

Встреча «соратников» была непродолжительной. Выпив кружку пива, Судоплатов заявил, что ему необходимо вернуться на судно. Коновалец понимающе кивнул головой. Они условились

снова встретиться в центре Роттердама в пять часов вечера.

Уходя, Павел Судоплатов широким жестом достал из внутреннего кармана пиджака коробку конфет и положил ее на столик рядом с Коновальцем.

— Подарок пану Коновальцу от неньки-Украйны, — сказал елейным голосом.

Коновалец довольно крякнул: — Добрый подарок, добрый…

«Мы пожали друг другу руки, и я вышел, сдерживая свое инстинктивное желание тут же броситься бежать», — напишет Павел Анатольевич в своих воспоминаниях.

Через несколько минут после его ухода Коновалец тоже покинул помещение ресторана. Метрдотель, позже опрошенный полицией, сообщит, что господин уходил из заведения в прекрасном расположении духа, с улыбкой на лице. Часовой механизм отсчитывал господину последние мгновения жизни.

Взрыв прогремел в 12 часов 15 минут на главной улице города Колсингер, близ кинотеатра «Люмис». Сила взрыва была столь велика, что клочья от Коновальца разлетелись по улице до сотни метров. Все тело несчастного было жутко изуродовано, кроме головы, которая осталась цела. От взрыва также пострадало четверо прохожих — голландцев. Господина Фишера взрывной волной забросило в витрину магазина готового платья, госпожу Фишер припечатало о стену дома, двое других граждан отделались легкой контузией, ушибами и страшным испугом.

Сам Судоплатов напишет о ликвидации руководителя ОУН следующее:

«Помню, как, выйдя из ресторана, свернул направо на боковую улочку, по обе стороны которой располагались многочисленные магазины. В первом же из них, торговавшем мужской одеждой, я купил шляпу и светлый плащ. Выходя из магазина, я услышал звук, напоминавший хлопок лопнувшей шины. Люди вокруг меня побежали в сторону ресторана. Я поспешил на вокзал, сел на первый же поезд, отправлявшийся в Париж, где утром в метро меня должен был встретить человек, лично мне знакомый. Чтобы меня не запомнила поездная бригада, я сошел на остановке в часе езды от Роттердама. Там, возле бельгийской границы, я заказал обед в местном ресторане, но был не в состоянии притронуться к еде из-за страшной головной боли. Границу я пересек на такси — пограничники не обратили на мой чешский паспорт ни малейшего внимания. На том же такси я доехал до Брюсселя, где обнаружил, что ближайший поезд на Париж только что ушел. Следующий, к счастью, отходил довольно скоро, и к вечеру я был уже в Париже. Все прошло без сучка и задоринки. В Париже меня, помню,

обманули в пункте обмена валюты на вокзале, когда я разменивал сто долларов. Я решил, что мне не следует останавливаться в отеле, чтобы не проходить регистрацию: голландские штемпели в моем паспорте, поставленные при пересечении границы, могли заинтересовать полицию. Служба контрразведки, вероятно, станет проверять всех, кто въехал во Францию из Голландии.

Ночь я провел, гуляя по бульварам, окружавшим центр Парижа. Чтобы убить время, пошел в кино. Рано утром, после многочасовых хождений, зашел в парикмахерскую побриться и помыть голову. Затем поспешил к условленному месту встречи, чтобы быть на станции метро к десяти утра. Когда я вышел на платформу, то сразу же увидел сотрудника нашей разведки Агаянца, работающего третьим секретарем советского посольства в Париже. Он уже уходил, но, заметив меня, тут же вернулся и сделал знак следовать за ним. Мы взяли такси до Булонского леса, где позавтракали, и я передал ему свой пистолет и маленькую записку, содержание которой надо было отправить в Москву шифром. В записке говорилось: «Подарок вручен. Посылка сейчас в Париже, а шина автомобиля, на котором я путешествовал, лопнула, пока я ходил по магазинам». Агаянц, не имевший никакого представления о моем задании, проводил меня на явочную квартиру в пригороде Парижа, где я оставался в течение двух недель».

Из Парижа Павел Судоплатов по подложным польским документам отправился сначала на машине, а затем поездом в Барселону. Местные газеты сообщали о террористическом акте в Роттердаме, где украинский националистический лидер Евген Коновалец был взорван бомбой на улице. В газетах выдвигалось несколько версий: либо его убили советские чекисты, либо агенты гестапо, либо соперничающая группировка украинских националистов, либо, наконец, польские спецслужбы — в отместку за убийство генерала Перацкого. В бульварной прессе муссировался слух о том, что Коновалец мог покончить жизнь самоубийством, вследствие неразделенной любви к некой польской красавице Ганне З. Тут же приводилась лубочная открытка с изображением Коновальца в виде гетмана, ведущего в бой толпы своих соратников, и фото какой-то мордоворотистой тетки с лаконичной подписью «Красавица Ганна З.».

Однако стопроцентными фактами и уликами для раскрытия истинных причин гибели Коновальца не располагала ни голландская полиция, ни абвер, ни ОУН. Было известно, что он собирался встречаться с курьером-радистом с советского судна, но никто не знал наверняка, с кем именно встречался покойный в

тот роковой день.

Смерть Евгена Коновальца вызвала раскол в ОУН. 27 августа 1939 года группировка «стариков» провозгласила новым вождем организации ближайшего сподвижника Коновальца Андрея Мельника. В свою очередь группировка «молодежи» была категорически не согласна с этим решением. «Геть Мельника! Даешь Степана Бандеру!» — возмущались горячие головы. Масло в огонь подлило освобождение немцами в сентябре 1939 года из польской тюрьмы С. Бандеры, который отбывал наказание за покушение на генерала Перацкого. В итоге в феврале 1940 года «молодежь» устроила настоящий бунт. Бандера собрал в Кракове конференцию, на которой был создан главный революционный трибунал. Члены трибунала тут же вынесли смертные приговоры «за предательство дела освобождения Украины» многим сторонникам Мельника. Начались кровавые разборки, в ходе которых было убито около 400 мельниковцев и более 200 бандеровцев. Окончательное размежевание организации произошло в апреле 1941 года, когда Бандера собрал в Кракове «великий сбор», после которого ОУН распалась на ОУН-М (мельниковцы) и ОУН-Б (бандеровцы).

Глава пятая

В июле 1938 года торговое судно, на котором Павел Судоплатов благополучно прибыл из Западной Европы, ошвартовалось в ленинградском порту. В тот же день, ночным поездом, он выехал в Москву. На Ленинградском вокзале столицы его встречали начальник Иностранного отдела Залман Пассов, только что назначенный вместо скоропостижно скончавшегося А. Слуцкого, заместитель начальника ИНО С. Шпигельглаз и Эмма Карловна.

— От себя лично, от лица парткома и от лица товарищей, поздравляю с прибытием! — громогласно приветствовал новый начальник своего героя-подчиненного.

Пассажиры на перроне неодобрительно косились на шумного Пассова, одетого в цивильный костюм. «Ну, залил зенки с утра пораньше…» — укоризненно молвила какая-то гражданка.

На следующий день Павел Судоплатов, вместе с Пассовым, был вызван в кабинет к Л. П. Берии, новому начальнику Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД, первому заместителю Н. И. Ежова.

Павел Анатольевич вспоминал:

«Моя первая встреча с Берией продолжалась, кажется, около четырех часов. Все это время Пассов хранил молчание. Берия задавал мне вопрос за вопросом, желая знать обо всех деталях операции против Коновальца и ОУН.

Спустя час Берия распорядился, чтобы Пассов принес папку с литерным делом «Ставка», где были зафиксированы все детали этой операции. Из вопросов Берии мне стало ясно, что это высококомпетентный в вопросах разведывательной работы и диверсий человек. Позднее я понял: Берия задавал свои вопросы для того, чтобы лучше понять, каким образом я смог вписаться в западную жизнь.

Особенное впечатление на Берию произвела весьма простая на первый взгляд процедура приобретения железнодорожных сезонных билетов, позволивших мне беспрепятственно путешествовать по всей Западной Европе. Помню, как он интересовался техникой продажи железнодорожных билетов для пассажиров на внутренних линиях и на зарубежных маршрутах. В Голландии, Бельгии и Франции пассажиры, ехавшие в другие страны, подходили к кассиру по одному — и только после звонка дежурного. Мы предположили, что это делалось с определенной целью, а именно: позволить кассиру лучше запомнить тех, кто приобретал билеты. Далее Берия поинтересовался, обратил ли я

внимание на количество выходов, включая и запасной, на явочной квартире, которая находилась в пригороде Парижа. Его немало удивило, что я этого не сделал, поскольку слишком устал. Из этого я заключил, что Берия обладал опытом работы в подполье, приобретенным в закавказской ЧК.

(…) Берия хорошо говорил по-русски с небольшим грузинским акцентом и по отношению ко мне вел себя предельно вежливо. Однако ему не удалось остаться невозмутимым на протяжении всей нашей беседы. Так, Берия пришел в сильное возбуждение, когда я рассказал, какие приводил аргументы Коновальцу, чтобы отговорить его от проведения ОУН террористических актов против представителей советской власти на Украине. Я возражал ему, ссылаясь на то, что это может привести к гибели все украинское националистическое подполье, поскольку НКВД быстро нападет на след террористов. Коновалец же полагал, что подобные акты могут совершаться изолированными группами. Это, настаивал он, придаст им ореол героизма в глазах местного населения, послужит стимулом для начала широкой антисоветской компании, в которую вмешаются Германия и Япония».[16]

Помимо профессионализма и дотошности первого заместителя наркома НКВД в вопросах разведдеятельности и диверсий, Павел Судоплатов обратил внимание на его неброский костюм, а также несколько старомодное пенсне, делающее Лаврентия Павловича похожим на скромного советского служащего.

«Некомчванист, по-ленински доступен и прост», — одобрительно отметил по себя Павел Анатольевич.

После встречи с Берией Судоплатов получил краткосрочный отпуск, чтобы навестить живущую в Мелитополе мать, а затем родителей жены в Харькове. Предполагалось, что по возвращении в Москву он получит должность помощника начальника Иностранного отдела, на которого будет возложено непосредственное руководство разведывательно-диверсионной работой в Испании.

Во время поездки Эмма Карловна рассказала мужу о трагических событиях, происшедших в стране и в органах безопасности. Нарком Н. И. Ежов провел жесточайшие репрессии: арестовал в 1937 году весь руководящий состав НКВД, а в новом году репрессии докатились и до Иностранного отдела. Были арестованы многие друзья и знакомые Судоплатовых (И. Каминский, Д. Быстролетов, В. Горожанин и другие), которым они полностью доверяли и в чьей преданности Советской власти не сомневались. «Мы думали тогда, что это стало возможным из-за

преступной некомпетентности Ежова, которая становилась очевидной даже оперативным работникам», — позднее признается Павел Анатольевич.[17] К сожалению, он ошибался. Незримые тучи начали сгущаться уже и над ним…

В августе 1938 года после возвращения из отпуска Павел Судоплатов, будучи в звании майора государственной безопасности, был назначен помощником (фактически заместителем) начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД. Около месяца Судоплатов исполнял обязанности начальника советской внешней разведки. Здесь надо отметить, что новое назначение Судоплатова должно было пройти утверждение в ЦК партии, однако этого не последовало. Тем не менее, до конца года он исполнял возложенные на него обязанности. Далее, с 1939 по 1942 год, когда во главе внешней разведки встал недостаточно опытный П. М. Фитин, Судоплатов оставался его заместителем. Учитывая, что другие заместители Фитина — Мельников, Прудников, Дубовик — немногим превосходили по опыту своего начальника, можно сказать, что Судоплатов фактически на протяжении грех лет стоял у руля советской внешней разведки.

Осенью 1938 года атмосфера на Лубянке с каждым днем становилась все напряженней, в ней чувствовалось приближение чего-то зловещего. В сентябре покончил жизнь самоубийством секретарь Н. И. Ежова Ильицкий. Он застрелился в прогулочной лодке, катаясь по Москве-реке. Затем появилось распоряжение, указывающее, что ордера на арест врагов народа без подписи Берии, первого заместителя Ежова, недействительны. На самого Николая Ивановича было страшно смотреть. Он словно бы стал еще меньше ростом, осунулся, приволакивал левую ногу и дергал головой. Ходили слухи, что Берия называет его «мой милый Ежик» и запанибрата хлопает по спине, отчего тот едва удерживается на ногах.

В начале ноября были арестованы начальник Иностранного отдела Пассов и его заместитель С. Шпигельглаз. «Матерые враги народа», — как выразился по этому поводу сотрудник И НО тов. Гессельберг.

В том же месяце на Лубянке приступила к работе специальная комиссия во главе с новым начальником Иностранного отдела В. Г. Деканозовым по проверке всех оперативных работников разведки. Комиссии предстояло выяснить, как разоблачаются изменники, авантюристы и сомнительные типы, затесавшиеся в ряды органов госбезопасности.

Одновременно «бдительный» чекист Гукасов, сослуживец Судоплатова по Харькову, предложил партийному комитету 5-го

отдела ГУГБ НКВД обратить внимание на связи Павла Анатольевича с разоблаченными врагами народа. «Падазрытэлный лычнаст, сэрдцэ гаварыт», — заявил Гукасов секретарю парткома Леоненко.

23 ноября 1938 года состоялось заседание партийного бюро. Выписка из протокола № 15 свидетельствует:

> «Слушали — Персональное дело т. Судоплатова П. А.
>
> Тов. Леоненко зачитывает обвинения, предъявляемые к т. Судоплатову, о его путаных ответах при заполнении анкетных данных, о связях с ныне разоблаченными врагами народа: Горожаниным — троцкистом, подписавшим «платформу 83», которого Судоплатов знает по работе в ГПУ УССР; с Соболь — ныне разоблаченным врагом народа, по рекомендации которой Судоплатов пришел работать в И НО; с Каминским — врагом народа, лучшим другом Судоплатова; с Быстролетовым — врагом народа, компрометирующий материал о котором Судоплатов скрывал в течение долгого времени.
>
> Об использовании Судоплатовым служебного положения для получения из-за границы вещей для себя и своей жены, под видом оперативных надобностей уже в сентябре 1938 года.
>
> Тов. Судоплатов дает биографическую справку о себе и своих родственниках, указывает о своем участии в Красной армии, о нахождении в плену у генерала Шкуро, в возрасте 12 лет. Судоплатов указывает, что предъявленные ему обвинения не соответствуют действительности, связь с рядом ныне разоблаченных врагов народа — Горожаниным, Каминским — была исключительно служебная, других взаимоотношений с ними не было.
>
> В отношении связи с Соболь, Судоплатов признает, что в этом вопросе он виновен, что в данном случае он просмотрел, чему в значительной степени способствовало награждение Соболь боевым оружием руководством Наркомата».

Накал страстей на этом собрании оказался чрезвычайно высок. В своих выступлениях члены партии в выражениях не стеснялись, о чем свидетельствует все та же выписка из протокола:

«Тов. Благутин — по приходе в отдел из беседы с отдельными товарищами я получил о Судоплатове характеристику как о

холуе. Отсюда, я считаю, все его последующие положения в коллективе. Посмотрите связи Судоплатова с врагами народа Горожаниным, Соболь и др., поведение Судоплатова во время прошлых собраний; его отношение к ныне разоблаченным врагам, нужно сказать прямо, обывательское. Судоплатов никогда не выступал с разоблачениями врагов, он не высказывал своего мнения, у него нет ничего партийного(…).

Тов. Дудукин — указывает, что Судоплатов попал на работу в отдел по рекомендации врага Соболь. Его тянул на работу Слуцкий, кто такой Слуцкий, нам известно. Для Судоплатова создавались особые условия, которые никто из нас не имеет. И дальше, в 1938 году Судоплатов намечается на должность пом. нач. отдела и, еще не будучи утвержденным в этой должности, Судоплатов пользуется особыми привилегиями; эти довольно странные явления, по-моему, вытекают из тех взаимоотношений, которые имел Судоплатов с быв. руководством отдела(…).

Тов. Прудников — объяснения Судоплатова на парткоме совершенно неудовлетворительные. Все факты обвинения Судоплатов отрицает и, как наивный ребенок, приходит в недоумение, что он этого ничего не знал, так как был занят на серьезной работе, и признает только то, что был в приятельских взаимоотношениях с Соболь. О Судоплатове как о члене партии у меня сложилось определенное мнение. Откуда у Судоплатова появился такой гонор? Очевидно, это явление было вызвано тем, что он чувствовал за собой руку нач. отдела и его замов. Все его лучшие отношения идут только к высшим лицам и презрение к низшим. Низших работников Судоплатов не замечал. Поведение Судоплатова, как члена партии, в деле Горожанина, в защиту которого он выступал, наглядно показывает его лицо, лицо не члена партии. Когда парторганизация вынесла по этому делу свое единодушное мнение, Судоплатов дал отбой. Однако не сделал для себя из этого никакого вывода, не осудил своего поступка.

Судоплатов — старый работник отдела, знал многих из ныне разоблаченных врагов, но он ничего не сделал, чтобы помочь партии. Он не выступил с разоблачением и тем самым оказал услугу врагам, давал им возможность творить их гнусные дела.

Вражеское руководство отдела в лице Пассова видело это и старалось втянуть Судоплатова в свое болото, приблизить его к себе, для чего Судоплатову создавались привилегии. Он был на особом положении у врагов.

Вокруг Судоплатова и его жены Кагановой группировались все бывшие работники отдела, ныне разоблаченные враги, и создавали этим самым круг особых лиц, не переваривавших новых товарищей, пришедших на работу в отдел.

Судоплатов был на особом положении у Слуцкого, ибо он был нужен Слуцкому. Слуцкий тянул на работу в отдел Судоплатова, и, очевидно, это было неспроста. Судоплатов посещал вечеринки на квартире у Слуцкого, где собирались все ныне разоблаченные враги».

Павел Анатольевич тоже не смог сдержать своих эмоций и сделал заявление о том, что у него имеется настороженное отношение к одному из обличителей — сотруднику отдела Нагибину, который «является выходцем из кулацкой семьи, о чем скрывает, основанное на том, что семья Нагибина, враждебно настроенная к советской власти, не сложила свое оружие враждебности до настоящего времени».

Тем не менее, председательствующий на парткоме секретарь Леоненко предоставил слово сотруднику Нагибину. Последний, по свидетельству архивного документа, бился, как ведьмак на шабаше.

«Тов. Нагибин — заявление, сделанное здесь Судоплатовым в отношении меня и моих родственников, является ложным и ничем не обоснованным. Это заявление я считаю попыткой Судоплатова отвести от себя удар партийной организации, предъявляющей Судоплатову ряд законных обвинений.

Судоплатову я не доверял и не доверяю. Его мы еще не раскрыли до конца. Судоплатова держала рука Слуцкого. Судоплатов держал себя высокомерно. Он считал себя выше всех — героем, а остальных пешками, толпой, массой. Все эти качества Судоплатова воспитывала та банда врагов, которая долгое время орудовала в отделе.

Судоплатов не искренен в своем заявлении, что у него с Соболь были только безобидные дружеские отношения, он также нагло врет и о своих взаимоотношениях с Быстролетовым, с которым работал вместе, а пытается уверить партком, что он его совсем не знал и, наконец, все сводит к тому, что он, видите ли, забыл это. Судоплатов скрывал имеющийся у него компрометирующий Быстролетова материал, он не ставил вопрос об аресте Быстролетова. Судоплатов не был искренен и на парткоме при разборе заявления о приеме в партию его жены Кагановой и не поставил в известность партком, что друзья Кагановой — Соболь и Коган арестованы.

Судоплатов также врет, что не знал о троцкистском прошлом Горожанина и о том, что он подписал «платформу 83», и пытается уверить, что это знала только его жена. Я не верю этому. Судоплатов знал о троцкистском прошлом Горожанина и выступление его на собрании было заранее продумано. Судоплатов не был на высоте как партиец, как чекист. Он

использовал свое служебное положение. Получал вещи из-за границы, используя методы врага Ягоды и других и по существу занимался контрабандой. И, наконец, возьмите его отношения с врагом Шпигельглазом и заявление последнего Судоплатову о том, что он (Шпигельглаз) является шпионом и чтобы ему помогли разыскать обличающий его материал. Судоплатов, зная это заявление Шпигельглаза, не поставил об этом в известность партком, сославшись на то, что материал на Шпигельглаза находится у т. Берии. Это поведение Судоплатова было прямой помощью врагу.

И не зря враг народа Каминский, характеризуя взаимоотношения Судоплатова с Пассовым и Шпигельглазом, назвал его «удобным человеком».

В заключительном слове Павел Судоплатов заявил, что «перед партией был и есть чист». Своей виной признал то, что «не включился активно в разоблачение врагов народа, так как был занят подготовкой к большому оперативному делу». И еще раз подчеркнул, что «никаких преступлений перед партией не совершал. Оставался и остаюсь честным и преданным партии и для партии человек не потерянный».

Однако проект решения партбюро был суров и неумолим.

«Постановили — за притупление большевистской бдительности, выразившееся в том, что:

1) Судоплатов, работая на протяжении ряда лет в отделе, находясь в близких взаимоотношениях с б. нач. отдела Слуцким, б. зам. нач. отдела Шпигельглазом, б. сотрудницей 5-го отдела Соболь и ее мужем Ревзиным, не пытался и не сумел разоблачить их, как врагов народа.

2) Находился в близких взаимоотношениях с ныне разоблаченным врагом народа Горожаниным, с которым работал до прихода в ИНО, на Украине, и когда парторганизация разоблачила Горожанина, как скрытого троцкиста, Судоплатов выступил с защитой Горожанина.

3) Не принял мер к разоблачению эсера-белогвардейца Быстролетова, материалы о котором находились у Судоплатова с 1933 г., и он, Быстролетов, в 1937 году работал в отделе и привлекался Судоплатовым к оформлению стенгазеты.

4) За то, что Судоплатов не принимал активного участия в борьбе парторганизации за очищение отдела от предателей и шпионов, пробравшихся в отдел; за использование служебного положения в личных целях:

Судоплатова П. А. из рядов ВКП(б) исключить».

Перед Павлом Анатольевичем нависла серьезная угроза. Он был уверен, что на него уже есть сфабрикованный компромат,

который незамедлительно будет пущен в дело, как только решение партбюро от 23 ноября 1938 года утвердит общее партийное собрание разведслужбы, назначенное на начало 1939 года.

«Но я все-таки надеялся, что, поскольку был лично известен руководству Н КВД как преданный делу работник, мой арест не будет санкционирован. В те годы я жил еще иллюзиеи, что по отношению к члену партии несправедливость может быть допущена лишь из-за некомпетентности или в силу простой ошибки(…). Зная, что в отношении меня совершается страшная несправедливость, я думал обратиться в Комиссию партконтроля Центрального Комитета с просьбой разобраться в моем деле, но жена считала, что надо подготовить письмо на имя Сталина», — вспоминал Судоплатов.[18]

И тут произошло неожиданное. Партийное собрание, назначенное на январь, которое должно было решить судьбу Судоплатова, отложили на неопределенное время (в июле 1939 года заседание бюро парткома НКВД СССР, рассмотрев дело о партийных нарушениях П. А. Судоплатова, не утвердило решение об исключении его изрядов ВКП(б). За притупление политической бдительности ему был объявлен выговор с занесением в личную карточку). А в марте 1939 года Павел Анатольевич был вызван в кабинет наркома НКВД Л1. П. Берии, назначенного вместо отстраненного в ноябре 1938 года Н. И. Ежова. Лаврентий Павлович приказал Судоплатову сопровождать его на важную встречу. Когда машина доставила их в Кремль и остановилась в тупике возле Ивановской площади, Судоплатов внезапно осознал, что ему предстоит очередная встреча со Сталиным.

В кабинете вождя Павел Судоплатов испытал те же чувства, что и в прежние встречи со Сталиным: волнение, смешанное с напряженным ожиданием и неописуемым восторгом.

«Какой великий человек!» — восторженно думал он, с любовью глядя на Иосифа Виссарионовича.

Берия доложил Сталину о разоблачении бывшего руководства И НО НКВД, скрытых врагов народа и вредителей.

Вождь нахмурился. Затем неторопливо набил трубку ароматным табаком, чиркнул спичкой, прикурил и, выпустив облако дыма, негромко произнес:

— Пора покончить с оппортунистическим благодушием, исходящим из ошибочного предположения о том, что по мере роста наших сил враг становится будто бы все более ручным и безобидным. Такое предположение в корне неправильно. Оно является отрыжкой правого уклона, уверявшего всех и вся, что враги будут потихоньку вползать в социализм, что они станут в

конце концов настоящими социалистами. Не дело большевиков почивать на лаврах и ротозействовать. Не благодушие нужно нам, а бдительность, настоящая большевистская, революционная бдительность. Надо помнить, что чем безнадежнее положение врагов, тем охотнее они будут хвататься за наше благодушие и ротозейство, как единственное средство обреченных в их борьбе с советской властью. Надо помнить это и быть бдительными. А товарищ Судоплатов, в последнее время, как мне докладывают, проявил не только беспечность, но и вопиющее бездействие в вопросе распознания враждебного элемента.

Судоплатов почувствовал, что покрывается холодной испариной.

— Однако я думаю, что это мнение несколько преувеличено, — выждав паузу, продолжил вождь. — Я думаю, что товарищ Судоплатов надежный и проверенный член партии, которому следует доверять. Товарищ Берия, вы согласны с такой постановкой вопроса?

— Разумеется, товарищ Сталин, — ответил Лаврентий Павлович. — Мы даже вносим предложение о назначении товарища Судоплатова заместителем начальника разведки НКВД с тем, чтобы помочь молодым партийным кадрам, мобилизованным на работу в органы, справиться с выполнением заданий правительства.

У Судоплатова отлегло от сердца.

«Сталин все видит, Сталин все знает», — с благоговейным ужасом подумал он.

Вождь окутался облаком ароматного дыма, с интересом наблюдая за гаммой чувств, промелькнувших на лице Павла Анатольевича. По примеру Владимира Ильича Ленина, Иосиф Виссарионович, случалось, любил смутить или даже напугать человека, приглашенного на прием, неожиданным упреком либо обвинением. Это была, пожалуй, самая типичная черта в его поведении, составляющая неотъемлемую часть личности Сталина, придававшая ему суровость.

Между тем Берия приступил к докладу о главных направлениях разведывательных операций за рубежом. По его словам, в современных условиях основной задачей разведки должна была стать не борьба с эмиграцией, а подготовка резидентур в Европе и на Дальнем Востоке. Положительную роль, считал Лаврентий Павлович, будут играть наши агенты влияния, то есть люди из деловых и правительственных кругов Запада и Японии, которые имеют выход на руководство этих стран и могут быть использованы для достижения наших целей во внешней политике. Таких агентов следовало искать среди деятелей

либерального движения, терпимо относящихся к коммунистам. Однако, по мнению Берии, левое движение находилось в состоянии серьезного разброда из-за попыток троцкистов подчинить его себе. Тем самым Л. Д. Троцкий и его сторонники представляли собой серьезную угрозу для Советского Союза. Они стремились лишить СССР позиции лидера мирового коммунистического движения. Берия предложил нанести сокрушительный удар по центру троцкистского движения за рубежом, назначив Павла Судоплатова ответственным за проведение этих операций. В заключение Лаврентий Павлович подчеркнул, что отныне главной задачей Иностранного отдела должна стать ликвидация Троцкого.

Возникла пауза. Разговор продолжил Сталин. Неторопливо и обстоятельно он высказал неудовлетворенность тем, как ведутся разведывательные операции. По его мнению, в них отсутствовала должная активность,

Пропуск стр 98, 99, 100

видации «Утки», установлено, что привлекавшиеся по этому делу люди использованы быть не могут.

Настоящий план предусматривает привлечение новых людей и будет построен на новой основе.

Цель: ликвидация «Утки».

Методы: агентурно-оперативная разработка, активная группа.

Средства: отравление пищи, воды, взрыв автомашины при помощи тола, прямой удар — удушение, кинжал, удар по голове, выстрел. Возможно вооруженное нападение группы.

Люди: организатор и руководитель на месте «Том» (Эйтингон — В.С.).

Вместе с «Томом» в страну выезжают «Мать» и «Раймонд».

Далее в плане в общей форме определялись способы изучения ближайшего окружения и обстановки вокруг жилого дома Троцкого и прилагалась смета расходов — 31 тысяча американских долларов на 6 месяцев.

План подписали начальник ИНО П. Фитин, его заместитель П. Судоплатов и Н.Эйтингон, но без упоминания их должностей и воинских званий. На последнем листе данного документа есть и такая пометка: Отп. в 1 экз. Печатал Судоплатов».[19]

«План» был внимательно просмотрен и одобрен Иосифом Виссарионовичем. Единственное замечание, сделанное Сталиным, было следующим:

— Из так называемых средств удар по голове был бы

наиболее предпочтительным. По Хуану и сомбреро, как говорится. Впрочем, действуйте исходя из обстановки, — сказал Сталин и усмехнулся в черные усы.

Так была закончена разработка плана по ликвидации Троцкого, главная роль в котором отводилась «Матери» и «Раймонду» — Каридад и Рамону Меркадерам, агентам советской разведки. О них следует рассказать более подробно.

Каридад Меркадер («Мать») родилась в 1882 году в Сантьяго-де-Куба, в семье местного губернатора, слывшего либералом и вольнодумцем. В начале XX века семья отбыла на родину, в Испанию. Каридад училась в хорошей школе, занималась верховой ездой, отличалась отвагой и ловкостью. Ее супругом стал Пабло Меркадер Марино, наследник владельца текстильной фабрики из Бадалона (округ Барселоны). Поначалу брак был счастливым. Пабло Меркадер нежно любил свою жену, и она, судя по всему, платила ему взаимностью. У них родились четверо сыновей — Пабло, Рамон, Хорхе, Луис и дочь Монсеррат. Но вскоре Каридад увлеклась модными идеями эмансипации и прав женщин и, как следствие этого, с головой ушла в политику.

В итоге она сблизилась с анархистами, стала высказывать протесты против «эксплуататорских классов». Муж, яркий представитель эксплуататорского класса, пытался образумить жену, но тщетно. Дело кончилось тем, что Каридад поместили в психиатрическую клинику.

Однако через некоторое время она, с помощью своих дружков-анархистов, сумела вырваться из лечебного заведения. Затем неистовая испанка бросила мужа и уехала во Францию вместе с детьми. Здесь Каридад занялась бизнесом, но быстро «прогорела». Поняв, что на ниве предпринимательства ей успехов не достичь, она вновь обратилась к политике и в скором времени вступила в Компартию Франции. В 1934 году Каридад участвовала в восстании в Барселоне, а с 1936 года — в гражданской войне в Испании. В ходе боевых действий она неоднократно участвовала в рукопашных схватках, где своей яростью и умением владеть штыком и прикладом поражала даже советских добровольцев, признанных мастеров штыкового боя. В 1937 году на нее обратил внимание Н. Эйтингон, в то время заместитель резидента ИНО в Испании, предложивший ей сотрудничество с советской разведкой. Каридад Меркадер ответила на предложение положительно.

Хайме Рамон Меркадер дель Рио Эрнандес, второй сын Каридад, родился в 1914 году в Барселоне. Когда ему исполнилось пять лет, родители разошлись, и его мать с пятью детьми перебралась во Францию. Каридад, будучи женщиной

волевой, решительной, придерживающейся левых взглядов, воспитала детей в том же духе. Рамон очень рано включился в революционное движение, принимал участие в манифестациях, митингах, забастовках и стычках с полицией. С юных лет Рамон отличался неистовой верой в торжество коммунизма и невероятной ненавистью к капитализму. Шикарные особняки, авто и наряды представителей эксплуататорских классов приводили мальчика в бешенство. «Взять все да поделить!» — сквозь зубы цедил юный коммунар, с ненавистью глядя на богатство и роскошь тех, кто жил на нетрудовые доходы.

Летом 1936 года, после начала гражданской войны в Испании, Рамон вместе с братьями Пабло и Хорхе отправляется на фронт, воевать на стороне республиканцев. Вскоре его назначают комиссаром XVII объединения Арагонского фронта. В феврале 1937 года резидент ИНО в Испании Л. Никольский (А. Орлов) предложил Рамону стать советским агентом. Тот ответил согласием.

Осенью 1938 года Меркадера направляют в Париж с задачей проникнуть в ряды американских троцкистов. Это удалось сделать с помощью агента НКВД Р. Вайль, которая познакомила Рамона с гражданкой США Сильвией Аджелофф, ярой троцкисткой. Ее старшая сестра Рут довольно часто исполняла обязанности секретаря при Троцком, а Сильвия иногда помогала ей. Вайль представила Меркадера Аджелофф как Жака Морнара, состоятельного молодого человека, сына бельгийского дипломата, в настоящее время работающего спортивным фотокорреспондентом одного бельгийского пресс-агентства. «Смотри, какой холосинький мальчик», — при знакомстве, вожделенно вздыхая, шептала Руби Вайль в ухо Сильвии. 28-летняя Аджелофф, корявая и страшная, как черт, благосклонно приняла ухаживания Меркадера. Между ними быстро завязался роман. Однако в феврале 1939 года Сильвия отправилась домой, в Нью-Йорк, а Рамон остался в Париже.

Тем временем в Москве был одобрен и утвержден план операции по ликвидации Троцкого. Было решено создать две независимые друг от друга оперативные группы — «Мать» под руководством неистовой Каридад Меркадер и «Конь» во главе с Сикейросом. Кроме того, Судоплатову вместе с Эйтингоном следовало выехать во Францию, чтобы на месте проинструктировать группу «Мать» и Рамона Меркадера.

В июне 1939 года Судоплатов и Эйтингон по фальшивым документам прибыли в Париж. Здесь они провели тщательный инструктаж своих агентов. Вскоре Каридад уехала в Мексику, а Рамон, с документами на имя канадского гражданина Фрэнка

Джексона, должен был выехать в Нью-Йорк, чтобы продолжить роман с Сильвией и через нее выйти на Троцкого.

В середине июля Павел Судоплатов вернулся в Москву. Наум Эйтингон остался во Франции, планируя в начале осени отправиться в Америку, чтобы оттуда перебраться в Мексику. Однако с его поездкой возникли непредвиденные проблемы.

Павел Анатольевич вспоминал:

«К тому времени польский паспорт, по которому он прибыл в Париж, стал опасным документом. После немецкого вторжения в Польшу, положившего начало Второй мировой войне, его собирались мобилизовать во французскую армию как польского беженца или же интернировать в качестве подозрительного иностранца. В это же время были введены новые, более жесткие ограничения на зарубежные поездки для поляков, так что Эйтингону пришлось уйти в подполье.

(…) Мы проинструктировали нашего резидента в Париже Василевского (кодовое имя «Тарасов»), работавшего генеральным консулом, сделать все возможное, чтобы обеспечить «Тома» (так Эйтингон проходил по оперативной переписке) соответствующими документами для поездки в Америку. Василевскому потребовался почти месяц, чтобы выполнить это задание. Пока суд да дело, он поместил Эйтингона в психиатрическую больницу, главным врачом которой был русский эмигрант. По моему указанию Василевский использовал связи Моррисона (агент ИНО НКВД — В. С.), чтобы раздобыть «Тому» поддельный французский вид на жительство. Теперь «Том» стал сирийским евреем, страдающим психическим расстройством. Естественно, он был непригоден к военной службе, а документ давал ему возможность находиться во Франции и мог быть использован для получения заграничного паспорта. Василевский был уверен, что паспорт подлинный (французский чиновник получил соответствующую взятку), но все же оставалась проблема получения американской визы.

Наша единственная связь с американским консульством осуществлялась через респектабельного бизнесмена из Швейцарии — в действительности это был наш нелегал Штейнберг. Однако тут возникла дополнительная трудность. Он отказался возвращаться в Москву, куда его отзывали в 1938 году. В письме он заявил о своей преданности, но говорил, что боится чистки в НКВД. Василевский послал для встречи с ним в Лозанне офицера-связника, нашего нелегала Тахчианова. Его подстраховывал другой нелегал, Аллахвердов. Во время встречи Штейнберг готов был застрелить связника, боясь, что это убийца. В конце концов, он согласился устроить визу для сирийского

еврея, он не узнал Эйтиндовича спасла чистая случайность. Он вместе с женой успел упасть на пол, до того момента, когда пули начали крошить все вокруг в осколки и мелкую щепу.

Расстреляв все патроны (позднее установили, что только по спальне было выпущено более 200 пуль), нападавшие бросили в дом зажигательный снаряд и взрывное устройство (последнее не сработало, а начавшийся пожар Троцкий и его жена смогли потушить) и спешно покинули территорию резиденции. Вместе с боевиками скрылся и Харт.

Стоит заметить, что через месяц полиция обнаружит труп Роберта Шелдона Харта на небольшой ферме в пригороде Мехико. По мнению начальника секретной службы национальной полиции Мексики полковника Санчеса Салазара, Харта убрали свои из опасения, что он может рассказать много лишнего, если попадет в руки полиции. Однако Троцкий был возмущен подобной версией. Он считал убитого своим упертым сторонником и даже приказал прикрепить у входа в дом мемориальную табличку с надписью: «В память Роберта Шелдона Харта, 1915–1940, убитого Сталиным».

К старости Лев Давидович стал ошибаться довольно часто. Ошибся он и на этот раз.

Харт действительно был ликвидирован своими. Убил его, два раза выстрелив в голову, участник нападения на резиденцию Троцкого брат жены Сикейроса Луис Ареналь. А мотив убийства изложен в свидетельстве Н. Эйтингона от 9 марта 1954 года:

> «(…) во время операции было выявлено, что Шелдон оказался предателем. Хотя он и открыл дверь калитки, однако в комнате, куда он привел участников налета, не оказалось ни архива, ни самого Троцкого. Когда же участники налета открыли стрельбу, Шелдон заявил им, что если бы знал все это, то он, как американец, никогда не согласился бы участвовать в этом деле.
>
> Такое поведение послужило основанием для принятия на месте решения о его ликвидации. Он был убит мексиканцами».[20]

О неудачном покушении на Троцкого было немедленно доложено в Москву. 8 июня за подписью Берии в Кремль ушло спецсообщение, в котором говорилось:

> «24 мая 1940 г. произведено нападение на дом Троцкого в Мехико. Наиболее полно обстоятельства освещает американская газета «Уорлд телеграф». Приводим выдержки (…)

По существу происшедшего нами получено из Америки донесение нашего человека. Копия донесения прилагается».

В копии значилось:

«а) О нашем несчастье Вы узнаете из газет подробно. Отчет Вам будет дан, когда я или «Фелипе» выберемся из страны.

б) Пока все люди целы, и часть уехала из страны.

в) Если не будет особых осложнений, через 2–3 недели приступим к исправлению ошибки, т. к. не все резервы исчерпаны.

г) Для окончания дела мне нужны еще 15–20 тыс (долларов), которые нужно срочно прислать.

д) Принимая целиком на себя вину за этот кошмарный провал, я готов по первому Вашему требованию выехать для получения положенного за такой провал наказания. 30 мая. Том».[21]

Через несколько дней Судоплатов вместе с Берией были вызваны к Сталину. Из воспоминаний Павла Анатольевича:

«На этот раз мы поехали к Сталину на ближнюю дачу, находившуюся в получасе езды к западу от Москвы. Первая часть встречи была весьма недолгой. Я доложил о неудачной попытке Сикейроса ликвидировать Троцкого, объяснив, что альтернативный план означает угрозу потерять антитроцкистскую сеть в Соединенных Штатах и Латинской Америке после уничтожения Троцкого.

Сталин задал всего один вопрос:

— В какой мере агентурная сеть в Соединенных Штатах и Мексике, которой руководит Овакимян, задействована в операции против Троцкого?

Я ответил, что операция Эйтингона, которому даны специальные полномочия самостоятельно вербовать и привлекать людей без санкции Центра, совершенно независима от Овакимяна, чья разведывательная деятельность под прикрытием нашей фирмы «Амторг» осуществляется вне связи с акцией против Троцкого.

Сталин подтвердил свое прежнее решение, заметив:

— Акция против Троцкого будет означать крушение всего троцкистского движения. И нам не надо будет тратить деньги на то, чтобы бороться с ними и их попытками подорвать Коминтерн и наши связи с левыми кругами за рубежом. Приступите к выполнению альтернативного плана, несмотря на провал

Сикейроса, и пошлите телеграмму Эйтингону с выражением нашего полного доверия.

Я подготовил текст телеграммы и добавил в конце: «Павел шлет наилучшие пожелания».

«Павел» было кодовым именем Берии(…)

Время было уже позднее, одиннадцать вечера, и Сталин предложил Берии и мне остаться на ужин. Помню, еда была самая простая. Сталин, подшучивая над тем, что я не пью, предложил мне попробовать грузинского вина пополам с шипучей водой «Лагидзе». Эта вода ежедневно доставлялась ему самолетом из Грузии. Вопреки тому, что пишут о нем сейчас, Сталин вовсе не был в ярости из-за неудачного покушения на Троцкого. Если он и был сердит, то хорошо маскировал это. Внешне он выглядел спокойным и готовым довести до конца операцию по уничтожению своего противника, поставив на карту судьбу всей агентурной сети в окружении Троцкого».[22]

Операция «Утка» продолжалась.

В Мексике события развивались следующим образом. После нападения резиденция Троцкого превратилась в настоящую крепость. Стены дома обложили мешками с песком, на окнах и дверях установили стальные ставни, провели сигнализацию. В нескольких десяткД метрах от резиденции было выстроено специальное караульное помещение для отряда мексиканских полицейских, а вокруг дома постоянно дежурили пять полицейских патрулей. Активно шел и розыск нападавших. К 17 июля личности почти всех боевиков были установлены, но задержать наиболее важных участников акции не удалось. Арестам подверглись второстепенные лица, так или иначе причастные к делу. Только в октябре 1940 года полиции удалось арестовать скрывавшегося в глухой провинции Сикейроса. На следствии он не отрицал, что «был руководителем группы, но заявил, что целью нападения было не убийство Троцкого, а лишь уничтожение его архивов. Предполагалось также этой акцией вызвать «психологический шок» и использовать его для протеста против проживания Троцкого в Мексике. Он категорически отрицал причастность к делу компартии. Обвинение Сикейроса в убийстве Шелдона отпало из-за недостаточности улик. Никаких существенных сведений о сподвижниках он не выдал. А вскоре произошло то, что мало кто предвидел. По распоряжению вновь избранного президента Мексики Авила Камачо, который ценил Сикейроса как выдающегося художника, славу и гордость нации, тот был освобожден под залог. Ему «порекомендовали» срочно покинуть страну, что он и сделал».[23]

В свою очередь, не сидел сложа руки и Н. Эйтингон. После

получения указаний из Москвы он приступил к выполнению запасного плана, в котором главная роль отводилась Рамону Меркадеру.

Как уже писалось выше, в 1939 году Меркадер выехал из Франции в Америку, где должен был вновь установить близкие отношения с Сильвией Аджелофф. Их встреча состоялась в сентябре этого года в Нью-Йорке. Рамон без лишних затей объявил ей о своих «чуйвствах» к ней и сообщил, что не собирается участвовать в европейской войне, а поэтому дезертировал из своей части, нашел выгодную работу в Мексике и в настоящий момент проживает по паспорту на имя канадского гражданина Фрэнка Джексона. Засидевшаяся в девках Сильвия растаяла на глазах, словно восковая свечка, и согласилась на предложение Рамона отправиться в Мексику вместе с ним. В Мехико, куда они прибыли в конце октября, Меркадер якобы устроился на работу в экспортно-импортную фирму, а Аджелофф начала работать секретарем у Троцкого.

В апреле 1940 года Рамон первый раз посетил дом Троцкого, куда его пригласили, как «жениха» Сильвии, ее друзья — Альфред и Маргарита Росмеры. Сама Сильвия в это время находилась в краткосрочной командировке в Америке. Лично же Льву Давидовичу Меркадера представили 28 мая 1940 года, уже после нападения на дом боевиков Сикейроса. Обаятельный молодой человек, «жених» Сильвии, лишь недавно ставший интересоваться политикой, понравился Троцкому, и с тех пор Рамон Меркадер стал регулярно бывать в резиденции. Правда, некоторое время Лев Давидович, ставший крайне подозрительным после неудавшегося покушения, проявлял в отношении Меркадера определенную настороженность. Однажды он поделился своими опасениями с женой.

— Не понимаю, что нашел столь симпатичный мужчина в этой страшненькой Сильвии, не понимаю, — сказал Троцкий.

Пропуск стр. 113, 114, 115, 116

смотря на все их усилия, в половине восьмого вечера он потерял сознание и ровно через сутки скончался. Останки Троцкого были кремированы и захоронены в саду его мексиканского дома, а над могилой воздвигнута стела.

Как только, стало известно о покушении и аресте исполнителя акции. Н. Эйтингон и К. Меркадер, незамедлительно покинули территорию Мексики. Процитируем записи следователя, допросившего Эйтингтона:

«Примерно в 10 часов вечера (20 августа 1940 г.) мексиканское радио сообщило подробности покушения на Троцкого. Немедленно после этого Эйтингон и «Мать» покинули столицу. Он выехал на Кубу по иракскому паспорту (…). Там получил болгарский паспорт и направился в Европу. По приезде в Москву устно доложил Меркулову и Берии. Никаких отчетов не писал».[24]

24 августа 1940 года газета «Правда» вышла со статьей «Смерть международного шпиона», в которой говорилось об убийстве Троцкого неким Жаком Мортоном Вандендрайшем, человеком из близкого окружения покойного. Смерть Троцкого, как следовало из текста, наступила от «пролома черепа во время покушения». В заключении было назидательно сказано: «Троцкий, организовавший злодейские убийства Кирова, Куйбышева, М. Горького, стал жертвой своих же собственных интриг, предательских измен, злодеяний».

Сталин высоко оценил заслуги всех участников операции «Утка».

> «Сов. секретно.
> 6 июня 1941 г.
> ЦК ВКП(б).
> СНКСССР.
> Тов. Сталину И. В.
> Группой работников НКВД в 1940 году было выполнено специальное задание.
> НКВД СССР просит наградить орденами Союза ССР шесть товарищей, участвовавших в выполнении этого задания.
> Прошу вашего разрешения.
>
> *Народный комиссар внутренних дел Л. Берия».*

Резолюция Сталина на документе была краткой:

> *«За (без публикации)».*

В результате закрытым указом Президиума Верховного Совета СССР за подписью М. И. Калинина и А. Ф. Горкина были награждены: орденом Ленина — Меркадер Каридад Рамоновна и Эйтингон Наум Исаакович; орденом Красного Знамени — Василевский Лев Петрович и Судоплатов Павел Анатольевич; орденом Красной Звезды — Григулевич Иосиф Ромуальдович и Пастельняк Павел Пантелеймонович.[25] Кроме того, Каридад Меркадер получила в подарок от Берии яшик грузинского вина

«Напареули» разлива 1907 года.

В заключение несколько слов о дальнейшей судьбе Рамона Меркадера. После покушения он был арестован и помешен в тюрьму «Лекумберри». Следствие и суд затянулись на несколько лет. Только в мае 1944 года суд федерального округа Мехико вынес ему окончательный приговор — 20 лет тюремного заключения.

Несмотря на это в Москве о нем не забыли и не бросили на произвол судьбы. В течение всего тюремного срока Рамону оказывалась всевозможная поддержка: юридическая, финансовая и т. д. Начиная с 1941 года, рассматривались различные варианты вызволения его из тюрьмы и нелегального вывоза за границу. Однако каждый раз какие-либо обстоятельства препятствовали этому.

Все годы тюремного заключения поведение Рамона Меркадера было стойким и мужественным, Он ни на что не жаловался и ничего не просил. Впрочем, благодаря усилиям и поддержке, оказываемой ему товарищами с воли. Рамон «тянул срок» достаточно комфортабельно. У него была просторная одиночная камера с телевизором, несколько раз в неделю ему разрешали свидания с невестой, Рокелией Мендосой, впоследствии ставшей его женой.

Правда, порою узника одолевали тяжелые мысли. По словам Феликса Варгаса Чакона, одного из прежних заключенных тюрьмы, наибольшие муки совести Меркадер испытывал по поводу соблазнения им Сильвии Аджелофф. Он плакал, когда вспоминал, как во время суда девушка с ненавистью кричала ему: «Убийца! Выродок! Трус! Не успокоюсь, пока не узнаю, что ты покончил с собой в тюрьме!.. Грязная пешка ГПУ!»

Что же касается самого убийства и жертвы — Льва Троцкого, то по этому поводу душевных мук он не испытывал. Во имя торжества коммунизма Меркадер был готов проломить ледорубом еще с десяток подобных голов, если понадобится.

Рамону Меркадеру пришлось отбыть в заключении 19 лет 8 месяцев и 14 дней. 6 мая 1960 года его освободили. В тот же день самолетом он вылетел в Гавану, а оттуда — в Москву.

25 июня в ЦК КПСС на имя Н. С. Хрущева была направлена докладная записка КГБ с предложениями о награждении Меркадера, предоставлении ему гражданства СССР и решении вопросов материально-финансового обеспечения. В докладной о Рамоне было сказано:

«В силу своей безграничной преданности делу коммунизма и Советскому Союзу в период следствия и судебного разбирательства, а также на протяжении почти 20-летнего

пребывания в тюрьме в условиях не прекращавшейся против него кампании угроз и провокаций, проявил смелость, стойкость и высокую идейность, присущие настоящему коммунисту, и сохранил в тайне свою связь с органами государственной безопасности Советского Союза».[26]

Известен отзыв Хрущева.

— Построение коммунизма, — дело ближайшего будущего, но вот этот товарищ достоин жить при коммунизме уже сегодня, — сказал Никита Сергеевич, ознакомившись с содержанием докладной.

30 июня был подписан закрытый указ Президиума Верховного Совета СССР следующего содержания:

> «За выполнение специального задания и проявленные при этом героизм и мужество присвоить тов. Лопесу Рамону Ивановичу звание Героя Советского Союза с вручением ему ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».[27]

В Советском Союзе Меркадер прожил до 1974 года. Стал пенсионером КГБ, получил в Москве четырехкомнатную квартиру. В октябре он выехал на постоянное местожительство в Гавану, куда годом раньше из Москвы перебралась его семья — жена Рокелия и двое приемных детей.

Умер Хайме Рамон Меркадер дель Рио Эрнандес 18 октября 1978 года. Урна с его прахом была захоронена в Москве на Кунцевском кладбище. Такова была воля покойного.

Глава шестая

После успешного покушения на Троцкого авторитет Павла Судоплатова значительно вырос. В феврале 1941 года он был назначен заместителем начальника 1-го Управления (разведка). НКВД СССР. На этой должности он поставил перед руководством вопрос о пересмотре дел некоторых осужденных сотрудников НКВД, ссылаясь на приближающуюся войну с Германией. Благодаря настойчивости Судоплатова этот вопрос начал решаться. Так, в органы безопасности вернулись Я. Серебрянский, В. Фишер, Р. Абель, П. Зубов и другие опытные разведчики.

Между тем война стояла на пороге страны. Павел Анатольевич вспоминал:

«Разведка НКВД сообщала об угрозе войны с ноября 1940 года. К этому времени Журавлев и Зоя Рыбкина завели литерное дело под оперативным названием «Затея», где собирались наиболее важные сообщения о немецкой военной угрозе. В этой папке находились весьма тревожные документы, беспокоившие советское руководство, поскольку они ставили под сомнение искренность предложений по разделу мира между Германией, Советским Союзом, Италией и Японией, сделанных Гитлером Молотову в ноябре 1940 года в Берлине. По этим материалам нам было легче отслеживать развитие событий и докладывать советскому руководству об основных тенденциях немецкой политики. Материалы из литерного дела «Затея» нередко докладывались Сталину и Молотову, а они пользовались нашей информацией как для сотрудничества с Гитлером, так и для противодействия ему.

Хотя полученные разведданные разоблачали намерения Гитлера напасть на Советский Союз, однако многие сообщения противоречили друг другу. В них отсутствовали оценки немецкого военного потенциала: танковых соединений и авиации, расположенных на наших границах и способных прорвать линию обороны частей Красной Армии. Никто в службе госбезопасности серьезно не изучал реальное соотношение сил на советско-германской границе. Вот почему сила гитлеровского удара во многом была неожиданной для наших военачальников, включая маршала Жукова, в то время начальника Генштаба. В своих мемуарах он признается, что не представлял себе противника, способного на такого рода крупномасштабные наступательные операции, с танковыми соединениями, действующими одновременно в нескольких направлениях.

В разведданных была упущена качественная оценка немецкой

тактики «блицкрига». По немецким военно-стратегическим играм мы знали, что длительная война потребует дополнительных экономических ресурсов, и полагали, что если война все же начнется, то немцы прежде всего попытаются захватить Украину и богатые сырьевыми ресурсами районы для пополнения продовольственных запасов. Это была большая ошибка: военная разведка и НКВД не смогли правильно информировать Генштаб, что цель немецкой армии в Польше и Франции заключалась не в захвате земель, а в том, чтобы сломить и уничтожить боевую мощь противника.

Как только Сталин узнал о том, что немецким генштабом проводятся учения по оперативно-стратегическому и материально-техническому снабжению на случай затяжной войны, он немедленно отдал приказ ознакомить немецкого военного атташе в Москве с индустриально-военной мощью Сибири. В апреле 1941 года ему разрешили поездку по новым военным заводам, выпускавшим танки новейших конструкций и самолеты. Через свою резидентуру в Берлине мы распространяли слухи в министерствах авиации и экономики, что война с Советским Союзом обернется трагедией для гитлеровского руководства, особенно если война окажется длительной и будет вестись на два фронта (…).

Сведения о дате начала войны Германии с Советским Союзом, поступавшие к нам, были самыми противоречивыми. Из Великобритании и США мы получали сообщения от надежных источников, что вопрос о нападении немцев на СССР зависит от тайной договоренности с британским правительством, поскольку вести войну на два фронта было бы чересчур опасным делом.

От нашего полпреда в Вашингтоне Уманского и резидента в Нью-Йорке Овакимяна к нам поступали сообщения, что сотрудник британской разведки Монтгомери Хайд, работавший на Уильяма Стивенсона из Британского координационного центра безопасности в Эмпайр-Стейт билдинг, сумел подбросить «утку» в немецкое посольство в Вашингтоне. Дезинформация была отменной: если Гитлер вздумает напасть на Англию, то русские начнут войну против Гитлера.

Анализируя поступавшую в Союз информацию из самых надежных источников военной разведки и НКВД, ясно видишь, что около половины сообщений — до мая и даже июня 1941 года — подтверждали: да, война неизбежна. Но материалы также показывали, что столкновение с нами зависело от того, урегулирует ли Германия свои отношения с Англией».[28]

18 июня 1941 года Павлу Судоплатову было поручено приступить к формированию специального соединения.

Процитируем воспоминания Судоплатова:

«Берия, вызвав меня к себе, отдал приказ об организации особой группы из числа сотрудников разведки в его непосредственном подчинении, которая должна была осуществлять разведывательно-диверсионные акции в случае войны. На тот момент нашим первым заданием было создание ударной группы из числа опытных диверсантов, способных противостоять любой попытке использовать провокационные инциденты на границе как предлог для начала войны. Берия подчеркнул, что наша задача — не дать немецким провокаторам возможности провести акции, подобные той, что была организована против Польши в 1939 году, когда они захватили радиостанцию в Гляйвице на территории Германии. Немецкие провокаторы вышли в эфир с антигерманскими заявлениями, а затем расстреляли своих же уголовников, переодетых в польскую форму, так что со стороны все выглядело так, будто бы на радиостанцию действительно напало одно из подразделений польской армии».[29]

Выполняя поручение наркома внутренних дел, Судоплатов и его заместитель Эйтингон приступили к подбору кадров для ударной группы, которую можно было экстренно перебросить на границу. Формирование подразделения планировалось завершить к концу июня 1941 года. Параллельно Судоплатовым и Эйтингоном велась разработка операций для дезорганизации тыла противника в случае полномасштабных военных действий на советско-германской границе. Стоит заметить, что военное командование отнеслось к разработке диверсионных операций довольно скептически. Так, командующий Белорусским военным округом генерал армии Д. Г. Павлов счел подобные акции пустой, несерьезной затеей. «Какие к черту диверсанты, — сказал генерал Эйтингону, с которым был хорошо знаком по Испании. — Да, если немцы сунутся, я им так по сопатке врежу, покатятся до Берлина!».

Войну ожидали, к ней готовились, но все равно она началась неожиданно. О событиях ночи с 21 на 22 июня Павел Анатольевич, находившийся в это время в своем рабочем кабинете на Лубянке, вспоминал так:

«Я, как обычно, задержался допоздна на работе. Накануне пришло много сообщений от нашей агентуры о возросшей активности белогвардейской и украинской эмиграции. Смысл их был один: война на пороге. В половине пятого звонок. Первый заместитель наркома госбезопасности Меркулов: «Зайдите». Вхожу в кабинет. По лицу вижу — что-то случилось. «Началась война, — говорит Меркулов. — Немцы напали со всех сторон.

Есть сообщения от пограничников, о том же передает иностранное радио… Нужно немедленно перестраивать всю работу. Собрать всех сотрудников. Отозвать всех, кто находится в отпуске… Ваша штаб-квартира вне Москвы — в Озерах. Вся территория, все помещения, обслуга — все в вашем распоряжении. Ставьте туда телефонные аппараты, рацию. Приступайте…». Павел Михайлович Фитин, начальник разведуправления (я был его заместителем), в это время, как нарочно, находился за пределами Москвы. Разыскал его. «Видите, мы не просчитались, — сказал спокойно Фитин. — Выезжаю». Город еще спал, дворники поливали улицы, в булочные завозили хлеб, а у нас уже хлопали двери, все сотрудники спешно собирались в отделе. На лицах один вопрос: в чем дело? Объясняю. Ни удивления, ни потрясения — все ждали именно этого. На лестничной площадке провели митинг…».[30]

На четвертый день после начала военных действий Павел Судоплатов, по устному распоряжению Берии, осуществил секретное мероприятие по распространению дезинформации среди дипломатического корпуса в Москве. Дезинформация сводилась к тому, что советская сторона готова начать с немцами мирное урегулирование на основе территориальных уступок. Германии якобы было запланировано передать Прибалтику, Украину, Бессарабию, Буковину и Карельский перешеек. В случае же немецких претензий на дополнительные территории советское руководство готово было рассмотреть и этот вопрос. Целью подобной дезинформации являлось создание маневра, достаточного для собирания сил, необходимых для сокрушительного отпора агрессору. Действовать было решено через Стаменова, болгарского посла в СССР, который, по сведениям НКВД, имел связи с немцами.

Встреча Судоплатова со Стаменовым состоялась в зале ресторана «Арагви». Во время разговора о создавшейся военной и политической обстановке Павел Анатольевич осторожно вбросил дезу. По тому, как болгарский посол навострил большие, мохнатые уши, он понял, что полученная информация представляет для того интерес.

Однако наша дешифровальная служба, имевшая доступ ко всем шифровкам Стаменова и дипломатической почте посольства, не обнаружила в их сообщениях подброшенную Судоплатовым дезинформацию. Видимо, болгарин «тему просек» и «утка» не упорхнула за пределы посольства. Операцию было решено свернуть.

Нападение Германии на Советский Союз потребовало ускорить формирование специального соединения, способного

действовать как на линии фронта, так и в районах, оккупированных войсками противника. 26 июня 1941 года Берия подписал приказ о создании войск Особой группы при НКВД СССР. Начальником группы был назначен Павел Судоплатов (официально его назначение было оформлено приказом по наркомату от 5 июля), заместителями — Эйтингон, Мельников, Какучая. Начальниками ведущих направлений по борьбе с немецко-фашистскими войсками, вторгшимися на территорию Прибалтики, Белоруссии и Украины, стали Серебрянский, Маклярский, Дроздов, Гудимович, Орлов, Киселев, Масся, Лебедев, Тимашков, Мордвинов. Всем службам и подразделениям НКВД вменялось в обязанность оказывать Особой группе содействие людьми, техникой и вооружением для развертывания разведывательно-диверсионной работы в ближних и дальних тылах немецких войск. Главными задачами создаваемой группы были: ведение разведопераций против Германии и ее союзников, организация партизанской войны, создание агентурной сети на захваченных территориях, руководство специальными радиоиграми с немецкой разведкой с целью дезинформации противника.

В конце лета 1941 года формирование Особой группы в составе двух мотострелковых бригад, трех рот и школы специалистов фактически было завершено. Командовал соединением комбриг П. М. Богданов, начальником штаба был назначен подполковник В. В. Гриднев. Начсостав целиком состоял из оперативных работников госбезопасности, командиров пограничных и внутренних войск, преподавателей и слушателей Высшей школы погранвойск, Высшей школы НКВД и других учебных заведений НКВД СССР. Рядовой состав набирался из числа добровольцев — военнослужащих пограничных и внутренних войск, спортсменов Центрального института физкультуры, Центрального дома Красной Армии и общества «Динамо». По решению ЦК ВЛКСМ «О мобилизации комсомольцев в войска Особой Группы при НКВД СССР» в ряды соединения вступили около 800 комсомольцев. Исполком III Коммунистического Интернационала направил в Особую группу значительное число политических эмигрантов — чехов, поляков, испанцев, немцев, австрийцев, болгар, прежде всего из числа бывших интербригадовцев, имевших опыт гражданской войны в Испании.

С июля по октябрь 1941 года соединение дислоцировалось в ближайшем Подмосковье, проводя интенсивную боевую учебу по специальным программам. Но уже в этот период в тыл врага были направлены первые разведывательно-диверсионные отряды. В

конце августа 1941 года на оккупированной территории Смоленской, Орловской, Курской, Брянской областей, а также в ряде районов Белоруссии и Украины начали действовать отряды Д. Н. Медведева, А. К. Флегонтова, В. Зуенко, особая спецгруппа и несколько оперативных групп.

В начале октября 1941 года войска Особой группы были переформированы в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения НКВД СССР (ОМСБОН) в составе 1-го и 2-го мотострелковых полков (7 батальонов), четырех отдельных рот (саперно-подрывной, связи, автомобильной, парашютно-десантной), разведывательно-диверсионного отряда, школы младшего начсостава и специалистов. Общая численность бригады составляла 10 500 человек. В октябре 1943 года бригада была переименована в Отряд особого назначения (ОСНАЗ) при НКВД-НКГБ СССР (в некоторых источниках соединение называется Отдельным отрядом особого назначения (ОООН).

С 15 октября 1941 года ОМСБОНом командовал полковник М. Ф. Орлов, бывший начальник Себежского училища войск НКВД, заочник Военной академии им.

М. В. Фрунзе. Комиссаром бригады был чекист А. А. Максимов. После его гибели комиссаром стал депутат Верховного Совета СССР первого созыва, полковой комиссар А. С. Майсурадзе. Руководителями разведки ОМСБОНа были чекист Антуфеев и майор-пограничник Б. К. Спиридонов. 1-м полком бригады некоторое время командовал Н. Е. Рохлин. Затем его командиром был назначен подполковник В. В. Гриднев (в 1942–1943 годах он командовал ОМ С БО Ном), комиссаром — старший лейтенант госбезопасности С. И. Волокитин. Командиром 2-го полка стал майор С. В. Иванов, комиссаром — майор С. Т. Стехов.

Перед ОМСБОНом ставились задачи: оказание помощи Красной армии посредством разведывательных, диверсионных, военно-инженерных и боевых действий; содействие развитию массового партизанского движения; дезорганизация фашистского тыла, выведение из строя коммуникаций врага, линий связи и других объектов; осуществление стратегической, тактической и агентурной разведки; проведение контрразведывательных операций.[31]

Боевой деятельностью бригады руководил 2-й Отдел (созданный 3 октября 1941 года на базе Особой группы), а затем — 4-е Управление НКВД во главе с Павлом Судоплатовым.

Структура нового управления была следующей:

4 УПРАВЛЕНИЕ НКВД (133 человек по штату):

Руководство.

Секретариат.

Финансовая группа.
Информационно-учетное отделение.

1 ОТДЕЛ (зарубежный):
Руководство.
Секретариат.
1 отделение (Европейское).
2 отделение (Африка, Дальний Восток).
3 отделение (Ближний Восток, Турция, Иран, Афганистан, арабские страны, Средняя Азия, Закавказье).
4 отделение (работа с военнопленными и интернированными).

2 ОТДЕЛ (территории СССР, оккупированные противником):
Руководство.
Секретариат.
1 отделение (г. Москва и Московская область).
2 отделение (УССР, Молдавская ССР, Крымская АССР).
3 отделение (БССР).
4 отделение (области РСФСР, Карело-Финская ССР).
5 отделение (Литва).
6 отделение (Латвия).
7 отделение (Эстония).
8 отделение (вербовка спецагентуры из числа заключенных лагерей).
9 отделение (учетное).

3 ОТДЕЛ:
Руководство.
Секретариат.
1 отделение (технической подготовки).
2 отделение (оперативное).
3 отделение (материально-технического снабжения). 1-й и 2-й отряды взрывников.

4 ОТДЕЛ:
Руководство.
Секретариат.
1 отделение (Д).
2 отделение (ТН);
3 отделение (подготовки).
4 отделение (материально-техническое).
Отдельная рота саперов.
Штаб истребительных батальонов и партизанских отрядов (15

человек по штату):

Руководство.

1 отделение (истребительные батальоны).

2 отделение (партизанские отряды).[32]

Таким образом, всю войну Павел Анатольевич руководил партизанскими и разведывательно-диверсионными операциями в тылу немецко-фашистских войск,

Пропуск 131, 132, 133, 134

германского посла. В ходе судебного разбирательства, длившегося целый месяц, Павлов и Корнилов категорически отрицали свою вину, в то время как Абдурахман и Сулейман ее подтверждали. В результате суд признал всех обвиняемых виновными. Сотрудники советских учреждений были приговорены к 20 годам заключения каждый, а студент и парикмахер «схлопотали» по 10 лет (в августе 1944 года Павлов и Корнилов были освобождены из тюрьмы и возвратились в Москву).

Вдобавок, к неудавшемуся покушению, 3 мая 1942 года сотрудник резидентуры Разведупра РККА в Анкаре И. Ахмедов обратился к турецким властям с просьбой о политическом убежище. Предатель рассказал туркам все, что знал о работе резидентур ГРУ и И НО НКВД в Турции, выдал двух нелегалов и пояснил причину того, почему фон Папен остался жив. Оказалось, что уровень подготовки Токката был крайне низок. Боевик слишком рано снял предохранитель бомбы, в результате чего взорвался сам. «Ему бы камнями бросаться, а ему взрывное устройство всучили», — хихикал предатель.

Неудачная операция по ликвидации фон Папе на вызвала гнев Сталина и Берии. Над головой Наума Эйгингона сгущались грозовые тучи. Павлу Судоплатову стоило великих трудов отстоять своего заместителя.

Из других операций 4-го Управления можно отметить одну, проходившую под кодовым названием «Монастырь», проводившуюся под личным руководством Павла Судоплатова. В ходе ее на территории СССР было «инсценировано создание подпольной антисоветской профашистской организации, искавшей контактов с гитлеровским командованием. Главную роль в операции сыграл давний агент ОГПУ-Н КВД Александр Демьянов, сын царского офицера, накануне войны завербованный немецкой разведкой. В конце 1941 года он на лыжах перешел

через линию фронта к немцам, прошел ускоренное обучение в разведшколе абвера и в феврале 1942 года был выброшен на парашюте в районе Ярославля. Его задачей была организация резидентуры абвера в Москве. В результате с его помощью были арестованы многие агенты абвера, кроме того, велась активная радиоигра по дезинформации немецкого командования. До самого конца войны руководство абвера так и не догадалось об истинной роли Демьянова, а бывший начальник разведки ФРГ Р. Гелен в своих мемуарах высоко оценил достижения агента Макса (псевдоним Демьянова в абвере)».[33]

Стоит также добавить, что Павел Судоплатов руководил операциями не только из кабинета. Случалось ему бывать и под пулями, на передовой. Например, так, как это было во время его нахождения на Северном Кавказе в августе-сентябре 1942 года. Тогда одно из диверсионных подразделений НКВД получило приказ о подрыве нефтяных скважин и буровых вышек в районе Моздока. При минировании важного стратегического объекта лично присутствовали первый заместитель Берии В. Н. Меркулов и начальник 4-го Управления НКВД П. А. Судоплатов. Взрыв скважин был произведен в тот момент, когда к ним приблизились немецкие мотоциклисты. Меркулов и Судоплатов присоединились к диверсионной группе, отходящей в горы, в последний момент.

За выполнение этой операции Сталин объявил Меркулову выговор, поскольку тот подвергал свою жизнь неоправданному риску и мог быть захвачен в плен, а Берия устроил разнос Судоплатову. Тем не менее, в результате успешных действий по каналам разведки пришло сообщение, что немцы не смогли использовать нефтяные запасы и скважины Северного Кавказа, на которые очень рассчитывали.

В январе 1945 года приказом НКВД СССР № 0028 комиссару госбезопасности 3-го ранга Павлу Судоплатову было поручено координировать работу центральных аппаратов НКВД и НКГБ по обеспечению проведения Крымской конференции союзников. В связи с этим Судоплатов под именем Павла Матвеева, помощника Молотова, провел ряд встреч с послом США в СССР А. Гарриманом, главой американской военной миссии в Москве генералом Дином, контр-адмиралом Олсеном и советником британского посольства Робертсом. Павел Анатольевич вспоминал:

> «Мы оговаривали возможные подходы к решению спорных вопросов: обмен разведывательной информацией, взаимная выдача провалившейся агентуры

> и захваченных немецких военных специалистов, деликатные проблемы возможного послевоенного урегулирования в странах Восточной Европы. Гарриман, в частности, не возражал против идеи создания коалиционного правительства в послевоенной Польше, предложенной Сталиным и Молотовым».[34]

Кроме того, в результате этих секретных переговоров была достигнута договоренность о содействии американских и английских властей в выдаче советскому правительству лидеров и отдельных деятелей антисоветской эмиграции. Эта договоренность была зафиксирована в трех секретных протоколах Ялтинской конференции. В результате с территории Западной Европы были насильственно репатриированы многие тысячи как настоящих политических противников советского строя, так и просто подозрительных лиц из числа эмигрантов.

Необходимо отметить участие Павла Анатольевича в работе по «атомной проблематике», которая началась также в годы войны. В феврале 1944 года при наркоме внутренних дел СССР была создана группа *«С»*. В ее задачу входила добыча и реализация разведданных по атомной бомбе. Руководителем группы был назначен Павел Судоплатов. Новое назначение его не обрадовало, поскольку отныне ему предстояло не только руководить рели широкий размах. В это время мы получали из США особенно ценные материалы».[35]

Отдел «С» Павел Судоплатов возглавлял до 30 мая 1946 года. В августе 1949 года в Советском Союзе было проведено испытание первой атомной бомбы. Это событие подвело итог напряженным семилетним трудам, в которых участие Судоплатова было незаметным, но результативным и неоценимым.

В 1946 году 4-е Управление было расформировано. Приказом министра МГБ В. С. Абакумова на генерал-лейтенанта Павла Судоплатова была возложена организация службы «ДР» (диверсия и террор), в задачу которой входила организация специальной агентурно-разведывательной работы за рубежом и внутри страны против врагов партии и Советского государства.

Согласно секретному постановлению Политбюро ЦК ВКП(б), Судоплатов, совместно с Эйтингоном, приступил к разработке боевых операций во Франции, Турции, Иране, Австрии, Норвегии и ряде других зарубежных стран. Однако в силу разного рода причин эти операции так и не были осуществлены. По свидетельству Н. Эйтингона, министр МГБ Абакумов «выдумывал самые различные предлоги, чтобы не разрешить активные

чекистские мероприятия за границей. В частности, он ссылался на то, что сейчас не время проводить подобные мероприятия, что с этим надо повременить или нам их никто не разрешит (…) Судоплатову и мне — его заместителю — приходилось выдумывать, чем бы занять подчиненных нам сотрудников, чтобы создать хотя бы видимость работы».[36] Случалось, что помимо нерешительного министра, проведение операций запрещал лично Сталин. Павел Анатольевич вспоминал:

«В 1946 году мы приняли решение о развертывании разведывательно-диверсионной базы в Турции, в Анкаре. Руководил этим делом наш резидент Рыбкин.

Развертывание осуществлялось под прикрытием чешских эмигрантов. А сам Рыбкин с этой целью даже открыл какую-то кампанию по производству и продаже бижутерии. Примерно в 1948 году, если мне не изменяет память, мы стали с помощью Рыбкина и его резидентуры готовить операцию по устранению иракского премьера Нури Саида. Почему именно его? С одной стороны, это был бы в известной степени наш ответ американцам, которым двумя годами раньше удалось вытеснить нас из Ирана. С другой стороны, Нури Саид был одним из самых активных участников подготовки Багдадского пакта, направленного против СССР. На эту операцию мы специально нацелили полуторатысячную бригаду курдов под командованием Мустафы Барзани, которую вооружали, обучали и готовили.

Тем не менее буквально в последний момент операцию отменил лично Сталин. Слишком велико было тогда напряжение по всей линии советско-американского противостояния. Судите сами: в Греции шла гражданская война, шла война в Китае. Устранение же Нури Саида в условиях, когда влияние англичан на Ближнем и Среднем Востоке падало, а американцев — возрастало, создавало опасный вакуум и могло привести к мощному взрыву. К тому же в Чехословакии при невыясненных обстоятельствах погиб наш резидент Рыбкин, который отвечал за эту операцию».[37]

Судоплатова, человека активного и решительного, привыкшего за годы войны к проведению дерзких операций, угнетало отсутствие размаха боевой работы. Эйтингон, за время совместной службы сдружившийся с Судоплатовым, тоже был недоволен.

— Эх, Павел Анатольевич, Павел Анатольевич, не умеют у нас беречь народную копейку Мы столько сил и средств вбухаем в дело, а нам, мать твою, — стоп машина, и все коту под хвост. А так хочется какой-нибудь вражине башку проломить, прямо руки чешутся, — в порыве откровения жаловался на бездействие

Эйтингон.

Впрочем, сидеть без дела Судоплатову не позволяли. Одновременно с созданием службы «ДР» ему было поручено вести борьбу с бандитскими группами в Прибалтике, и особенно — на Западной Украине. Очаги антисоветского восстания могли разгореться с новой силой, и на Львовщину для ликвидации остатков террористических банд, возглавляемых главой местных военных формирований ОУН генерал-хорунжим Романом Шухевичем (Тарас Чупрынка), послали Павла Судоплатова.

«В аэропорт я прибыл вместе с Эйтингоном, который провожал меня. Здесь уже ждал генерал-лейтенант Селивановский, заместитель Абакумова. Лишь когда мы подлетали к Киеву, он сказал: конечная цель нашего пути — Львов. Однако густой туман помешал самолету приземлиться во Львове, и он вернулся в Киев, откуда мы уже поездом выехали во Львов. По дороге Селивановский рассказал о злодейском убийстве Галана бандеровцами. Товарищ Сталин, по его словам, крайне неудовлетворен работой органов безопасности по борьбе с бандитизмом на Западной Украине. В этой связи мне приказано сосредоточиться на розыске главарей бандеровского подполья и их ликвидации. Это было сказано непререкаемым тоном. Мне стало ясно: мое будущее ставилось в зависимость от выполнения этого задания», — позднее вспоминал Павел Анатольевич.

Хорошее знание местной специфики и повадок украинских националистов помогли Судоплатову успешно справиться с поставленной задачей. Именно он инициировал приказ от 29 декабря 1949 года, по которому рядовые участники бандформирований освобождались от уголовной ответственности, что значительно подорвало движение сопротивления на Западной Украине.

После объявления амнистии более 10 тысяч рядовых боевиков добровольно сложили оружие, и никто из них не подвергся репрессиям. А затем настал черед главарей. 5 марта 1950 года в ходе операции, разработанной Судоплатовым, в селе Билогирка был ликвидирован генерал-хорунжий Шухевич, с гибелью которого бандеровское подполье на Львовщине практически прекратило свою деятельность.

Кстати, в операции по уничтожению Шухевича Павел Судоплатов принимал личное участие. Оперативная группа во главе с ним и генералом Дроздовым надежно блокировала дом, где скрывался «Тарас Чупрынка». На требование сложить оружие и сдаться он ответил огнем и бросил две ручные гранаты. В завязавшейся перестрелке Шухевич был убит. Многие ветераны госбезопасности считают, что «ворошиловский» выстрел,

сразивший бандеровца, произвел Судоплатов, поскольку стрелком слыл отменным.

Удалось также установить агентурную сеть, созданную Шухевичем, и выяснить некоторые операции, которые он планировал. Так, арестованная Дарья Гусяк, связная Шухевича, на допросе 20 мая 1950 года показала, что по заданию своего шефа выезжала в Киев, где ознакомилась с расположением и подходами к памятнику В. И. Ленину, который предполагалось взорвать. С такой целью она посещала Полтаву, где изучила возможности для взрыва памятника Петру 1. Указанные взрывы, согласно указанию Шухевича, должны были осуществиться в знак протеста против «москальской» оккупации Украины. Далее Гусяк сообщила: «(…) руководители ОУНовского движения в антисоветской работе ориентировались на Америку, рассчитывая на военную помощь последней. В свете этого, в январе 1950 года, по заданию Шухевича, я вылетела самолетом в Москву, где по фиктивным документам на имя Денис остановилась в гостинице «Метрополь». Будучи в Москве, я установила, что американское посольство расположено на улице Моховой № 15.

Здесь же, как было установлено Шухевичем, я наметила место для будущей встречи с представителями американского посольства, инициативно выбрав для этого станцию метро «Измайловская», после чего выехала обратно во Львов.

(…) Могу лишь предположить, что все это делалось для того, чтобы подполье ОУН могло установить контакт с американцами на территории Советского Союза и иметь со стороны их поддержку здесь — внутри страны».[38]

Необходимо пояснить, что «рекогносцировка» американского посольства проводилась связной Шухевича неспроста. Поддержка английскими и американскими спецслужбами украинского националистического подполья велась достаточно активно, но результат от иностранной помощи извне оставлял желать лучшего.

«В сложном послевоенном мире США раз за разом оказывались перед необходимостью решения задач, которые было невозможно разрешать обычными дипломатическими методами. Тайные операции являются более мощным средством, чем дипломатия, и в то же время не столь отвратительными, как война, и тем самым помогают найти выход. Опыт ЦРУ в Италии, Франции и Греции показали, что при помощи тайных операций можно достигнуть желаемых результатов(…). Такие операции начали проводиться на Украине, в Литве, Польше и Албании(…). Украинская операция (которая проводилась совместно с англичанами — В. С.) заключалась в поддержке попыток борьбы

националистов против советского контроля. ЦРУ финансировало националистические операции, готовило их кадры и помогало забрасывать агентов назад в страну для организации восстания(…). Сотни агентов и миллионы долларов были потеряны в Литве и на Украине, где действия ЦРУ скорее мешали, чем содействовали сопротивлению», — так оценил эффективность подобной поддержки Филипп Найтли в своей книге «Вторая древнейшая профессия».[39]

А человеком, сумевшим свести на нет все усилия британской СИС и ЦРУ, тем самым приблизив крах послевоенного бандеровского подполья, был советский суперагент Ким Филби. С 1949 по 1951 год он работал в Вашингтоне, занимая должность офицера по взаимодействию между СИС и ЦРУ, проводившими совместные спецоперации в Восточной Европе. Это позволяло ему своевременно информировать советскую разведку обо всех тайных мероприятиях англичан и американцев.

Кроме того, в период с 1946 по 1947 год службой Судоплатова было проведено четыре спецоперации, о которых известно следующее: в городе Ужгороде (по другим данным — в Мукачево) был ликвидирован Ромжа — глава украинской греко-католической церкви, активно протестовавший против присоединения католиков к православию; в Ульяновске был убит польский гражданин Самет, работавший на секретных военных заводах и собиравшийся выехать из СССР; в Москве был уничтожен американский гражданин И. Оггинс, бывший агент НКВД в Китае и на Дальнем Востоке; в Саратове был убит украинский националист Шумский. Акции по устранению вредного элемента проводились по указанию члена Политбюро ЦК ВКП(б) и первого секретаря ЦК КП(б) Украины Хрущева, Сталина, Молотова и министра МГБ Абакумова. Во всех случаях убийства совершались при помощи ядов, изготовленных в специальной лаборатории 4-го спецотдела НКВД-МГБ.

Стоит заметить, что в структуре госбезопасности 4-й спецотдел играл немаловажную роль. Он занимался изысканиями и изобретениями диверсионной техники, а также имел токсикологическую и биологическую лаборатории, в которых изучали и исследовали всевозможные яды. С 1938 года работой токсикологического отделения руководил профессор, доктор медицинских наук Г. М. Майрановский, благообразный персонаж, подвижник в деле разработок отравляющих веществ для оперативного применения. В отделении занимались производством отравленных пуль, которые поражали бы насмерть, независимо оттого, в какую часть тела они попадали. Создавали облегченные пули, с пустотами, заполненными ядом

аконитином. Экспериментировали с авторучками, карандашами, зажигалками, тростями, зонтами. Испытания ядов проводились на преступниках, приговоренных к высшей мере наказания. В 1953 году Майрановский рассказывал, что «при исследовании мы яды давали через пищу, различные напитки, вводили яды при помощи уколов шприцем, тростью, ручкой и другими колющими специально оборудованными предметами. Также вводили яды через кожу, обрызгивая и поливая ее оксимом (смертельно для животных в минимальных дозах).. Однако это вещество для людей оказалось не смертельным, оно вызывало лишь сильные ожоги и большую болезненность». В общей сложности испытания ядов были проведены примерно над 150 осужденными. При этом Майрановский поражал сотрудников токсикологического отделения своими садистскими наклонностями. «Ну-с, голубчик, пожалуй, начнем-с!» — говорил благообразный профессор и тыкал в подопытного человека отравленной тростью. Когда от воздействия яда тот начинал кричать и биться в конвульсиях, Майрановский довольно констатировал: «Ага, забрало, забрало…». Неоднократно ученый жаловался коменданту НКВД В. М. Блохину, который занимался поставкой подопытных, на плохое качество поставляемого «материала». «Что же вы, голубчик, все каких-то дохлых уголовников мне подбираете. Чуть кольнули, он и сдох… Вы уж, голуба, потрудитесь, отбирайте тех, которые поздоровее, мускулистых таких, знаете ли», — сетовал доктор медицинских наук.

В заключение отметим, что в 1946 году по указанию Абакумова токсикологическое отделение было расформировано. В декабре 1951 года Майрановского арестовали. В качестве обвинений ему предъявили шпионаж в пользу Японии, хищение и незаконное хранение ядовитых веществ, злоупотребление служебным положением (позднее хранение ядов квалифицируется как подготовка к совершению террористических актов, а обвинение в шпионаже исчезнет из дела). Вскоре решением Особого совещания при МГБ Майрановский был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных статьями 197–17, пункт «а», и 179 Уголовного кодекса РСФСР, и приговорен к 10 годам тюремного заключения. После освобождения в 1962 году ему было запрещено жить в Москве, Ленинграде и столицах союзных республик. Остаток жизни Майрановский провел в Махачкале. Умер он в 1967 году.

Что касается четырех спецопераций, о которых говорилось выше, то стоит остановиться на одной из них, а именно на убийстве И. Оггинса.

Исаак Оггинс, американский коммунист, был давним агентом

Коминтерна и НКВД. В 30-х годах ему поручалось выполнение секретных заданий в Китае, на Дальнем Востоке и США. Его жена Нора также являлась агентом советских спецслужб. В 1938 году Оггинс въехал в СССР по подложным документам, а зимой 1939 года был арестован по подозрению в двойной игре. В итоге, постановлением Особого Совещания при НКВД СССР его приговорили к 8 годам лагерей.

Через некоторое время Нора, находившаяся в США, поняла, что ее муж арестован. Женщина решилась на крайний шаг: вступила в контакт с американскими спецслужбами, надеясь таким путем вызволить мужа.

Пропуск стр. 148, 149, 150, 151

1951 и 1952 годах несколько групп сотрудников из Бюро № 2 направлялось в Литву и на Северный Кавказ для практической помощи МГБ по ликвидации националистического формирования и бандитизма».[40] Известно также, что в сентябре 1951 года в Москве неизвестными был крепко избит ученый-языковед академик Басов, замеченный в сомнительных связях с иностранцами и неосторожных высказываниях о советском строе. Близ МГУ, где трудился академик, его остановили двое молодцов пролетарского вида и наваляли «кренделей». Избиение сопровождалось словами: «Знай, гнида, с кем дружить и что языком молоть!» Можно предположить, что это была акция Бюро № 2, так называемый «особый способ». Существуют также сведения о том, что подобному воздействию планировалось подвергнуть еще ряд известных деятелей, в том числе кинодраматурга А. Я. Каплера, автора сценариев «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году», «Котовский» и др., писателя И. Г. Эренбурга, профессора, доктора медицинских наук И. И. Савельева, журналиста «Известий» Г. Мишуловина и т. д. Более того, судя по тем же сведениям, в 1950 году якобы лично Н. Эйтингоном и сотрудником Бюро по фамилии Дондурей был жестоко избит писатель Л. В. Соловьев, автор «Повести о Ходже Насреддине». Они подкараулили писателя, когда тот выходил из ресторана Центрального дома литераторов, затащили в ближайший подъезд, где быстро и больно пересчитали ему ребра. «Тебе советская власть все дала, а ты про нее всякую гадость распространяешь», — напоследок было сказано рыдающему Соловьеву. Личное участие в разработке плана по избиению этого литератора будто бы принимал Павел Судоплатов. Соответствуют ли данные сведения действительности, сложно сказать. Впрочем,

что бы там ни было, но в 1953 году после объединения МГБ и МВД, подразделение В. А. Дроздова было расформировано.

А вот Бюро № 1, которым руководил Павел Судоплатов, занималось планировкой оперативных мероприятий за рубежом и выполняло по заданию руководства страны ликвидацию неугодных лиц.

28 декабря 1951 года новый министр М ГБ С. Д. Игнатьев и военный министр маршал А. М. Василевский направили Сталину докладную записку, в которой сообщили, что рассмотрели в соответствии с полученным ранее заданием вопрос о возможностях МГБ и военного министерства СССР по проведению диверсий на военно-стратегических базах и объектах противника. Министры сообщили, что в МГБ для этого существует Бюро № 1, а в военном министерстве — Особая группа. Подчеркивалось, что со времени окончания Великой Отечественной войны на территории противника никаких диверсионных актов не проводилось и вообще этой работе не уделялось должного внимания. В записке намечалось в целях развертывания диверсионных операций создать нелегальный агентурно-диверсионный аппарат за рубежом, подготовить организаторов диверсий, исполнителей-одиночек, а также организовать в Австрии и Восточной Германии специальные оперативные группы для вербовки, подготовки и заброски в капиталистические страны агентуры.

Планировалось забрасывать некоторых агентов под видом «невозвращенцев» и «изменников» Родины с тем, чтобы они оседали вблизи баз и объектов и в нужный момент организовывали и проводили диверсионные акты. Предусматривалось также в месячный срок изучить целесообразность создания при Союзе обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР общества по учету, наблюдению, приведению в порядок и охране могил советских воинов за границей. Это позволило бы, по мнению авторов докладной записки, иметь при советских кладбищах за границей наших разведчиков, действующих под видом кладбищенских сторожей — инвалидов Отечественной войны.

В 1952 году в Бюро № 1 была разработана операция по ликвидации югославского лидера Йосипа Броз Тито. Павел Судоплатов вспоминал:

«(…) С конца сороковых годов мы готовили операцию по устранению Йосипа Броз Тито. Югославский лидер вызывал сильную ненависть у Сталина. Первоначально планировалось, что возглавит ее Григулевич. Мы даже настояли, чтобы он написал прощальное письмо жене, и подшили его вдело. Как-никак

человек шел практически на верную смерть. Но когда план представили Сталину на утверждение, он резко возразил против участия Григулевича. Дело в том, что тот не был боевиком, так сказать, в классическом смысле этого слова. А Сталину казалось, что операция должна быть возложена только на такого человека, который бы, не моргнув глазом, смог отправить любого на тот свет. Кроме того, Сталин обнаружил некоторые недоработки и просчеты в плане. «Тито — не какой-нибудь там главарь эмиграции или оппозиции. Это — руководитель большого государства, деятель мирового масштаба. Здесь не должно быть просчетов, как в деле Троцкого», — говорил Сталин».[41]

Вот, кстати, план этого покушения, который, по словам Павла Анатольевича, был разработан без его участия:

«МГБ СССР просит разрешения на подготовку и организацию теракта против Тито с использованием агента-нелегала «Макса» — тов. Григулевича И. Р., гражданина СССР члена КПСС с 1950 года (справка прилагается).

«Макс» был переброшен нами по костариканскому паспорту в Италию, где ему удалось завоевать доверие и войти в среду дипломатов южноамериканских стран и видных костариканских деятелей и коммерсантов, посетивших Италию.

Пропуск стр. 155, 156

рода», где первую скрипку играли русскоязычные специалисты из Гарвардского университета. Затем появилась идея объединить под одной крышей не только русские эмигрантские организации, но и организации, объединяющие украинцев, белорусов, азербайджанцев, армян, грузин, народности Северного Кавказа и Средней Азии.

Переговоры о создании новой антисоветской организации начались в январе 1951 года. Итогом длительных дебатов и согласований стала договоренность о создании «Совета освобождения народов России». В этот Совет помимо Керенского и возглавляемого им «Российского народного движения» вошли «Союз борьбы за освобождение народов России», «Лига борьбы за народную свободу», НТС, а также националистические эмигрантские организации.

Однако дело у «Совета освобождения народов России» не заладилось. С первых же дней внутри коалиции началось выяснение вопроса «кто главнее», затем всплыл национальный вопрос. Украинцы не желали работать с русскими — «кацапами и москалями», армяне видели в азербайджанцах не соратников, а

«проклятых турок», грузины задирались с татарами, чеченцы ненавидели всех. Вскоре «Совет освобождения народов России» развалился сам по себе.

Однако в октябре 1952 года в Мюнхене был создан «Координационный центр антибольшевистской борьбы» во главе с Керенским. Правда, и на этот раз ничего серьезного не получилось. Американцы поддерживали центр, где престарелый Александр Федорович строил прожекты.

Советское руководство внимательно наблюдало за происходящими событиями. И активность американцев и антисоветских организаций вызвала в Кремле серьезное беспокойство, но, как оказалось впоследствии, совершенно напрасное. В результате МГБ СССР получило указание ликвидировать Керенского. Павел Анатольевич вспоминал:

«Кажется, тогда нам позвонил Маленков и сообщил, что ЦК поручает мне важное задание, в детали которого меня посвятит Игнатьев. Вскоре я был приглашен к нему в кабинет, где, как ни странно, он был один. Поздоровавшись, Игнатьев сказал: «Наверху весьма озабочены возможностью формирования «Антибольшевистского блока народов» во главе с Керенским. Эту инициативу американской реакции необходимо решительно пресечь, а верхушку блока обезглавить. Мне приказано безотлагательно подготовить план действий в Париже и Лондоне, куда предполагается приезд Керенского».[42]

Вскоре операция была разработана. Ликвидировать Керенского поручалось сотруднику Бюро № 1 капитану Н. Хохлову, во время войны принимавшему участие в организации убийства гауляйтера Белоруссии Вильгельма фон Кубе. Он должен был вместе с другой сотрудницей Бюро, Ивановой, выступавшей под видом его тетушки, выехать в Париж. По прибытии на место Хохлов получил бы исчерпывающую информацию об объекте операции (о том, что предстоит ликвидировать Керенского, исполнителю акции не говорили).. После чего ему следовало выждать удобный момент и застрелить неугомонного Александра Федоровича из пистолета, замаскированного под авторучку «паркер».

Однако незадолго до отъезда в Париж Хохлов отказался от выполнения этого задания. Свой отказ он мотивировал тем, что у него расшатаны нервы, трясутся руки и ноги. «Боюсь, промахнусь или попаду не в того, в кого надо», — бубнил Хохлов в кабинете Судоплатова.

Начальник Бюро № 1 доложил министру МГБ Игнатьеву, что Хохлов, дескать, попал в поле зрения французских спецслужб, участвовать в операции не может, и предложил использовать в

ней французскую боевую

Глава седьмая

В марте 1953 года умер Сталин. Это была трагедия для всей страны в целом и для каждого человека в отдельности. Вместе со всеми смерть вождя оплакивал и Павел Судоплатов. Радовались только скрытые враги и отщепенцы.

В течение суток с момента смерти Сталина МГБ и МВД были объединены под единым руководством Л. П. Берии. Павел Анатольевич вспоминал о тех днях:

«Весной 1953 года мое положение на службе было неопределенным. Заместитель Берии Богдан Кобулов хотел назначить меня начальником инспекции М ВД, то есть курировать исполнение приказов и инструкций центрального аппарата всеми территориальными органами госбезопасности. Меня это не слишком устраивало, так как я должен был нести груз ответственности за всю машину министерства и заниматься разбором кадровых дел и конфликтных ситуаций на местах. Круглов, первый заместитель Берии, вместо этого предложил, чтобы Эйтингон и я, сохраняя свои должности в Бюро по разведке и диверсионной работе, были назначены заместителями начальника только что созданного управления идеологической контрразведки(…). Я согласился, но так и не приступил к новой работе. Не прошло и недели, как Берия предложил мне заменить начальника Главного контрразведывательного управления Федотова. Однако на следующий день, когда мы с Федотовым пришли в кабинет Берии, Кобулов совершенно неожиданно предложил мне должность министра внутренних дел Украины, затем сказал, что, пожалуй, надо послать меня уполномоченным МВД по Германии, чтобы дать возможность пожить в более комфортных условиях. Зная Богдана Кобулова как большого мастера интриг, я ответил, что не могу принять эти предложения по причинам личного характера(…) Берия согласился с тем, что я не могу уехать из Москвы. В течение недели я получил назначение на должность начальника нового 9-го отдела МВД с подчинением непосредственно министру».[43]

Так на базе Бюро № 1 был создан самостоятельный отдел, который должен был иметь в своем подчинении бригаду войск особого назначения для проведения диверсионных операций за рубежом. Начальник нового отдела Павел Судоплатов фактически стал заместителем начальника Главного разведывательного управления госбезопасности и получил возможность мобилизовать все силы и средства разведки на случай чрезвычайных ситуаций. Заместителем Судоплатова был назначен

Наум Эйтингон.

Новое назначение обрадовало Павла Анатольевича открывшимися перспективами большой и плодотворной работы на благо страны. После смерти Сталина начался пересмотр главных задач в деятельности, которая непосредственно касалась 9-го отдела. Судоплатов писал:

«Берия приступил к осуществлению еще одной инициативы, на сей раз она касалась моего участка работы. На совещании начальников разведслужб Министерства обороны и МВД он резко критиковал Рясного, последнего начальника зарубежной разведки МГБ, выдвиженца Хрущева, за примитивные и малоэффективные методы: сталинские директивы об уничтожении престарелых деятелей эмиграции (Керенского) и второстепенных фигур, по его словам, не имели никакого практического смысла.

Берия сказал, что сейчас главной задачей является создание мощной базы для проведения разведывательных операций. В Германии для этого нужно использовать то, что осталось от прежней агентурной сети «Красной капеллы» в Гамбурге. В странах, граничащих с Соединенными Штатами Америки, надлежало усилить позиции нелегалов. Необходимо также, продолжал он, подготовить решение правительства, обязывающее МИД, Министерство внешней торговли, ТАСС и другие советские загранучреждения расширить поддержку операций советской разведки за рубежом. Он также отметил целесообразность существования двух параллельных разведслужб — в Министерстве внутренних дел и в Министерстве обороны. Первой предстояло собирать развединформацию обычного типа, а второй — проводить специальные операции в случае опасности развязывания войны. Его аргументы, в сущности, были повторением сталинских установок, с гой только разницей, что отныне приостанавливались до особого распоряжения готовившиеся операции по диверсиям и ликвидации за рубежом неугодных правительству лиц».[44]

Между тем в Кремле обстановка становилась все более напряженной и острой. В высшем руководстве страны шла ожесточенная схватка за власть.

Начальник 9-го отдела Павел Судоплатов был увлечен новой работой и ни о чем не догадывался. Правда, кое-что он замечал. Однажды докладывая Берии об отправке в Берлин опытной разведчицы З. Рыбкиной со специальным заданием и делясь с ним своими планами восстановления в Германии наших агентурных связей военного времени, Судоплатов обратил внимание, что Лаврентий Павлович слушает его невнимательно, явно озабоченный чем-то иным. Во время доклада Берия рассеянно

глядел в потолок, играл авторучкой, рылся в бумагах и даже трубно сморкался в носовой платок, чего ранее за ним не наблюдалось. Странное поведение министра МВД удивило Судоплатова, но большого значения этому он не придал.

26 июня 1953 года в кремлевской борьбе за власть была поставлена точка. В этот день на заседании Президиума ЦК Берия был арестован. Победу одержал секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев и примкнувшие к нему Н. А. Булганин, Г. М. Маленков и В. М. Молотов.

Вскоре стали известны детали победы, одержанной над всесильным министром МВД.

Приказ на арест Лаврентия Павловича был отдан лично Хрущевым, при единодушном одобрении Булганина, Маленкова и Молотова. Выполнение важного задания Президиума ЦК КПСС было поручено группе военных: первому заместителю министра обороны маршалу Г. К. Жукову, командующему войсками Московского района ПВО генерал-полковнику К. С. Москаленко, начальнику штаба генерал-майору А. И.Баксову, начальнику штаба ВВС Московского военного округа генерал-майору П. Ф. Батицкому и другим.

Проводя инструктаж военных, Никита Сергеевич сделал страшные глаза и предупредил, что Берия физически силен и знает приемы «джиу-джитсу».

— Как думаете, справитесь? — спросил Хрущев, с сомнением оглядывая нескладную фигуру Москаленко.

Ответственный за операцию Георгий Жуков ответил:

— Ничего, справлюсь, нам тоже силы не занимать! — и продемонстрировал Хрущеву свои кулаки, огромные как тыквы.

Затем группа «захвата» спряталась в помещении рядом с кабинетом Маленкова, где началось заседание Президиума ЦК КПСС. Примерно в 13.00, по условленному сигналу (звонку), группа вошла в кабинет.

— Встать! Вы арестованы!! — подойдя к Берии, что было силы, грянул Жуков.

— Ой! — испугавшись командного голоса, вскрикнул Маленков.

Берия был в шоке. Не давая ему опомниться, Георгий Константинович вывернул арестованному руку, плеснул «леща» и поволок к комнате отдыха, где имелся запасной выход.

В этой комнате Лаврентия Павловича держали до вечера, после чего на ЗИСе вывезли из Кремля. Берию доставили в тюрьму Московского военного округа, где он содержался до конца следствия и суда.

Павел Анатольевич вспоминал:

«Когда я пришел на Лубянку на следующий день, то сразу понял: произошло что-то чрезвычайное. Портрет Берии, висевший у меня в приемной на седьмом этаже, отсутствовал. Дежурный офицер доложил, что портрет унес один из работников комендатуры, ничего не объяснив. В министерстве обстановка оставалась спокойной. Вопреки широко распространенным слухам, не было издано никаких приказов о переброске войск МВД в Москву. Примерно через час меня вызвали в малый конференц-зал, где уже собрались все руководители самостоятельных отделов и управлений и все заместители министра, кроме Богдана Кобулова. Круглов и Серов сидели на председательских местах. Круглов сообщил, что за провокационные антигосударственные действия, предпринятые в последние дни, по распоряжению правительства Берия арестован и содержится под стражей, что министром внутренних дел назначен он. Круглов обратился к нам с просьбой продолжать спокойно работать и выполнять его приказы. Нас также обязали доложить лично ему обо всех известных нам провокационных шагах Берии. Серов прервал Круглова, объявив, что остается на посту первого заместителя министра. Он сообщил также об аресте Богдана Кобулова, его брата Амаяка и начальника военной контрразведки Гоглидзе за преступную связь с Берией. Кроме них, сказал Серов, арестованы министр внутренних дел Украины Мешик, начальник охраны Берии Саркисов и начальник его секретариата Людвигов. Мы все были поражены. Круглов поспешил закрыть заседание, сказав, что доложит товарищу Маленкову: Министерство внутренних дел и его войска остаются верны правительству и партии».[45]

Информация серьезно встревожила Павла Анатольевича. Он быстро пошел в свой кабинет и тут же вызваа Наума Эйтингона. Заместитель появился не менее взволнованным.

— Только что в коридоре встретил начальника управления идеологической контрразведки, идет, словно слепой, и бормочет, что Берия — враг народа. Наверное, пьян или заболел, — с ужасом доложил Эйтингон.

— Нет, он прав, Берия арестован, — ответил Судоплатов и проинформировал Эйтингона о том, что сказал в конференц-зале новый министр МВД Круглов.

Обсудив положение, пришли к выводу, что предстоит серьезная чистка. Однако это их не испугало. «Мы были настолько наивны, что полагали, будто Круглов, решая судьбу руководящих кадров, примет во внимание интересы зашиты государства», — позднее признается Судоплатов.

Тем временем события принимали лавинообразный характер.

Павел Анатольевич пишет:

«После того как об аресте Берии объявили официально и он был исключен из партии и назван врагом народа, состоялся партийный актив руководящего состава Министерства внутреннихдел. Выступления Маленкова и Шаталина с объяснением причин ареста Берии для профессионалов, собравшихся в конференц-зале, прозвучали наивно и по-детски беспомощно. Аудитория молча выслушала откровения Шаталина о том, что для усыпления бдительности Берии Центральный Комитет сознательно пошел на обман, принимая заведомо ложные решения и отдавая соответствующие распоряжения. Все это было беспрецедентно. Все мы верили, что наше руководство ни при каких обстоятельствах не примет директивы для обмана членов партии даже ради самой благородной цели.

(…)Шаталин между тем продолжал свое выступление. По его словам, руководство Центрального Комитета партии и товарищ Маленков вместе с прославленными военачальниками — он упомянул маршала Жукова и генералов Батицкого и Москаленко, которые помогали провести арест Берии, — совершили героический подвиг.

— Совсем непросто было спланировать и провести арест такого злодея, — сказал Шаталин.

Эйтингон, Райхман и я, сидевшие рядом, обменялись многозначительными взглядами. Мы сразу поняли, что никакого бериевского заговора не существует, был антибериевский заговор в руководстве страны.

Сразу после Шаталина слово взял заместитель министра по кадрам Обручников и назвал Райхмана, Эйтингона и меня лицами, не заслуживающими доверия. Он вовсе не был нашим врагом — он выполнял то, что ему приказали. Обручников обрушился на меня за то, что я окружил себя одиозными и подозрительными личностями вроде Эйтингона, Серебрянского и Василевского, ранее арестовывавшимися и отстраненными от работы в разведке. Все мои попытки ответить на эти обвинения пресекались председательствующим Серовым».[46]

Обвинения на партийном активе выбили Судоплатова из душевного равновесия, но он все еще надеялся, что жизнь в министерстве вскоре снова войдет в нормальную колею. Однако тучи продолжали сгущаться. В июле 1953 года был расформирован 9-й отдел (осенью его заменит 12-й отдел МВД СССР, созданный для проведения диверсионной и террористической деятельности). Судоплатов продолжал аккуратно появляться на работе, но никаких существенных дел ему не поручали. Зато он чаще стал встречать косые взгляды

сотрудников министерства и слышать за спиной шепоток о «бериевском охвостье».

5 августа 1953 года Павел Судоплатов был вызван в Кремль, где отвечал на вопросы руководителей страны. В бывшем кабинете Сталина Хрущев, Молотов, Маленков, Булганин, Микоян и Ворошилов «допрашивали» его по поводу заданий, которые он получал от Берии. Вопросы задавали Хрущев, Маленков и Булганин, Молотов хранил угрюмое молчание, Ворошилов и Микоян тоже молчали, подозрительно поглядывая на Судоплатова. Атмосфера в кабинете была напряженной.

Когда Павел Анатольевич начал докладывать о послевоенных акциях против Оггинса, Самета, Ромжи и Шумского, то в каждом случае он указывал, кто давал приказ о ликвидации, и что все эти действия предпринимались с одобрения не только Сталина, но также Молотова, Хрущева и Булганина. Внезапно Хрущев его перебил.

— Товарищ Судоплатов что-то явно путает, — сказал Никита Сергеевич и заявил, что во всех подобных случаях инициатива исходила от Сталина и наших зарубежных товарищей.

Наступившее неловкое молчание длилось целую минуту.

Прервал его Булганин.

— Все эти операции предпринимались против заклятых врагов социализма, вот так-то вот, — сказал Николай Александрович.

— Что он сказал? — громко произнес глуховатый маршал Ворошилов.

— Что надо, то и сказал, — зло буркнул ему в ответ раздраженный Маленков.

Хрущев закончил беседу, обратившись к Судоплатову:

— Партия ничего против вас не имеет. Мы вам верим. Продолжайте работать. Скоро мы попросим вас подготовить план ликвидации бандеровского руководства, стоящего во главе украинского фашистского движения в Западной Европе, которое имеет наглость оскорблять руководителей Советского Союза.

На этом аудиенция завершилась.

Много позже Павел Анатольевич отметит, что упоминание в разговоре имен Хрущева, Молотова и Булганина, как заказчиков политических убийств, стало его роковой ошибкой.

21 августа 1953 года Павел Судоплатов был арестован в собственном кабинете в здании на Лубянке.

— И без глупостей, гражданин, — предупредил его подполковник Гордеев, начальник службы, отвечающей за аресты, задержания и обыски в особо важных случаях.

Судоплатов вспоминал:

«Мы спустились вниз с седьмого этажа во внутреннюю тюрьму, находившуюся в подвале Лубянки. Без соблюдения формальностей я заполнил регистрационную карточку и был заперт в тюремной камере как заключенный под номером восемь.

Я так волновался, что не запомнил того, что происходило вокруг меня. Помню только — у меня страшно разболелась голова, но, к счастью, в кармане обнаружил таблетки. Тут я сообразил, к своему удивлению, что меня даже не подвергли личному обыску, только проверили, нет ли при мне оружия. Наступило время обеда. Я с трудом заставил себя съесть ложку супа, чтобы проглотить таблетку, и начал обдумывать свое положение. В этот момент открылась дверь, и двое надзирателей поспешно вывели меня в административный блок тюрьмы, где обыскали. У меня отобрали все, включая таблетки от головной боли. Сняли с руки швейцарские часы-хронометр, купленные мной пятнадцать лет назад в Бельгии, и провели к закрытой тюремной машине, в последний момент один из надзирателей выхватил из кармана мои часы. Это мелкое воровство потрясло меня: я не мог себе представить, что надзиратели особо секретной внутренней тюрьмы могут вести себя как карманники. Вот о чем я думал в тот момент, хотя мне становилось все яснее, что я обречен(…).

Меня доставили в Бутырскую тюрьму, где снова повторился обыск, затем поместили в одиночную камеру, ничем не отличавшуюся от камеры финской тюрьмы, где мне пришлось в молодые годы сидеть несколько месяцев. Первый допрос состоялся в тот же день, поздно вечером. Допрашивали меня Руденко и полковник юстиции Цареградский. Руденко грубым тоном объявил мне, что я арестован как активный участник заговора Берии, целью которого был захват власти, что я доверенное лицо и сообщник Берии в тайных сделках с иностранными державами против интересов советского государства, что я организовал ряд террористических актов против личных врагов Берии и планировал теракты против руководителей советского государства».[47]

Потянулись нескончаемые, тревожные дни следствия. На допросах Судоплатова не били, но лишили сна. Следовательские бригады из молодых офицеров, сменявшие друг друга, всю ночь до пяти утра без конца повторяли один и тот же вопрос: признаете ли вы свое участие в предательских планах и действиях Берии?

Осенью Павел Судоплатов попал в психиатрическое отделение санчасти Бутырской тюрьмы, где провел довольно продолжительное время. Зимой 1955 года он был доставлен в

стационар ленинградской тюремной психиатрической больницы, в которой наблюдался и лечился по январь 1957 года. После многолетней активной терапии он был представлен психиатрической комиссии на предмет вынесения заключения о состоянии его здоровья. Комиссия сочла Судоплатова вполне здоровым. В апреле 1958 года следствие по его делу было возобновлено.

12 сентября 1958 года Военная коллегия Верховного Суда СССР вынесла приговор:

ПРИГОВОР

Именем Союза Советских Социалистических Республик

Военная коллегия Верховного Суда Союза ССР (…) рассмотрела дело по обвинению: СУДОПЛАТОВА Павла Анатольевича в преступлении, предусмотренном ст. ст. 17–58–1 «б» УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено, что Судоплатов, находясь длительное время на руководящей работе в центральном аппарате органов государственной безопасности, активно способствовал изменнику Родине Берия и его ближайшим сообщникам в проводимой ими вражеской деятельности.

В 1941 году, в первые дни после вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, втайне от советского правительства, предпринял попытку установить связь с Гитлером.

С этой изменнической целью Берия через болгарского посла в СССР Стаменова пытался начать переговоры с Гитлером, предлагая уступить фашистской Германии Белоруссию, Украину, Прибалтику, Карельский перешеек, Бессарабию и Буковину.

Тайные переговоры о территориальных уступках и порабощении советских людей по поручению Берия вел лично подсудимый Судоплатов(…).

Выполнение изменнического поручения Берия Судоплатов длительное время скрывал от Советского правительства и лишь в августе 1953 года после его вызова рассказал об этом.

До начала Великой Отечественной войны Судоплатов по поручению Берия создал и возглавил так называемую особую (специальную) группу из числа работников, особо доверенных Берия лиц. В задачу особой группы входило выполнение совершенно секретных заданий Берия, в частности тайно похищать неугодных ему граждан и уничтожать их без суда и

следствия(.»).

(…) Установлено, что Берия и его сообщники совершили тяжкие преступления против человечества, испытывая смертоносные, мучительные яды на живых людях. Специальная лаборатория, созданная для производства опытов по проверке действия яда на живом человеке, работала под наблюдением Судоплатова и его заместителя Эйтингона с 1942 г. по 1946 год, которые от работников лаборатории требовали ядов только проверенных на людях(…).

(…) Военная коллегия приговорила:

СУДОПЛАТОВА Павла Анатольевича подвергнуть тюремному заключению сроком на пятнадцать (15) лет, с последующим поражением политических нрав на три года и с конфискацией в доход государства одной шашки и одного охотничьего ножа.

Судоплатова П. А. лишить правительственных наград, медалей «За оборону Москвы», «В память 800 лет Москвы», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «30 лет Советской Армии и Флота».

Возбудить ходатайство перед Советом Министров СССР о лишении Судоплатова П. А. воинского звания «генерал-лейтенанта». Президиум Верховного Совета СССР ставит вопрос о лишении его правительственных наград, орденов и медалей.

Пропуск стр 172, 173, 174, 175

ной организацией. Младший сын Анатолий оканчивает Институт иностранных языков, заместитель секретаря Комитета ВЛКСМ этого института, принят в кандидаты КПСС.

Оба сына выходят в большую жизнь, а отец их уже стар и так тяжело болен, что ему не под силу выдержать годы заключения в тюрьме. Тяжкая эта трагедия для всей нашей семьи коммунистов. Поэтому я снова обращаюсь к Вам с настоятельной просьбой о помиловании моего мужа и отца моих детей».

Ходатайство Эммы Карловны было рассмотрено и отклонено.

Весной 1966 года, в канун XXIII съезда КПСС, в многолетней борьбе наступил перелом. Приведу документ, сыгравший тогда решающую роль:

«В письмах на имя XXIII съезда КПСС тт. Гудимович П. И., Мирковский Е. И., Василевский Л. П. и другие (всего 32 человека) ходатайствуют о реабилитации бывшего начальника Четвертого управления МВД СССР Судоплатова и его заместителя Эйтингона. Авторы писем считают, что Судоплатов и Эйтингон были

необоснованно осуждены, якобы, за деятельность особой группы НКВД СССР, созданной для борьбы с немецкими захватчиками и их пособниками в период Великой Отечественной войны с Германией. С просьбой о реабилитации обратился на имя XXIII съезда КПСС и Судоплатов.

Из материалов уголовных дел на Судоплатова и Эйтингона видно, что им не вменяется в вину деятельность названной выше особой группы НКВД СССР.

В 1957–1958 гг. Судоплатов и Эйтингон осуждены Военной коллегией Верховного суда СССР за то, что они по указанию Берии и его соучастника Абакумова и Меркулова возглавляли другую специальную группу, на которую возлагалась разработка и осуществление планов уничтожения и избиения советских граждан.

По этому вопросу Берия в августе 1953 г. показал: «(…) до начала войны мною Церетели намечался на работу в специальную группу, которую возглавлял Судоплатов, для осуществления специальных заданий, т. е. избиения, тайного изъятия лиц, подозрительных по своим связям и действиям. Так, например, имелось в виду применить такую меру, как уничтожение Литвинова, Капицы. В отношении режиссера Каплера намечалось крепко избить его(…). В эту группу были привлечены мной особо доверенные лица».

Эти показания Берии подтвердил и Церетели, пояснив, что особая группа «должна была похищать и избивать неугодных лиц из числа советских граждан». Позднее вместо Церетели заместителем Судоплатова был назначен Эйтингон. В частности, им, Эйтингоном, в 1950 г. был избит литературный работник (писатель Соловьев).. В судебном заседании Судоплатов признал, что он принимал личное участие в разработке плана избиения этого писателя.

На следствии и в самом письме Судоплатов не отрицает, что он участвовал в умерщвлении на территории СССР в 1946–1947 гг. четырех человек (…). Но он не считает себя виновным, т. к. в отношении этих лиц имелись определенные оперативные данные о проведении ими антисоветской работы и умерщвление проведено по указанию, полученному им от бывшего руководства МГБ со ссылкой на инстанции.

В уголовном деле имеются также показания Майрановского, который возглавлял в НКВД-МГБ специальную лабораторию по разработке ядов. Из этих показаний видно, что Судоплатов и Эйтингон требовали от лаборатории ядов, проверенных на живых людях. Собранными следствием доказательствами установлено непосредственное участие Эйтингона в умерщвлении людей

путем введения ядов. Число лиц, умерщвленных таким путем, установить не представилось возможным, поскольку фамилии их скрывались.

Кроме того, Судоплатову вменено в вину пособничество Берии в измене Родине в период Великой Отечественной войны. В 1941 г., в первые дни после нападения Германии на СССР Берия предпринял попытку через посла Болгарии в СССР Стаменова начать переговоры с Гитлером об уступке Германии части советской территории. Переговоры с послом Берия вел через Судоплатова, который при встрече со Стаменовым предложил передать Германии Украину, Белоруссию, Прибалтику, Бессарабию, Буковину и Карельский перешеек.

В настоящее время Эйтингон, осужденный на 12 лет лишения свободы, отбыл наказание и находится на свободе. Судоплатов арестован в 1953 г., осужден в 1958 г. на 15 лет лишения свободы, из которых 8 лет отбывает наказание в тюрьме (г. Владимир).

Отдел административных органов ЦК КПСС считает, что оснований для постановки вопроса о реабилитации Судоплатова и Эйтингона не имеется.

Однако, учитывая, что Судоплатов находится под стражей 13 лет, имеет преклонный возраст (59 лет), является инвалидом второй группы, непригодным к физическому труду, полагали бы возможным поручить Прокуратуре СССР и Верховному суду СССР рассмотреть вопрос о досрочном освобождении Судоплатова в порядке помилования и войти с соответствующим представлением в Президиум Верховного Совета СССР.

Эти предложения поддерживают тт. Руденко и Горкин.

Зам. зав. Отделом Административных органов ЦК КПСС С. Грачев.

Зав. сектором А. Малыгин».

notes

Примечания

1

Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 года. М., 1997. С.15–16.

2

Гражданская война в СССР. Т. 2. М. 1986. С.241 — 242

3

Имеется в виду граница между Украиной и РСФСР, установленная в соответствии с 1-й статьей Брестского мира, подписанного в марте 1918 года правительством Советской России и Германии.

4

31 октября 1918 г. в Венгрии в результате буржуазно-демократической революции к власти пришло правительство социал-демократических и либерально-радикальных партий. 24 ноября по инициативе бывших военнопленных, членов Венгерской группы РКП(б) во главе с Б. Куном, прибывших из Советской России, была создана коммунистическая партия Венгрии. 20 марта 1919 г. в условиях внешнеполитического кризиса венгерское правительство подало в отставку, предоставив всю полноту власти лидерам социал-демократических партий. Последние, не решаясь в обстановке острого кризиса сформировать правительство без коммунистов, заключили соглашение с руководителями компартии Венгрии об установлении в стране советской власти.

21 марта 1919 г. была провозглашена Венгерская советская республика, образован Революционный правительственный совет — председатель Ш. Гарбаи, нарком иностранных дел Б. Кун. 22 марта В. И. Ленин от имени 8-го съезда РКП(б) направил правительству Венгерской советской республики приветственную радиотелеграмму. Революционный правительственный совет взял курс на коренное преобразование страны были национализированы и провозглашены общественной собственностью частные предприятия, шахты, банки, земельные владения, введен 8-часовой рабочий день, повышена зарплата трудящихся и т. д.

В апреле державы Антанты организовали экономическую блокаду, а затем и вооруженную интервенцию против Венгерской советской республики. Против войск интервентов выступила венгерская Красная армия и отряды рабочих. К середине мая наступление частей румынских и чехословацких интервентов было остановлено.

Советская Россия оказывала Венгерской советской республике всевозможную военную помощь. С прибывшим в Москву членом Революционного правительственного совета Т. Самуэли был согласован план совместных операций венгерской Красной армии и частей Украинского фронта. Однако резкое ухудшение положения Советской России, связанное с наступлением войск Деникина в мае 1919 г. в Донбассе, помешало действенной поддержке Венгерской советской республики.

Гражданская война в СССР. Т. 2. М., 1986. С. 119.

Там же.

Там же. С. 122.

8

«Ходя» — китайское слово, равнозначное русскому «земляк». В конце XIX — начале XX веков оно широко вошло в обиход, как пренебрежительная кличка.

Матасов В. Д. Белое движение на Юге России. 1917–1920 годы. Монреаль. 1990.

Там же. С. 34.

11

Гражданская война в СССР. Т. 2. С. 212.

12

Судоплатов А. П. Тайная жизнь генерала Судоплатова Правда и вымыслы о моем отце В 2 кн. Кн. 1. М., 1998. С. 11–12.

13

Судоплатов П. А. Указ. соч. С. 17.

14

Премыслер И. Разгром бандитизма на Украине (1921) Военно-исторический журнал. № 9. 1940. С. 34.

15

Там же.

Судоплатов П. А. Указ. соч. С.66–68.

17

Там же. С. 69.

Там же. С. 98–99.

19

Колпакиди А. И., Прохоров Д. П. Указ. соч. С. 154–155.

Там же. С. 101.

21

Там же. С. 99.

Судоплатов П. А. Указ. соч. С. 118–120.

23

Очерки истории… С. 101.

24

По прибытии Рамона Меркадера в СССР по согласованию с ним решили именовать его так, как зафиксировано в указе. На это имя ему были выписаны все советские документы.

25

Судоплатов П. А. Указ. соч. С. 175–177.

Там же. С. 184–185.

27

Евсеев А. Человек со спины. Вспоминает «Андрей» — руководитель нашей разведывательно-диверсионной службы в годы войны Неделя. № 25, 1991.

28

Степаков В. Спецназ России. СПб — М., 2002. С. 119–120.

Колпакиди А. И., Прохоров Д. П. Указ. соч. С. 286.

Там же. С. 287–288.

31

Колпакиди А. И., Прохоров Д. П. Указ. соч. С. 562.

Судоплатов П. А. Указ. соч. С. 266–267.

Судоплатов П. А. Указ. соч. С. 415.

Даниленко В. КГБ против ОУН история политических убийств Досье секретных служб. № 0, апрель 2002. С. 111–112.

Там же. С. 104–105.

Колпакиди А. И., Прохоров Д. П. Указ. соч. С. 497–498.

Там же. С. 497–498

Там же. С. 494.

39

Там же.

Там же. С. 555–556.

41

Там же. С. 568–569.

Там же. С. 588–589.

Волкова Г. Узник XX съезда Общая газета.

Судоплатов П. А. Указ. соч. С. 622.

Волкова Г. Указ. соч.

Снегирев В. Убийства заказывались в Кремле Труд. 25 июля 1992.

47

Там же.